735/118 I

Ч 35 118
DK 330 A85

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРІИ ЗАПАДНЫХЪ ОКРАИНЪ РОССІИ

ВЫПУСКЪ I

С. Д. АРСЕНЬЕВОЙ

Съ портретомъ Государыни Императрицы и 20-ю рисунками въ текстѣ

Изданіе Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сѵнодѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1904

Цѣна 60 коп.

235 118

ДК Гал
330
А85

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ИСТОРІИ

ЗАПАДНЫХЪ ОКРАИНЪ РОССІИ

ВЫПУСКЪ I

ЛИТВА И БАЛТІЙСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

С. Д. АРСЕНЬЕВОЙ

Съ портретомъ Государыни Императрицы и съ 20-ю рисунками въ текстѣ

ИЗДАНІЕ УЧИЛИЩНАГО СОВѢТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СѴНОДѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СѴНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ

1904

Книжный фонд
Моск. Отд. Центр. А-та Госуд. б
БИБЛІОТЕКА
№

1320/2

Государств. Публичная
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
583602

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Іюля 1904 года.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

БРУТЕНЯ и ВОЙДЕВУТЪ,

легендарные герои древнихъ литовцевъ.

ВЪ VI вѣкѣ по Р. Х. на западъ отъ славянскихъ земель, по юго-восточному берегу Балтійскаго моря, въ нынѣшней Пруссіи и нашихъ губерніяхъ: курляндской съ частью лифляндской, ковенской, виленской, сувалкской, минской и гродненской, жили мелкія племена благодушныхъ ульмигеровъ *). То воюя, то дружа между собою и съ своими сосѣдями, они иногда сильно бѣдствовали отъ набѣговъ лютыхъ мазовшанъ **), которые, налетая, точно бурный потокъ, предавали огню и разоренію ихъ мирныя жилища! Безпощадно хозяйничали дикія рати по всему низовью, между Вислою и Нѣманомъ, грабили, убивали жителей. Ни старъ, ни малъ не находилъ пощады, и цвѣтъ страны, лучшіе изъ ея юношей, должны были слѣдовать плѣнниками за побѣдоноснымъ

---

*) Они впослѣдствіи стали извѣстны подъ именемъ литовцевъ, которыхъ есть вѣскія основанія считать родственными славянамъ.

**) Одно изъ польскихъ племенъ, жившее по средней Вислѣ, Нареву и Бугу.

врагомъ. Стонъ стоялъ по всей опустошенной мѣстности, и волны Балтики суровой далеко разносили вопли женъ и матерей, не хотѣвшихъ утѣшиться въ разлукѣ съ милыми, теперь вѣчными плѣнниками дикихъ враговъ.

Въ отчаяніи, чувствуя свою безпомощность, бѣдняги оставляли свои жилища и брели, поникнувъ головами, къ берегу родного моря, простирая къ небу трепещущія руки, взывая раздирающими душу воплями къ таинственнымъ силамъ природы, прося помощи въ бѣдѣ.—И вотъ—взмиловалось море, услышало небо ихъ стоны! Въ отвѣтъ на отчаянные вопли явилась имъ помощь изъ мглистой дали! Сквозь слезы показался несчастнымъ бѣднякамъ бѣлый парусъ, хотя еще далеко, очень далеко, тамъ, гдѣ синее небо спускается въ синія волны. За первымъ парусомъ показался другой и третій, наконецъ стала ясно видна цѣлая флотилія легкихъ судовъ, направляющихся къ берегу. Впереди шла большая красная ладья, вся разрисованная по бортамъ пестрыми разводами, съ краснымъ парусомъ на красномъ древкѣ и съ синими веслами.

На носу блестѣлъ двѣнадцати-головый змѣй съ разинутыми пастями и торчащими изъ нихъ копьеобразными жалами; туловище чудовища проходило подъ носомъ, и на кормѣ виднѣлось изображеніе раздвоеннаго, чешуйчатаго рыбьяго хвоста. Ладья была полна витязями въ блестящемъ воинскомъ одѣяніи. Толпа оцѣпенѣла и смолкла отъ удивленія: что за невиданное чудовище приближается къ нимъ изъ пучины морской? Это не были знакомые купцы-скандинавы, ежегодные гости, привозившіе товары для обмѣна.—Это ратные люди: на яркомъ солнышкѣ такъ и блестятъ ихъ воинскіе доспѣхи; на ихъ красивыхъ,

удалыхъ лицахъ чувствовалась мощь и отвага. Струсили бѣдные ульмигеры, пали ницъ передъ незнакомцами, ожидая новой, невѣдомой бѣды, новыхъ насилій, новыхъ страданій. Изъ красной ладьи вышли два статныхъ воина, которые добрымъ взглядомъ и кроткой рѣчью начали ободрять перепуганныхъ туземцевъ. Съ трудомъ удалось имъ успокоить толпу и растолковать ей, что не враги они и прибыли сюда не притѣснять, а мирно и счастливо жить въ обоюдномъ согласіи. Тогда ободренные ульмигеры раскрыли передъ добрыми, привѣтливыми пришельцами свое горе, свои кровавыя раны, моля о защитѣ и покровительствѣ, моля о помощи въ освобожденіи своихъ дорогихъ плѣнниковъ.

Удалымъ пришельцамъ эти рѣчи пришлись по сердцу. Давно искали они славы ратной, а въ дни отдыха—покоя и удобнаго пріюта; давно выжидали случая, подобно варягамъ на Руси, водрузить гдѣ нибудь свое владѣльческое знамя. Мольба о помощи понравилась честнымъ храбрецамъ. Они рѣшили высадиться на гостепріимномъ берегу и, знакомясь съ мѣстностью, стали постепенно вліять на туземцевъ своимъ добрымъ нравомъ, честными обычаями. Успокоилась понемногу злосчастная Ульмигерія: по теченію Вислы и Нѣмана вновь потекла жизнь подъ дружескимъ вліяніемъ пришельцевъ: рать и туземцы сливались въ счастливый народъ; тогда предводители пришельцевъ-скандинавовъ, братья Брутеня и Войдевутъ, рѣшили промежъ себя, что можно уже собрать мѣстныхъ старѣйшинъ, посовѣтоваться съ ними и вмѣстѣ разсудить, какъ вѣрнѣе избавиться отъ сосѣдей-враговъ и оградить себя отъ унизительной дани. Передъ собравшимися на кличъ скандина-

вовъ туземными стариками вышелъ мудрый Войдевутъ и сталъ объяснять имъ, что всѣ бѣды родины происходятъ отъ безпечности жителей. «Всмотритесь внимательно въ жизнь вашихъ любимыхъ многочисленныхъ пчелъ», говорилъ онъ: «и у нихъ есть матка, которой всѣ повинуются, трудясь на общую пользу безъ устали. Послѣдуйте этому мудрому примѣру, выберите себѣ общаго начальника,—пусть онъ защищаетъ васъ отъ враговъ, разбираетъ споры, удерживаетъ отъ грабежа и разбоя и защищаетъ невинныхъ. Пусть въ его рукахъ будетъ власть и законъ!»— По душѣ пришлась старѣйшинамъ эта правдивая рѣчь. Посудили они промежъ себя и рѣшили, что хорошо бы послѣдовать его совѣту,—выбрать старшаго надъ старшими, главу надъ всѣми ими, не исключая и скандинавской дружины, которая также должна признать надъ собою главенство избранника всей страны. Только, кого же выбрать? кому вручить свою судьбу? кому подчинить свою дорогую свободу? Въ своей средѣ имъ не на комъ было остановить выбора, приходилось поклониться одному изъ иноземныхъ предводителей. Вотъ и пошли старики къ старшему брату, всегда молчаливому и кроткому, Брутенѣ. Но какъ ни молили его, какъ ни просили, онъ наотрѣзъ отказался отъ власти: тяжело было бы ему думать о житейскихъ дѣлахъ, неурядицахъ, когда его сердце, его мысли витали далеко надъ землею: онъ весь былъ проникнутъ любовію къ роднымъ богамъ своего далекаго отечества, мечтая когда нибудь посвятить себя исключительному служенію имъ.— «Не хочу вынимать меча изъ ноженъ!» говорилъ онъ: «не хочу поднимать руки даже на недруга! не сумѣю защитить праваго, наказать виновнаго! Просите брата:

онъ храбръ, мужественъ: подъ его сильною защитою будете вы жить безобидно, а недруги ваши почувствуютъ тяжесть его побѣдоноснаго меча!»—Правъ былъ мудрый Брутеня: поняли это старики и пошли съ поклономъ къ Войдевуту.—«Твой братъ», сказали они ему, «любитъ только своихъ, невѣдомыхъ намъ, боговъ, онъ посылаетъ насъ бѣдныхъ, беззащитныхъ къ тебѣ,—взмилуйся, возьми въ руки кормило правленія, избавь насъ отъ нашихъ враговъ и собственныхъ неурядицъ!»—Задумался скандинавскій боецъ,—трудна была задача: ратные товарищи были сварливы, подчасъ буйны; вся его власть основана была на суевѣріи туземцевъ, подчинявшихся ему, какъ носителю мира и утѣшенія въ жестокіе дни печали и страданій. Призвалъ онъ на совѣтъ мудраго брата; они вмѣстѣ принялись измышлять средства, которыми можно освятить въ душахъ ульмигеровъ законы правды и добра, развить въ нихъ религіозныя начала, дать видимыя формы неясному ихъ вѣрованію.

Въ одну тихую безлунную ночь опытные скандинавскіе пловцы доставили на своихъ ладьяхъ изъ родной земли трехъ наиболѣе чтимыхъ боговъ-идоловъ: Перкуна, Атримпоса и Поклуса, выбрали среди прекрасной рощи огромный дуплистый дубъ съ вѣчно зеленѣющею, по преданію, листвой, поставили въ дуплѣ истукановъ, обнесли все пространство изгородью и назвали это мѣсто «Ромове» *), т. е. затишье. Братьямъ посчастливилось выполнить задуманное дѣло. Когда труды ихъ были окончены и жители оповѣщены, что должны собраться около указаннаго мѣста, тогда, точно сама природа сговорилась

*) Теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ городъ Полангенъ.

съ ними: пока собирались ульмигеры, изъ-за моря налетѣли черныя, громовыя тучи, небо потемнѣло и всю ночь, по всему побережью, бушевала свирѣпая буря, наводя безумный страхъ на собравшуюся толпу. На утро яркое солнышко выглянуло изъ-за убѣгавшихъ тучъ, ободряя и согрѣвая перепуганный народъ. Вдохновенный Брутеня, принявшій обязанности верховнаго жреца, подъ именемъ «Криве-Кривейто», т. е. судія судей, вышелъ изъ-за стѣнъ «Ромове» и началъ успокоивать народъ такою рѣчью: «Вы слышали громъ, видѣли молнію! это и былъ голосъ боговъ, выбравшихъ именно это мѣсто для своего пребыванія. Здѣсь вы должны клятвенно обѣщать во вѣки вѣчные оставаться вѣрными ихъ поклонниками. Они же будутъ всегда править вами, своимъ возлюбленнымъ народомъ, чрезъ своего служителя, главу жрецовъ,—«Криве-Кривейто!»

На все безъ возраженій согласились кроткіе по природѣ ульмигеры. Они разнесли по всей родной землѣ вѣсть о страшномъ, грозномъ явленіи боговъ, о мудрыхъ рѣчахъ Брутени и данной богамъ клятвѣ.

Долго и мирно управляли братья страною, названною Брутеніею въ честь всеобщаго любимца—Брутени. Народъ привыкъ вѣрить правотѣ и мудрости своихъ правителей, которые неутомимо заботились о его благѣ. Войдевутъ счастливо побѣждалъ сосѣдей, и народъ думалъ, что онъ всегда дѣйствовалъ по указанію боговъ, которые говорили съ нимъ при посредствѣ Брутени.

Достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, братья рѣшили раздѣлить страну между 12-ю сыновьями Войдевута. Народъ собрался по призыву любимыхъ вождей передъ своимъ святилищемъ, открылись ворота «Ро-

Литво положилъ свою правую руку на голову Брутени, а лѣвою прикоснулся къ священному дубу. *(Къ стр. 7.)*

мове», и благочестивые поклонники были допущены лицезрѣть, какъ «Криве-Кривейто» поставилъ передъ священнымъ дубомъ одного изъ сыновей Войдевута,—Литво,—и приказалъ ему дать клятву въ своемъ полномъ повиновеніи главному жрецу и богамъ. Литво положилъ свою правую руку на голову Брутени, а лѣвою прикоснулся къ священному дубу, произнося торжественно слова требуемой клятвы. Тогда ему отдали во владѣніе всѣ земли между Бугомъ и Нѣманомъ, назвавъ ихъ, въ отличіе отъ остальной Брутеніи, «Литвою». Эта именно мѣстность особенно свято и твердо хранила отцовскія преданія и вѣрованія до самой той поры, когда ее озарилъ свѣточъ христіанскаго ученія.

Брутеня и Войдевутъ не долго жили послѣ земельнаго раздѣла: когда старшему минуло 132 года, а младшему—116, они нашли, что достаточно потрудились на благо основаннаго и благоустроеннаго ими государства, что настало время успокоиться, и потому рѣшили принести себя въ жертву любимымъ богамъ.

Въ присутствіи всѣхъ 12-ти сыновей, правителей и несмѣтной толпы народа, они взошли на костеръ, сложенный передъ священнымъ дубомъ, сами подложили священный огонь подъ сухія дрова и умерли, увѣщевая литовцевъ, съ ихъ князьями, вѣрно хранить родные законы, родныя преданія, оберегая страну отъ неистовыхъ мазовшанъ, живя въ мирѣ и согласіи, по волѣ боговъ, передаваемой смертнымъ чрезъ посредство жреца «Криве-Кривейто».

ИСТОЧНИКИ:

1) Вѣстникъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края.
2) *П. Д. Брянцевъ.* Исторія литовскаго государства.
3) *М. Турцевичъ.* Хрестоматія по исторіи западной Россіи.
4) *А. Соколовскій.* Исторія Польши.

ВОИТѢХЪ и БРУНЪ,

католическіе миссіонеры въ Литвѣ. 1009 г.

МИРЪ и спокойствіе царили вокругъ языческой святыни «Ромове», на восточномъ берегу Балтійскаго моря. Потомки ульмигеровъ свято хранили свои древніе законы, охотно, съ любовью подчинялись приговорамъ своего верховнаго жреца, вѣщаго Криве-Кривейто, котораго считали толкователемъ законовъ высшихъ боговъ. Священное «Ромове» собирало подъ сѣнь своихъ вѣковыхъ дубовъ безчисленныя толпы поклонниковъ, приносившихъ обильныя жертвы въ даръ своимъ любимымъ богамъ.

Не по сердцу приходились католическому Западу эти языческіе обряды, идолы, капища. Не столько по религіознымъ побужденіямъ, сколько въ погонѣ за владычествомъ и славой земной, римскій папа посылалъ миссіонера даже въ православную Русь, мечтая обратить ее въ католичество. А тутъ, на границѣ съ христіанской Польшей, по всему побережью Балтіи-

скаго моря, живутъ цѣлыя поселенія жрецовъ, толпы войделотовъ *) и войделотокъ, разносящихъ повелѣнія своихъ жрецовъ по всей пространной литовской землѣ. Красуется языческое «Ромове» и въ немъ благоговѣйно поддерживается неугасимый священный огонь. Нѣтъ, этого нельзя стерпѣть властолюбивымъ папамъ, надо уничтожить, стереть съ лица земли это идолослуженіе и его полновластныхъ представителей!

Польскій король Болеславъ Храбрый, послушный сынъ римскаго престола, сочувствуя святому дѣлу распространенія Евангелія среди язычниковъ, далъ пражскому архіепископу Войтѣху прекрасное судно и отборныхъ тѣлохранителей. Отплыли изъ Данцига, въ неизвѣстную даль, ревнители западнаго ученія и направили свой путь на востокъ, къ устьямъ рѣки Аа. Тутъ набожный Войтѣхъ, проникнутый святостью своего подвига, отказался отъ всякаго видимаго земного отличія. Онъ отправилъ своихъ блестящихъ спутниковъ обратно на родину, а самъ пошелъ вглубь страны, только съ двумя преданными учениками, монахами. Не мало удивились ихъ появленію въ первомъ прибрежномъ селеніи: это не были обычные гости изъ-за моря, нѣмецкіе или норманскіе купцы!—Чуденъ ихъ видъ, да и мало ихъ!—«Что вамъ нужно отъ насъ? зачѣмъ пришли вы къ намъ? кто вы такіе?» осторожно спрашивали изумленные туземцы, косясь недовѣрчиво на пришельцевъ.

Войтѣхъ умѣлъ говорить на прусскомъ нарѣчіи. Высоко поднявъ надъ головою св. крестъ, онъ вдохновенно сталъ объяснять жителямъ, что пришелъ къ нимъ, какъ Божій посолъ, учить христіанской вѣрѣ,—

*) Служители при капищѣ «Ромове».

что, поклоняясь своимъ истуканамъ, они готовятъ себѣ, за гробомъ, ужасныя нескончаемыя муки.—«Бросьте идоловъ!» воскликнулъ онъ: «поклонитесь единому истинному Богу, Творцу неба и земли! тогда вы будете спасены! будете по смерти наслаждаться вѣчнымъ неописуемымъ блаженствомъ!» Угрюмо встрѣтили пруссы—литовскаго племени эту краснорѣчивую проповѣдь: они любили своихъ идоловъ, жрецы незлобиво правили страною, мирно текла ихъ жизнь въ родныхъ равнинахъ. Чего же хотятъ отъ нихъ пришельцы?—«Мы имѣемъ одну общую вѣру, одни общіе законы во всей странѣ, на границѣ которой вы стоите!» отвѣчали они твердо. «Ваша вѣра намъ чужда, а потому идите прочь, удалитесь отъ насъ. Мы не нуждаемся ни въ васъ, ни въ вашихъ рѣчахъ, ни въ вашей вѣрѣ! уходите только скорѣе, чтобы, когда послѣ ночи, снова взойдетъ доброе солнышко на своей золотой колесницѣ, оно не увидѣло бы васъ на нашей литовской землѣ!»

Нечего было дѣлать, пришлось бѣднымъ монахамъ уходить въ ночную темь, по неизвѣстной мѣстности. Но шли они, творя молитву и прося Господа озарить темныхъ бѣдняковъ свѣтомъ истины евангельской, склонить ихъ сердца къ пониманію правды и добра христіанскаго ученія. Передъ разсвѣтомъ, отъ утомленія, путники рѣшились отдохнуть около какой-то стѣны, окружавшей прекрасную благоухающую рощу. Обезсиленные дальнимъ путемъ и пережитыми волненіями, сотворили они молитву и заснули, предавшись всецѣло покрову святого Промысла.

На разсвѣтѣ пошелъ главный жрецъ «Криве-Кривейто» совершать свое утреннее поклоненіе богамъ въ ихъ священной рощѣ «Ромове» и остолбенѣлъ, уви-

дѣвъ какихъ-то незнакомцевъ, спящихъ у самаго входа въ его святилище. Онъ поднялъ тревогу: сбѣжались служители капища, съ возмущеніемъ разглядывая проснувшихся, ничего не понимавшихъ, чужестранцевъ. По приказу повелителя, они безжалостно умертвили Войтѣха, какъ очистительную жертву для умилостивленія боговъ, обиженныхъ, по увѣренію «Криве-Кривейто», близостью иновѣрныхъ къ стѣнамъ ихъ «Ремове». Умеръ въ страшныхъ страданіяхъ первый христіанскій мученикъ на литовской землѣ, пострадавъ за свое рвеніе къ просвѣщенію язычниковъ свѣтомъ Христова ученія, а его спутниковъ заключили въ оковы, 23 апрѣля 997 г.

Огорчился, обидѣлся Болеславъ, когда дошла до него скорбная вѣсть! Тотчасъ послалъ гонцовъ просить, а если нужно и требовать возвращенія католическому міру останковъ мученика. Дикари охотно согласились, но только назначили выкупъ: столько мѣръ серебра, сколько вѣсило тѣло Войтѣха, христіанскаго «Криве-Кривейто», какъ они говорили. На все согласились искренно огорченные поляки, и пошелъ народъ толпами на встрѣчу своей святынѣ. Болеславъ и духовенство, во главѣ съ саксонскимъ епископомъ Бруномъ, посланцемъ германскаго императора Оттона III, поклонились до земли останкамъ мученика и съ честью погребли ихъ на родинѣ, въ г. Гнѣзднѣ *).

Провожая тѣло служителя алтаря Господня, положившаго жизнь за вѣру Христову, набожный Брунъ рѣшилъ, что грѣшно ему оставаться праздным и пользоваться почестями при дворѣ Болеслава. Добросовѣстно донесъ онъ въ Римъ о своемъ путешествіи

*) Въ теперешней прусской провинціи—Познани.

въ православную Русь, хвалилъ благочестіе, вѣротерпимость князя Владиміра, но при этомъ высказалъ свое убѣжденіе, что Западу не одолѣть Востока. Крѣпка на Руси вѣра греческая, твердо внѣдрилось православное незлобіе въ безхитростныя славянскія сердца. «Русь», писалъ онъ, «сильна своимъ православіемъ, ибо князь и народъ по всей землѣ говорятъ и молятся на одномъ языкѣ, духовенство же неустанно трудится, кротко поучая свою паству. Какъ яркій свѣточъ, горятъ дѣла любви и милосердія пастырей церкви, и ихъ горячія молитвы къ Престолу Вседержителя служатъ лучшимъ оплотомъ противъ иноземной проповѣди!» Нѣтъ, не строптивому, хитроумному Западу покорить православный Востокъ! «Потому онъ,—Брунъ,—отказывается проповѣдывать католическое вѣроученіе въ предѣлахъ Русской земли, но смиренно испрашиваетъ позволенія святого отца на новый подвигъ,—продолжать благое дѣло мученика Войтѣха, водрузить крестъ Господень на мѣстѣ его страдальческой кончины».

Благословеніе и разрѣшеніе не заставили себя ждать. И пошелъ кроткій проповѣдникъ святого Евангелія по пути, только что обагренному кровію мученика, въ Пруссію, къ кореннымъ ея жителямъ, язычникамъ—пруссамъ, одному изъ многихъ литовскихъ племенъ.

Мирно, любовно велъ Брунъ свое святое дѣло. Добродушный народъ прислушивался къ его кроткимъ рѣчамъ, случалось ему и вліять на нѣкоторыхъ изъ нихъ кротостію да лаской.

Однажды встрѣтился епископъ съ Нетимеромъ, предводителемъ сосѣдняго округа. Тотъ подвергъ проповѣдника строгому допросу и, выслушавъ, далъ суровый отвѣтъ: «У насъ свои боги, чужихъ намъ не

надо, и потому не хотимъ ни васъ слушать, ни вамъ вѣрить!» Ревнитель правды Божіей не стерпѣлъ дерзости язычника, схватилъ вблизи стоявшаго истукана и повергъ его на горѣвшій костеръ. Испуганно, въ оцѣпенѣніи, смотрѣли язычники, какъ пламя пожирало ихъ мнимое божество. Затрепеталъ отъ злобы Нетимеръ и торжественно воскликнулъ: «Если огонь составляетъ испытаніе правоты вѣроученія, то надо бросить на костеръ дерзкаго иноземца, осмѣлившагося поднять руку на нашу святыню. Сгоритъ онъ,—будетъ наказанъ страданіемъ за лживую проповѣдь; если же онъ останется невредимымъ въ пламени, то, значитъ, онъ правъ, и всѣ мы безпрекословно поклонимся его Богу!» Звѣрское повелѣніе было тотчасъ исполнено. Христіанскій мученикъ, по словамъ его товарища и жизнеописателя монаха Виперта, пробылъ невредимымъ въ пламени, пока вмѣстѣ со своими спутниками не пропѣлъ 7-ми псалмовъ Давида, прося помощи у Господа и восхваляя Его милосердіе. Истуканъ же—былъ пожранъ пламенемъ до основанія. Изумленію язычниковъ не было предѣла.

Нетимеръ и все его племя съ плачемъ пали къ ногамъ христіанъ, моля простить ихъ и научить святой, правой вѣрѣ. Съ восторгомъ принялся ревностный проповѣдникъ учить, крестить и наставлять полюбившихся ему дикарей.

Но, видно, не пришло еще время всеобщаго обращенія литовскихъ племенъ въ христіанскую вѣру. Возмутились сосѣди; отступничество Нетимера отъ вѣры отцовъ привело въ ярость жрецовъ.—Они вступились за идоловъ и напали на вновь обращенныхъ христіанъ, истребили ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ ихъ учителемъ Бруномъ и его сподвижниками, 14 февраля 1009 г.

Дошла новая горькая вѣсть до Кракова! Не стерпѣлъ Болеславъ. Онъ вторгнулся въ страну пруссовъ, по крѣпко замерзшимъ болотамъ прошелъ ее вдоль и поперекъ съ огнемъ и мечемъ; разорилъ священное «Ромове», истребилъ идоловъ, умертвилъ жрецовъ, увелъ въ плѣнъ жителей и тѣмъ наказалъ невѣжественныхъ идолопоклонниковъ за смерть невиннаго христіанскаго мученика.

ИСТОЧНИКИ:

1) Вѣстникъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края.
2) *П. Д. Брянцевъ.* Исторія литовскаго государства.
3) *М. Турцевичъ.* Хрестоматія по исторіи западной Россіи.
4) *А. Соколовскій.* Исторія Польши.

Городня 1125-го года, теперешняя Гродна.

НА КРУТОМЪ берегу Нѣмана гордо высится красивый, деревянный замокъ городненскихъ князей. Ярко отражаются въ тихихъ водахъ широкой рѣки куполы и верхи соборнаго храма и княжескаго терема. Стрѣльчатыя окна терема настежь отворены, и въ одномъ изъ нихъ виднѣется статная русская красавица. Задумчиво смотрятъ въ живописную даль ея чудные голубые глаза, и крупныя слезы текутъ по грустному,—еще не старѣющему лицу. А въ воздухѣ заунывно разносится широкой волной благовѣстъ въ большой колоколъ соборнаго, величественнаго храма, сзывая православный людъ къ сорокодневной молитвѣ за упокой души великаго князя кіевскаго Владиміра Всеволодовича Мономаха. Его дочь, княгиня Агаѳія, отстояла уже раннюю обѣдню въ своей теремной церкви и теперь, глядя на прелестныя окрестности Городни, душой и мыслію переносилась туда, на Днѣпръ, къ Кіеву, гдѣ ея супругъ, князь Всеволодъ Давыдовичъ, вмѣстѣ со всѣми родичами, русскими князьями, хоронилъ у св. Софіи своего великаго тестя.

По тогдашнему обычаю, княгиню Агаѳію въ дѣтствѣ обручили за прекраснаго правнука Ярослава Великаго и дали въ приданое красивую Городню, основанную еще полоцкимъ княземъ Рогволодомъ, отцомъ злосчастной Рогнѣды,—родоначальникомъ полоцкихъ князей, потомковъ старшаго Владимірова сына—Изяслава. Этотъ плодородный, многолюдный удѣлъ по берегамъ Нѣмана и Городничанки граничилъ тогда съ землею ливовъ.

Княгиня мало помнила свою мать, красавицу Гиду, дочь англійскаго короля Гаральда; но часто, за-то, навѣщалъ ее, свою любимицу, князь Владиміръ Всеволодовичъ. Дочь напоминала ему и красотой и умомъ дорогую, любимую подругу. Онъ всегда охотно гостилъ въ родной ему семьѣ, на западной окраинѣ своихъ обширныхъ владѣній. Зять сочувствовалъ всѣмъ благимъ его начинаніямъ и ревностно трудился, выполняя добрыя намѣренія геніальнаго тестя. Западная Русь ширилась, крѣпла, богатѣла въ рукахъ мудрыхъ правителей.

«Что-то будетъ теперь», думала гродненская княгиня. «Братъ Мстиславъ уменъ, добръ, ретивъ,—какъ отецъ, но онъ насъ мало знаетъ, тяготѣетъ къ строптивымъ новгородцамъ. Не будутъ ли тѣ обижать тихихъ, мирныхъ городненскихъ людей? будутъ ли еще оба князя дружить между собою? Оцѣнитъ ли кіевскій властелинъ ея дорогого, любимаго Всеволода?» И слезы еще обильнѣе потекли по блѣднымъ щекамъ. Княгиня такъ углубилась въ свои заботливыя мысли, что не слыхала, какъ отзвонили къ «Достойно», не замѣтила, какъ народъ, приходившій въ церковь съ того берега, сталъ усаживаться въ лодки и переправляться черезъ Нѣманъ. Ее вывелъ изъ задумчивости толчекъ въ

дверь, и два любимыхъ княжича, Борисъ и Глѣбъ, вбѣжали въ опочивальню. Ласкаясь, перебивая другъ друга, они стали разсказывать ей, какъ епископъ служилъ обѣдню, какъ хорошо они пѣли вмѣстѣ съ боярскими дѣтьми на клиросѣ, какъ плакалъ народъ, когда поминали ихъ почившаго дѣда, и показывали, какія большущія просфоры подалъ имъ, по окончаніи службы, о. діаконъ.

Глядя на своихъ красавцевъ, слушая ихъ ласковые голоса, княгиня немного успокоилась, вытерла слезы, улыбнулась той чарующей улыбкой, которую унаслѣдовала отъ матери, и, усадивъ ихъ около себя, по обычаю, очень живо, занимательно стала разсказывать имъ о славномъ прошломъ дорогой родины, о мудромъ дѣдѣ, незабвенной бабкѣ, англійской принцессѣ Гидѣ, дочери несчастнаго Гаральда. Дѣти всегда просили повторять эти грустныя страницы страданій бѣдныхъ англійскихъ принцессъ и неистовствъ Вильгельма, предводителя норманновъ. Отъ нихъ рѣчь перешла къ германцамъ, прибрежнымъ жителямъ Нѣмецкаго моря. Дѣти узнавали, что эти берега были извѣстны съ незапамятныхъ еще временъ, что торговые сыновья юга, древнѣйшіе, неутомимые мореплаватели,—финикіяне,—являлись добывать янтарь на островахъ и по берегамъ нашей Балтики.

Теперь на этихъ родныхъ, славянскихъ водахъ самовластно хозяйничаютъ воинственные датчане, шведы, германцы. Крѣпко засѣли они въ мѣстечкѣ Висби, на о. Готландѣ, все чаще наѣзжаютъ на материкъ; германцы добрались и до Новгорода, скрѣпляя свою дружбу и торговлю съ богатою русской вольницей и ея языческими данниками. Мало было имъ привозить свои товары для обмѣна въ ту же Го-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧ. ... ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

родню, Новгородъ, Псковъ, Полоцкъ, Смоленскъ,—они начали строить свои дворы, съ амбарами, на городскихъ концахъ, стали обносить ихъ тыномъ, укрѣплять. Тогда на эти поселенія очень миролюбиво смотрѣли благодушныя русь, жмудь и литва, ливы, корсь, емь и корелы. Товары складывали у нихъ, но за то и отъ нихъ брали, хорошо платя за богатое сырье.

Княгиня прекрасно знала исторію, жизнь и своихъ подданныхъ и сосѣдей, данниковъ. Рѣчь ея текла такъ живо, вразумительно. Дѣти слушали съ такимъ вниманіемъ, что и не замѣтили, какъ время пролетѣло до самаго обѣда. Только тогда оба мальчика заволновались и наперерывъ стали разсказывать, какъ въ это утро, послѣ обѣдни, они видѣли на церковной паперти какого-то старика, который, по словамъ ихъ пѣстуна, пришелъ съ сѣверо-запада, съ моря.—«Съ того, значитъ, моря, о которомъ я сейчасъ вамъ говорила»,—замѣтила княгиня.—«Онъ поетъ о былomъ своей родины».—«Да развѣ вы не слыхали», перебила дѣтей княгиня, «какъ поютъ паломники о Палестинѣ, Святой землѣ, горѣ Аѳонской, Царьградѣ?»—«Это все не то, матушка-княгиня, онъ поетъ о какихъ-то Ванемѣ, Имантѣ».—«Помнится, я что-то уже слыхала объ этомъ. Не то жрецъ былъ этотъ Иманта, не то проповѣдникъ. Разсказывали что-то, кажется, о томъ, какъ пришли изъ-за моря купцы, или норманны».—«Ну да, ну да, такъ говорили и бояре съ пѣстуномъ. Только онъ твердитъ, что старикъ—язычникъ, и безъ твоего позволенія мы не смѣемъ его окликнуть».—«Правъ, какъ всегда, вашъ мудрый пѣстунъ». Дѣти перепугались: ну, если совсѣмъ нельзя? а имъ такъ хочется слушать пѣніе. И они снова при-

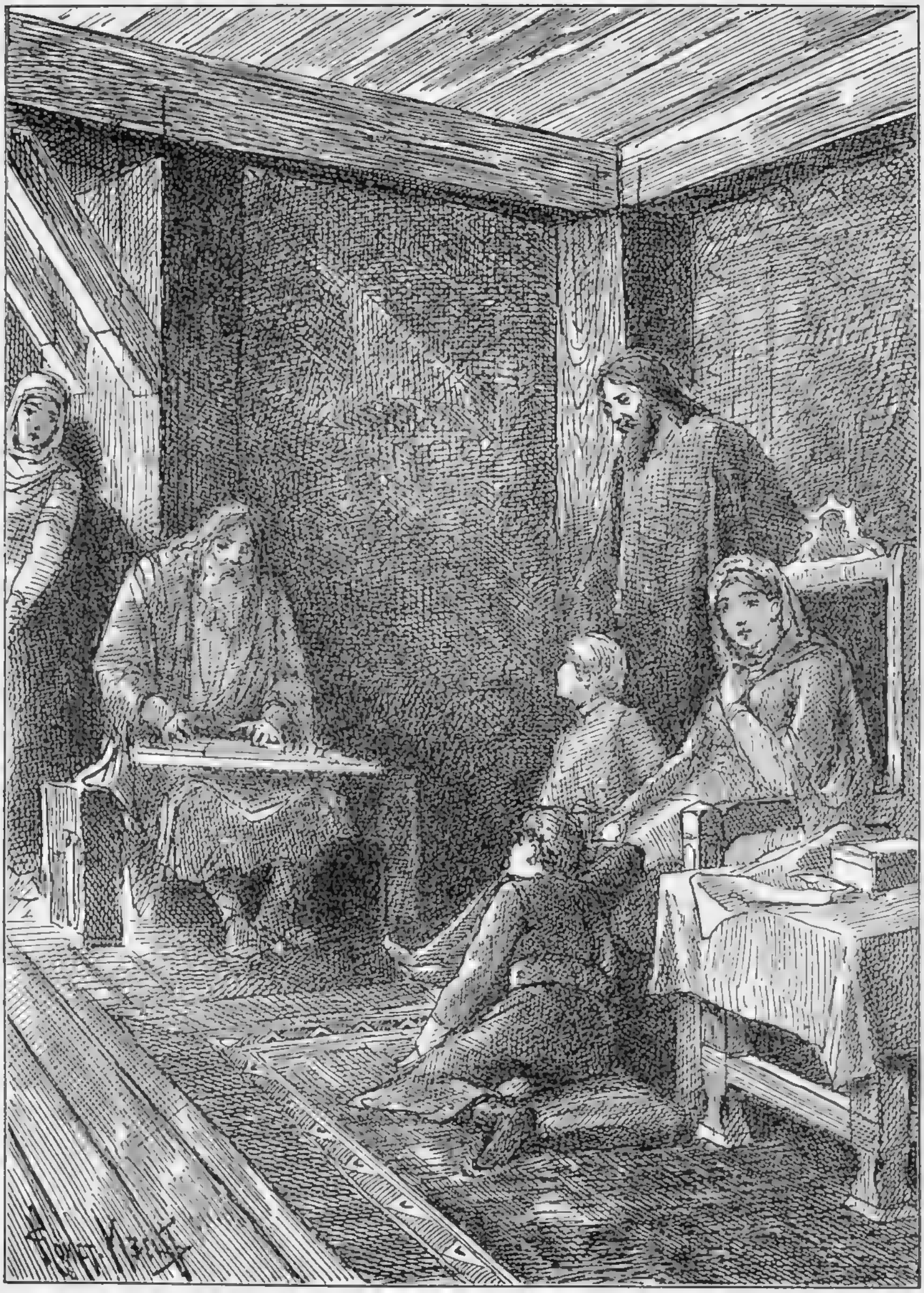
нялись молить княгиню-мать позволить имъ послушать гусляра.—«Видите ли, бояринъ-пѣстунъ не могъ самъ позволить, не испросивъ моего согласія. Теперь мы всѣ соберемся къ трапезѣ, а тамъ посмотримъ,—можетъ, рѣшусь я и сама взглянуть на занятнаго старика».

Дологъ показался, на этотъ разъ, обѣдъ милымъ княжичамъ: приходилось сидѣть чинно, молча слушать разговоры старшихъ. Точно нарочно, духовникъ княгини ужъ очень пространно говорилъ о благомъ обычаѣ поминать усопшихъ. Она же жалѣла, что не могла, по нездоровью, быть въ городскомъ соборѣ, молиться съ дѣтьми и народомъ. Тутъ княгиня взглянула на сыновей, вспомнила ихъ просьбу и спросила: кто видѣлъ стараго странника на паперти? Оказалось, что онъ привлекъ вниманіе очень многихъ, такъ что даже батюшка заинтересовался имъ. Когда прочитали обычныя благодарственныя молитвы послѣ трапезы, княгиня послала, къ всеобщему удовольствію, за пѣвцомъ, котораго сама собралась слушать съ благословенія своего духовника.

Пришелъ, низко кланяясь, невѣдомый странникъ. Угрюмъ онъ на видъ; какъ лунь, бѣла его сѣдая голова, весь точно высохъ онъ въ своемъ сѣромъ зипунѣ. Глубокія морщины исполосовали высокій, открытый лобъ, безысходное горе читалось въ суровыхъ, свѣтлыхъ глазахъ. Онъ сѣлъ на скамью прямо у двери, ударилъ по струнамъ твердой рукой и старческимъ голосомъ, на-распѣвъ, сталъ передавать горькую повѣсть о сѣдой старинѣ своей милой родины. Онъ пѣлъ, какъ росли, цвѣли тамъ могучіе два развѣсистыхъ дуба, на морскомъ берегу, какъ собирались мирные ливы, корсь, эсты справлять подъ ихъ госте-

пріимной тѣнью веселый праздникъ весны. Гусли пѣли, и слышалось въ ихъ грустныхъ звукахъ то безпечное веселье молодежи, то гулъ надвигавшейся бури, вой вѣтра, стоны и вопли тонувшихъ людей, отчаянно взывавшихъ о помощи. Словамъ пѣсни вторили струны. Онѣ ныли подъ искусными пальцами гусляра, который продолжалъ передавать, какъ свирѣпыя волны вынесли на берегъ обломки иноземнаго огромнаго судна, какъ прибрежные добрые жители бросились въ воду спасать утопавшихъ. Обогрѣли ихъ, накормили и призрѣли въ своихъ гостепріимныхъ жилищахъ. Это и были именно нѣмецкіе купцы изъ Бремена, которые хотѣли, миновавъ Висби на Готландѣ, завязать прямыя торговыя сношенія съ славянскими племенами пруссовъ, емью, земголою, летголою.

Долго жили они по-братски на чужой сторонѣ, уча туземцевъ, учась у нихъ понимать другъ друга. На зиму уѣхали подружившіеся чужаки, а тамъ, съ весной, снова явились, привезя еще новыхъ гостей. Но эти уже стали смѣло и неуважительно говорить о богахъ мѣстныхъ, любимыхъ и чтимыхъ, и восхвалять своего Бога. Тогда старцы поморской земли взволновались, стали отстаивать вѣру отцовъ. Женщины-жъ, дѣти, за ними подростки и молодежь, подавались ученью пришельцевъ, прислушивались къ тихимъ, мудрымъ рѣчамъ, пугавшимъ старѣйшихъ. Съ каждой весною все новые гости прибывали на берегъ. Селились, строили крѣпкіе за́мки, стали завлекать въ нихъ и мѣстныхъ друзей. Ванемъ Иманта, языческій жрецъ, возсталъ съ своими полками, сражаясь за цѣлость боговъ. Но пришлыхъ было уже много, они укрывались за неприступныя стѣны. Умѣлые, смѣлые, привыкшіе къ бою, легко побѣдили они



Плакали струны, плакалъ гусляръ, грустно смотрѣла княгиня. Вздохнулъ и священникъ.

(Къ стр. 21.)

малочисленныхъ витязей и съ ними Ванема. Посѣкли священную рощу, срубили и дубы, чтобы съ корнемъ стереть ненавистный языческій міръ. Вспомнили люди слова стариковъ, да было ужъ поздно: ярмо рабства, злая неволя царили повсюду. Легковѣрные туземцы были обречены пахать свою же родную землю на пользу пришлыхъ господъ *).

Плакали струны, плакалъ гусляръ, грустно смотрѣла княгиня. Вздохнулъ и священникъ. Конечно, зналъ онъ преданіе, понятенъ ему былъ грустный, правдивый, немудреный разсказъ. Больно сжималось сердце при мысли, что Бога добра, любви, что вѣру Христову мечемъ и насильемъ вносили къ язычникамъ, прибрежнымъ жителямъ Балтійскаго моря, нѣмецкіе крестоносцы, поборники западнаго христіанства.—«Подходятъ они опять и съ этой стороны», сказалъ онъ шепотомъ княгинѣ. Она кивнула головой. Гусляръ же, перебравъ рукой по струнамъ, передохну́лъ и снова запѣлъ. Къ срубленнымъ дубамъ пришелъ весь въ слезахъ старѣйшій предводитель покоренныхъ племенъ. Давно перебита его вся семья въ неравномъ бою, за свободу. Пали дѣти, внуки, какъ вѣтви могучаго дуба. Онъ одинъ уцѣлѣлъ и скитался, скрываясь отъ лютыхъ пришельцевъ. Увидя обрубокъ на мѣстѣ священномъ, онъ пуще заплакалъ. Поднявши къ небу дрожащія руки, просилъ отомщенія, кары врагамъ или скорой смерти себѣ. Все тихо было, мертво кругомъ. Только море вторило плачу бѣдняка своимъ ревомъ и воемъ ужаснымъ. Къ нему-то, къ этимъ холоднымъ волнамъ, потянуло бѣднягу. Точно безвольный, забываясь отъ горя, побрелъ убитый

*) Такъ установилось крѣпостное право въ Прибалтійскомъ краѣ.

отчаяньемъ старецъ, желая скорѣе покончить съ постылою жизнью. Но путь преградилъ ему юноша свѣтлый, съ кроткимъ лицомъ, яснымъ ласковымъ взглядомъ. Мягко рукой удержавъ горемыку, онъ, какъ ребенка, увлекъ его снова на старое мѣсто и, усадивъ рядомъ на пнѣ, тихо, да властно сказалъ: «Не плачь, старина, надъ участью братьевъ, дѣтей. Судьбы всѣхъ народовъ въ рукахъ ихъ Творца. Мужайся, крѣпись, иди на востокъ. Тамъ найдутся добрые пастыри, тамъ много умныхъ князей. Тамъ научатъ тебя безъ огня и меча вѣрить въ Того, Кто вѣчно живетъ, Кто любитъ, прощаетъ всѣхъ грѣшныхъ, смиренныхъ. Ему не нужны ни богатства, ни царства. Онъ самъ ихъ даетъ безъ боя, безъ слезъ тому, кто вѣритъ, кто любитъ, прощаетъ вражды. Иди, старина, на востокъ. Тебя тамъ пригрѣютъ, устроятъ, поймутъ. Когда же настанетъ желанное время, помогутъ и родинѣ милой твоей. Богъ не безъ милости, займется заря, поднимется правда съ востока въ защиту страдальцевъ твоихъ!» Сказалъ, указалъ на востокъ онъ рукою и сталъ невидимъ. Струна задрожала, оборвался и звукъ; безжизненно, какъ плети, повисли игравшія руки. Умолкъ надтреснувшій голосъ. Горячія, крупныя слезы текли по щекамъ. Растроганные княжичи бросились къ нему, обняли, стали утѣшать, увѣряя, по-своему, что пойдутъ, когда вырастутъ, разбивать крѣпости пришельцевъ, высвобождать отъ рабства его родичей. Подошелъ и батюшка съ словами утѣшенія. Онъ положилъ свою руку на сѣдую голову гусляра, и видно было, какъ его добрыя уста шептали молитву объ успокоеніи его измученной души. Княгиня приказала накормить пришельца, одѣть, удобно устроить въ людскихъ горни-

цахъ и заботиться о немъ такъ, чтобы слова его видѣнія осуществились на яву.—«Пусть онъ, безъ малѣйшаго давленія, подъ впечатлѣніемъ окружающаго мира и добра, подъ конецъ своей многострадальной жизни успокоится въ нѣдрахъ истинной православной Церкви», повторяла сердечная правительница.

Часто милые княжичи навѣщали гусляра. Сидя на дубовой скамьѣ, подъ окномъ своей уютной горенки, онъ не уставалъ пѣть имъ про сѣдую старину. Перебиралъ сказочныя преданія про Святополка, князя поморскаго, язычника-славянина, его жену Властимилу, кроткую, добрую, которая, — страшно вымолвить! — не вѣрила силѣ боговъ.—«Вѣрно, она была христіанка?»—«Охъ, ужъ, пожалуй, и такъ, мои яркія звѣздочки», отвѣчалъ старикъ, поглаживая своей черствой рукой свѣтлыя кудри князей.—«И князь Святополкъ вѣрилъ по-нашему?» спросилъ Борисъ.—«О, нѣтъ», блеснувъ изъ-подъ нависшихъ бровей своими, еще яркими, глазами, сказалъ старикъ: «Святополкъ, князь старгородскій, поморскій, всѣхъ кошубовъ, даже до Свѣчи, Хельмна и Жника, былъ славный витязь, любимецъ боговъ, водилъ рати на датчанъ, бралъ Бургундорхольмъ и Зеландію, собирался разрушить Раскильду. Однажды, такъ говорятъ старики, собралъ онъ своихъ друзей-сосѣдей, и вмѣстѣ пошли черезъ море запугивать злѣйшихъ враговъ,—датчанъ. Въ гавань собрали суда. Изъ княжихъ конюшенъ вывели коней. Ихъ чистили, мыли, убирали на брань и сводили въ огромные баркасы съ люками, гдѣ могло помѣститься отъ 30-ти до 40 животныхъ. Обыкновенно, эти морскіе короли налетали на приморскія селенія, лошадей выводили, садились на нихъ, и всадники грабили, жгли все кругомъ, а потомъ

возвращались съ добычей домой».—«Да это же грѣхъ нападать на мирныхъ?» сказалъ княжичъ Глѣбъ.—«Вѣрно, того заслужили, такъ восхотѣлъ Святополкъ».—«Ну, и что же,—побѣдилъ?» спрашивали, перебивая, нетерпѣливые юноши.—«Не то», таинственно отвѣтилъ старикъ, «приключилося чудо».—«Какое, скажи скорѣе, милый, добрый старикъ, говори, не томи», умоляли княжичи.—«Ну, ну, это не спроста было, не спроста можно и говорить». И, подперевъ свою умную, старую голову крѣпкими, жесткими руками, почти шепотомъ, медленно, точно чего-то боясь, сталъ повѣствовать гусляръ.

«Побѣдоносный князь Святополкъ, по сказанію, уже возвращался съ богатой добычей и плылъ мимо нѣмецкой земли. Вдругъ ему слѣдомъ показались датчане на своихъ великанахъ морскихъ. Славянскія лодки были слабѣе, приходилось бѣжать. Летѣли онѣ, что чайки морскія, и вовѣкъ не догнать бы ихъ. Да боги другого хотѣли. Поднялася буря, тьма нависала все болѣ и болѣ, только молнія озаряла враговъ, указуя ихъ путь славянамъ. Страшно свирѣпствовалъ вѣтеръ, разнося ладьи Святополка. Люди выбились изъ силъ. Уже много дней носились они безъ парусовъ, безъ руля. Вдругъ Святополкъ встрепенулся. Что-то знакомое освѣтила блеснувшая молнія. Князь указалъ Моймиру туда и крикнулъ: «По мѣстамъ, всѣ на весла, туда, въ Ремское море направьте ладьи». Поняли князя. Напрягли всѣ усилія, и что же? Передъ ними—утесъ, ихъ прямо несло на него. Поблѣднѣлъ Святополкъ, струхнули храбрѣйшіе мужи, и тутъ»,—гусляръ совсѣмъ зашепталъ, а князьки, въ волненьи, даже перекрестились,—«онъ, нашъ храбрый князь, тронулъ рукою маленькій свѣт-

ленькій крестикъ, надѣтый ему любимой княгиней, и самъ про себя прошепталъ, поднявши къ небу глаза: «Помоги намъ Ты, Великій Богъ христіанскій! Ты, Котораго призвала Властимила, Кому и я хочу поклониться». И поднявъ руку, князь широко истово перекрестился. Буря же вотъ такъ и утихла, чуть не мгновенно. Видѣли люди, точно рукой кто сдержалъ всѣ вѣтры. Съ шипѣніемъ разступилась вода, и струги пролетѣли въ Перкупскую гавань. А датскія суда налетѣли на скалы, разбились въ щепки, и люди всѣ, до единаго, погибли въ водной пучинѣ».

Княжичи пришли въ восторгъ, они расцѣловали старика и принялись объяснять ему всю силу, всю благость Истиннаго Бога. Имъ не долго пришлось уговаривать его. Пришлецъ и самъ въ душѣ ужъ вѣрилъ. Онъ понималъ, что такіе добрые, мудрые правители, какъ князь и княгиня, такіе всепрощающіе, кроткіе пастыри, какъ тотъ священникъ, котораго онъ узналъ въ Городнѣ,—не могли ошибаться. И онъ запросилъ, какъ милости, святого крещенія. Княжичи сами выучили его читать молитвы, понимать богослуженіе и безгранично радовались, когда, при обрядѣ святого крещенія, ихъ ученикъ внятно, торжественно произнесъ символъ вѣры.

Вернувшись съ похоронъ тестя, князь Всеволодъ радостно заявилъ своей дорогой княгинѣ, что братъ ея Мстиславъ твердо взялъ въ руки мечъ Мономаха; что онъ понимаетъ и цѣнитъ мирную дѣятельность своей сестры и зятя на отдаленной окраинѣ,—только считаетъ нужнымъ предупредить ихъ, что вліяніе папизма сильно растетъ на Западѣ. Князь разсказалъ, что нѣмцы во имя милосердаго Христа немилосердно преслѣдуютъ устойчивыхъ пруссовъ, живущихъ по

берегамъ Сѣвернаго моря,—что они добираются до Жмуди и Литвы, что отъ устья Двины все дальше на востокъ, все ближе къ Русской землѣ селятся пришельцы. Мудрая княгиня слушала внимательно своего супруга и, вмѣстѣ съ нимъ трудясь на пользу края, строго воспитывала своихъ сыновей въ духѣ христіанской любви и милосердія, внушая имъ святой долгъ: служить родинѣ и защищать ее отъ нашествія западныхъ находниковъ.

Изъ лѣтописей видимъ мы, что внуки благочестивой Мономаховны остались вѣрны преданіямъ своей мудрой бабки. Они энергично отстаивали русскіе интересы, даже вступали въ тѣсные союзы съ Литвою, лишь бы защититься противъ нѣмцевъ. Такъ Володарь Глѣбовичъ въ 1162 г. «ходяше съ Литвою въ лѣсѣхъ» противъ своего родича, полоцкаго князя Рогволода Борисовича, когда узналъ о его союзѣ съ ненавистными рыцарями.

ИСТОЧНИКИ:

1) *П. Бобровскій.* Историческая монографія въ Вѣстникѣ Западной Россіи (Вильна, 1866 г. кн. 7, т. III).

2) *Е. В. Чешихинъ.* Исторія Ливоніи.

3) *Н. Н. Филипповъ.* Сказаніе о Святополкѣ, князѣ Поморскомъ.

МЕЙНГАРДЪ († 1196) и БЕРТОЛЬДЪ († 1198),

первые католическіе епископы Ливоніи.

ДРЕВЛЕСЛАВЯНСКІЯ урочища—Бремя, Гамбогъ, Любечъ, Жданскъ или Гданскъ, Щетинъ—разрослись и разбогатѣли на славу подъ управленіемъ своихъ владыкъ, правившихъ ими, подъ верховнымъ покровительствомъ германскихъ императоровъ, съ титулами имперскихъ князей, епископовъ и архіепископовъ. Они вели обширную торговлю съ Кельномъ, Даніей, Швеціей и далекой Англіей. Ихъ уже звали Бременъ, Гамбургъ, Любекъ, Данцигъ и Штетинъ. Къ нимъ-то и являлись за товаромъ удалые варяги, чудь морская да славяне. Случалось мѣняли, а то и силой брали храбрецы все то, что приходилось имъ по нраву, по вкусу. Чрезъ нихъ же неслась и ширилась среди имперскихъ князей краснорѣчивая молва о богатствѣ невѣдомыхъ еще племенъ, живущихъ дальше за моремъ, на востокъ. Слышно было, что съ ними выгодно дружить, вести мѣновую торговлю. Только не легко до

нихъ добираться, такъ какъ по морю то и дѣло сновали удалые морскіе короли, догоняя, на своихъ легкокрылыхъ ладьяхъ, грузныя купеческія суда, грабя и забирая все, что попадалось на пути. Настойчивые нѣмцы все же стали упорно двигаться по морскому берегу, не спуская глазъ съ заманчиваго востока. Заселили островъ Рюгенъ, древнюю Винету, добрались и до Готланда, гдѣ было такъ много удобныхъ пристаней и откуда уже туманилась русская даль.

Они подружились съ отважными, умными островитянами, построили города, обнесли ихъ красивыми стѣнами съ высокими башнями и неутомимо работали надъ развитіемъ своей силы, своего торговаго могущества. Норвежскій король Олафъ, уже христіанинъ, и любекскій герцогъ Генрихъ, прозванный Львомъ, были вѣрными покровителями нарождавшейся германской силы на славянскомъ морѣ.

Время летѣло, года проходили, росла, ширилась торговая сила. Сдружились готландцы съ далекимъ, богатымъ Новгородомъ, проложивъ себѣ къ нему дорогу по широкой Невѣ, Ладожскому озеру и бурному Волхову. Ихъ плѣнилъ вѣчевой порядокъ властныхъ славянъ, самостоятельность вольныхъ людей, ихъ строгая набожность, суровая честность въ торговыхъ дѣлахъ, богатство, живописная архитектура строеній,— особенно храмовъ. Постепенно, очень настойчиво скрѣпляли они свои отношенія съ родиной Гостомысла. Поставили даже мѣновую контору на нѣмецкомъ концѣ, подъ сѣнью св. Софіи.

Торговцы изъ-за моря пришлись такъ по сердцу Новугороду, что въ годину кровной обиды, нанесенной Мономахомъ, въ Кіевѣ, ихъ излюбленнымъ посадникамъ,

строптивые граждане съ семьями и сокровищами отплыли къ знакомымъ берегамъ о-ва Готланда и поселились въ Висби у дружелюбныхъ купцовъ. Ихъ не забывала родная сторона. Друзья сносились постоянно и щедро помогали переселенцамъ выстроить православный храмъ во имя св. Николая Чудотворца. Бременъ, Любекъ, Готландъ, сплоченные общими выгодами, общимъ вѣроученіемъ, родные по крови и духу, стали съ годами еще завистливѣе заглядываться на богатый, самобытный востокъ. Эта неизмѣримая, какъ море, славянская ширь неотразимо тянула ихъ къ себѣ. Языкъ одинъ у всѣхъ и вѣра та-же; промежъ себя дерутся, ссорятся, а какъ доїдетъ до общаго врага, такъ, пожалуй, встанутъ твердо, отъ моря и до моря. Съ ними надо умѣло, осторожно, половчѣе ладить!—Совсѣмъ иное дѣло язычники, ихъ данники,—ливы, эсты, венды. Вотъ какъ бы къ нимъ пробраться, сблизиться, конечно, помимо властныхъ новгородцевъ. Какъ бы надъ ними попробовать силу евангельской проповѣди, о которой такъ настойчиво толкуютъ краснорѣчивые монахи! Весь западъ горитъ теперь жаждой просвѣщенія язычниковъ! И вотъ, точно сама благодѣтельная судьба способствовала осуществленію завѣтныхъ думъ, стремленій набожныхъ латынянъ.

Тихо было море, ясно небо. Покойно вели опытные мореходы свои суда по направленію къ знакомымъ, Невскимъ берегамъ, неся въ славянскія земли обычный богатый товаръ. Ночь наступила, стемнѣло кругомъ. Какъ вдругъ потянуло тревогой съ тихой выси. Зыбь начала понемногу крѣпчать. Пронеслась по воздуху острая струйка! Еще и еще. Все выше, сильнѣе вздымаются волны, вѣтеръ крѣпчаетъ, пучина встаетъ.

На зарѣ разразилась сильнѣйшая буря. Корабли сбились съ пути, ихъ, какъ щепки, трепало славянское море! Высоко вздымались валы за валами, точно прочь отгоняли нѣмецкихъ пловцевъ, злобно разбивая ихъ ладьи объ острыя скалы. Самые опытные мореходы растерялись, не узнавая береговъ, не видя, куда ихъ несетъ. Спасительный совѣтъ подалъ одинъ изъ путниковъ. Умѣлой рукой двинулъ онъ рулемъ большого корабля къ югу и сталъ путь держать, на сколько было возможно, въ широчайшее устье какой то рѣки, прямо на отлогій, песчаный берегъ. Съ ужаснымъ трескомъ врѣзался корабль въ сыпучую землю. Вопли и стоны несчастныхъ вызвали на берегъ жителей сосѣдняго лѣса. Бѣжали ливы, леты, приморская чудь и корсь, какъ разъяренные звѣри, съ своимъ первобытнымъ оружіемъ, убивать пришельцевъ, грабить выброшенное на ихъ землю добро. Даже съ противоположнаго берега торопливо подплывали сердитые туземцы на своихъ рѣчныхъ лодченкахъ, надѣясь предварительно перебить нежданыхъ гостей и затѣмъ поживиться ихъ невѣдомымъ добромъ. Не тутъ-то было! Нѣмцы не струсили: подняли бердыши, мечи, да съ такой отвагой стали косить направо да налѣво, защищая свое добро и самую жизнь, что нетолько остановили дикій натискъ, но и навели страхъ и ужасъ на растерявшихся дикарей. Понуря головы, опустили они свои дубины, топоры и пошли на мировую. Христіане очень ловко воспользовались своей удачей и спасеннымъ имуществомъ, чтобы, подѣлясь имъ, завести дружбу и умаслить расходившихся дикарей. Отличную помощь сослужили также вино да старый медъ.

Съ этого началось первое знакомство, а затѣмъ

постепенно пошло и сближеніе. Ужъ сами жители стали ожидать пріятныхъ, почти полезныхъ заморскихъ гостей. Тѣ уѣзжали каждую осень, появлялись съ весной, учились прилежно мѣстному говору. Стали мало по малу двигаться внутрь страны. Туземцы благодушно помогали имъ селиться, даже просили возвращаться, не покидать ихъ. Верстахъ въ шести отъ берега выросъ цѣлый городокъ на горѣ, а въ немъ амбары для склада товаровъ, и кругомъ крѣпкія стѣны для защиты,—не всѣ же туземцы будутъ такъ сговорчивы, какъ первые! И выросъ Икскуль въ 1143 году, первый оплотъ осторожныхъ находниковъ на полюбившихся имъ мѣстахъ.

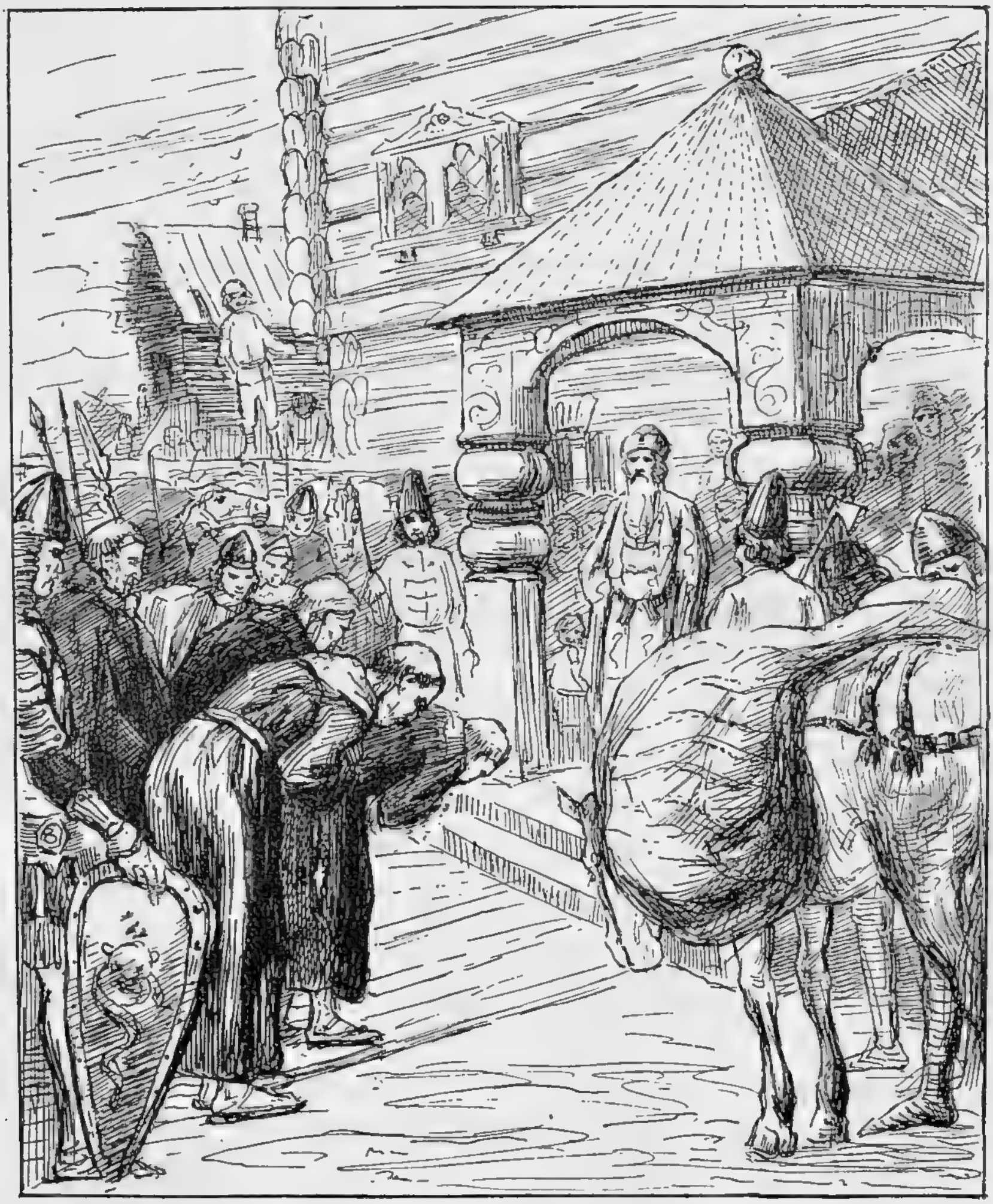
Число новыхъ поселенцевъ видимо росло. Въ 1187 году направился въ ту сторону и священникъ бременской епархіи, Мейнгардъ. За нимъ потянулись по стихшему морю къ облюбованнымъ берегамъ одинъ за другимъ караваны судовъ изъ нѣмецкихъ земель.

На этотъ разъ не погоня за славой, не жажда торговыхъ выгодъ руководила ими. Подъ давленіемъ строгихъ приказовъ изъ Рима, слѣпо вѣруя въ непогрѣшимость желаній папы, своего духовнаго вождя, собрались они въ походъ. Мощная идея, твердая воля несла съ купцами и фанатическаго монаха и храбраго воина! Они стремились въ чужой, невѣдомый край, виднѣвшійся за волнами знакомаго моря, къ тому мѣсту, гдѣ широчайшая Двина торжественно и плавно сливаетъ свои могучія воды съ морскою волною. Монахъ Мейнгардъ скромно поселился на рѣчномъ берегу, въ мѣстечкѣ Рюггѣ, уча сосѣднихъ жителей начаткамъ христіанства, евангельскимъ заповѣдямъ любви, милосердія, правды, добра. На-

саждалъ онъ среди нихъ постепенно христіанское просвѣщеніе, заботился о смягченіи ихъ нравовъ и старался дружить, сживаться съ мѣстнымъ населеніемъ. Знакомился и съ сосѣднею, православною Русью.

Полоцкъ, наслѣдіе Владиміра-Краснаго Солнышка и его строптивой, несчастной супруги Рогнѣды, былъ свидѣтелемъ по-истинѣ чуднаго зрѣлища. Къ его крѣпкимъ городскимъ воротамъ смиренно подъѣхалъ однажды малочисленный караванъ. Шли ратные люди, закованные въ блестящія латы, за ними вьючныя лошади, обремененныя тюками. Впереди же всѣхъ выступали смиренные чернецы въ темныхъ одеждахъ невѣдомаго покроя. Князь Владиміръ Глѣбовичъ въ недоумѣніи смотрѣлъ съ Краснаго крыльца на иноземныхъ гостей. Любопытно толпились полочане, все тѣснѣе и тѣснѣе окружая невѣдомыхъ пришельцевъ.—То былъ самъ Мейнгардъ, скромный нѣмецкій монахъ. Онъ шелъ, низко кланяясь и принося къ ногамъ русскаго князя драгоцѣнные подарки, обѣщая впередъ полную покорность тѣхъ народцевъ, которые искони платили дань полоцкому столу. Взамѣнъ же всего этого усердно молилъ объ одной милости,—добивался для себя права учить дикарей любви и послушанію, говорить имъ о Богѣ правды и добра.

Легко попались на хитросплетенную удочку довѣрчивые славяне. Смиренъ видъ гостей, тиха ихъ рѣчь, богаты многочисленные дары. И князь Владиміръ Глѣбовичъ, безхитростный потомокъ свирѣпаго Всеслава, охотно, благодушно, даже съ благодарностью разрѣшилъ кроткому чернецу учить дикарей, проповѣдывать св. Евангеліе язычникамъ,—полоц-



Мейнгардъ, католическій священникъ бременской епархіи, приходитъ съ поклономъ къ полоцкому князю Владиміру Глѣбовичу.

(Къ стр. 32.)

кимъ данникамъ. Торжествуя побѣду надъ мракомъ язычества и невѣжества, папа возвелъ Мейнгарда въ санъ епископа. Въ г. Икскулѣ былъ учрежденъ его дворъ и клиръ. Къ нему стремились и смиренные монахи и храбрые воины, да въ такомъ множествѣ, что встревожили даже недалекихъ дикарей *).

Заволновались старики среди корси, ливовъ, эстовъ. «Чего же, наконецъ, хотятъ отъ насъ непрошеные гости? Языкъ ихъ непонятенъ намъ. Не нуженъ ихъ старикъ-отецъ, весь въ черномъ. У насъ свой жрецъ и судія,—Ванемъ Иманта **). Онъ войны не хочетъ, онъ добромъ ихъ проситъ удалиться. Они жъ свое толкуютъ, совершенно намъ непонятное». И все чаще да чаще стали собираться старцы подъ сѣнь священной рощи, вокругъ вождя.

Усѣвшись въ тѣни священнаго дуба, Ванемъ Иманта старался успокоить раздраженные умы.— «Пусть молятся они своему Богу», говорилъ онъ перепуганнымъ главарямъ, предсказывавшимъ скорую, общую гибель. «Наши боги любятъ насъ и намъ помогутъ». Старики не унимались. — «Да посмотри ты только, какъ много понаѣхало новыхъ-то пришельцевъ! Есть между ними и молодые, да такіе смѣшные. Съ ласковой рѣчью, съ легкой поступью обходятъ они нашу землю. Толкуютъ съ дѣтьми, ихъ матерями. Изъ хижины въ хижину бродятъ; все говорятъ о своемъ Богѣ. И Дѣву, Матерь Его, поминаютъ. И такъ хороша, умильна ихъ рѣчь! Молиться учатъ, когда кто отъ нашихъ болѣетъ. Матери начинаютъ со слезами просить о здо-

*) Литовскія и финскія племена.

**) Имя главнаго жреца.

ровыи дѣтеи,—и точно бы уходитъ болѣзнь, встаютъ малолѣтки, на радость семьи».

Ванемъ упорно молчалъ, слушая рѣчи чудныя. Не по душѣ была ему ссора. Что добраго, если дойдетъ до кровавоѣ расправы! Снова являются вѣщіе старцы: «Вонми, отецъ и вождь нашъ! Смотри! Они водоѣ насъ кропятъ. Наши дѣти надѣваютъ какіе-то знаки, что раздаетъ черныѣ отецъ».—«Не вижу бѣды никакоѣ!» твердилъ миролюбивыѣ Ванемъ. «Пусть ваши жены и дѣти внимательно слушаютъ кроткія рѣчи. Уѣдутъ пришельцы, останется память о мудрыхъ, добрыхъ совѣтахъ. Кромѣ пользы не вижу въ нихъ ничего тутъ дурного. Только ссоръ берегитесь! Не надо нашимъ богамъ крови пришельцевъ. Они мира требуютъ, воѣна имъ претитъ». Качали сѣдыми головами вѣщіе старцы, страшно боялись за будущность родины милоѣ, но спорить не смѣли.

На горе бѣдныхъ ливовъ, дикіе земчане *) напали на нихъ: разорили селенія, уничтожили нивы, сожгли все добро, забрали жителеѣ въ плѣнъ. Нѣтъ силъ справиться съ ними, даже корсь и эсты безсильны помочь. Вступились пришельцы: имъ вѣдомо искусство и побѣждать и защищаться! Ловко устроили они засаду, отбили всѣхъ плѣнниковъ, далеко отогнали земчанъ. Упрямые старики почувствовали благодарность за услугу. Они собрали богатую дань, поднесли освободителямъ, упорно твердя свою завѣтную думу-мечту: «уходите теперь домоѣ, на родину, на западъ, отъ насъ подальше, за широкое море». Но тутъ ужъ завопили женщины, матери, жены. Имъ страшно было оставаться однимъ безъ сильноѣ защиты,

*) Литовское племя.

безъ помощи пришельцевъ. Имъ вторили мужья и братья. Помимо Ванема, помимо старѣйшинъ земли, они помогали пришельцамъ укрѣплять прежнія селенія, Икскуль и Кирхгольмъ, строить въ нихъ церкви, обѣщая креститься!

Толковые находники поняли, въ чемъ дѣло, и все сильнѣе и сильнѣе стали забирать власть въ свои руки. На Западѣ, въ Римѣ, такъ рѣшили,—и нѣмецкій топоръ мигомъ снесъ съ лица земли священные дубы язычниковъ, а рощи пошли на постройку христіанскихъ церквей.

Поздно поднялся Ванемъ,—его сила ослабла! Онъ и старѣйшины всѣ перебиты въ неравномъ бою, а мѣстные жители, не успѣвъ опомниться, втянулись въ ярмо: какъ рабы, стали они трудиться на своихъ же собственныхъ нивахъ, для пришлыхъ господъ! противъ воли стали молиться невѣдомому Богу, съ трудомъ начали повторять слова молитвы на чуждомъ нарѣчіи.

Изъ-за моря же къ Мейнгарду прибывало все больше и больше усердныхъ сотрудниковъ, добрыхъ помощниковъ. Личное его кроткое вліяніе тянуло въ школу дѣтей, за ними стали показываться матери, старшія сестры, потомъ братья-подростки. Кромѣ Икскуля и въ другихъ поселкахъ стали строить христіанскіе храмы и школы. Настойчивые пришельцы умѣло развивали торговлю. Богатѣла окру́га. Ее уже начали звать на западѣ Ливоніей, Мейнгарда же чествовали прозвищемъ ея апостола. Дѣло просвѣщенія пошло бы блестящимъ образомъ, да повредила ему непомѣрная жадность пришельцовъ. Угрюмые, молчаливые дикари, сначала такъ равнодушно, потомъ съ возврастающимъ вниманіемъ слушавшіе своихъ

учителей, встревожились, увидавъ, что, кромѣ обычной дани русскимъ князьямъ, съ нихъ стали собирать десятину въ пользу христіанскихъ проповѣдниковъ. Да и этого еще мало. Они наконецъ поняли, что, кромѣ Меѣнгарда и его клира, тамъ гдѣ-то, за моремъ, есть другой, бременскій архіепископъ, и ему они должны покориться и ему платить дань!—Это уже слишкомъ! Какъ одинъ человѣкъ, возстали ливы, корсь и эсты,—точно потокъ, ринулись опустошать и дворъ и имѣнія епископа. На глазахъ своихъ опѣшившихъ крестителей, съ воплемъ и стономъ погружались они въ родныя волны, омываясь и очищаясь отъ чуждаго ученія, отъ латинскаго помазанія.—«Прочь отъ насъ», кричали они на волны, катившіяся въ море, «неситесь скорѣе, подальше, унося все чужое туда, откуда оно пришло!» Такимъ образомъ вся страна отдала свое крещеніе назадъ нѣмецкимъ учителямъ, латинскому монаху. Перепугались, растерялись находники, задумались, но не надолго. Помощникъ Мейнгарда, монахъ Теодорихъ поднялъ голосъ проповѣди въ другой мѣстности, у торейдскихъ ливовъ. Къ нему опять начали прислушиваться: его краснорѣчіе стало привлекать любопытныхъ дикарей, благо, онъ не заговаривалъ еще ни о покорности, ни о дани, ни о работахъ. На бѣду, во время одной его очень краснорѣчивой бесѣды, 24 іюня 1191 года, среди дня сдѣлалось затменіе. Солнце затуманилось, тьма покрыла землю. Страхъ обуялъ слушателей. Да и было съ чего. Дикарямъ показалось, что пришелецъ монахъ всему виною, что онъ затмилъ, пожалуй, проглотилъ доброе солнышко. Они бросились, порываясь растерзать чуженина. И только чудесная случайность спасла его отъ лютой смерти.

Мейнгардъ понялъ, что его святое дѣло не двинется впередъ мирнымъ путемъ, что кромѣ силы проповѣди нужна сила оружія, что слова должны опираться на мечъ, и онъ рѣшился воспользоваться отплытіемъ купеческаго каравана на Готландъ, чтобы оттуда, на одномъ изъ судовъ, самому съѣздить въ Бременъ, поговорить о встрѣчающихся затрудненіяхъ. На бѣду онъ вздумалъ взять съ собою клиръ и братьевъ-монаховъ. Ливы смекнули, въ чемъ дѣло. Прикинулись кающимися. Ужъ очень боялись привоза новыхъ ратниковъ съ запада. Обѣщали даже всѣ креститься, лишь бы не уѣзжалъ добрый Мейнгардъ. Онъ уступилъ. Купцы поплыли своей дорогою,—онъ остался, вернулся въ Икскуль и снова принялся за проповѣдь. Дѣло, однако, не спорилось. На этотъ разъ угрюмый людъ не поддавался, не крестился. Мейнгардъ снова задумалъ удалиться, держа путь черезъ Эстонію, оттуда ужъ на Готландъ. Въ Тройденѣ его нагналъ крещеный ливонецъ Анно.—«Не ѣзди дальше, отецъ святой!» взволнованно молилъ онъ.—«Побереги себя. Я слышалъ тамъ, въ лѣсу, за пнями, на болотѣ сидѣли наши. Они знаютъ, что ты уѣзжаешь, боятся, что привезешь полки изъ-за моря! Имъ страшно! Не хотятъ они чужихъ ратей. Всѣ поклялись скорѣй убить тебя, чѣмъ выпустить изъ нашихъ мѣстъ». Смутился инокъ; сосредоточился въ молитвѣ: «О Боже милосердый!» твердили запекшіяся губы, «вразуми, подкрѣпи, научи меня служить Тебѣ! Учить невѣжественныхъ дикарей святымъ Твоимъ велѣніямъ!» Долго молился, думалъ, просилъ у Господа вразумленія и, наконецъ, тихо покорно поплелся назадъ въ свой замокъ, обратившійся по волѣ полудикихъ туземцевъ въ настоящую тюрьму. Тамъ, въ мрачныхъ унылыхъ

переходахъ, встревоженно ходили монахи. Весь клиръ жилъ подъ страхомъ погрома отъ туземцевъ. Мейнгардъ молился, постился, наконецъ, собралъ каноников къ себѣ на совѣтъ. Едва мерцаютъ свѣтильники въ покоѣ епископа. хмуры изможденныя лица; потуплены взоры. Владычный Римъ прислалъ ихъ съ береговъ привѣтнаго теплаго моря на унылое побережье сердитой Балтики. Они призваны трудиться среди дикарей, во славу имени Христова, а дѣло просвѣщенія язычниковъ такъ и не двигается впередъ, несмотря на всѣ ихъ усилія.—«Отцы и братія!» кротко взываетъ Мейнгардъ, «намъ надо мѣры принять!» Всѣ возрились,—ожидая, что придумалъ мудрый учитель.—«Да какія?» читался у каждаго въ глазахъ вопросъ.—«Ближній нашъ начальникъ, бременскій архіепископъ такъ бѣденъ», заговорили нѣкоторые, «что нечего и дожидаться отъ него.»—«Полагаю, вѣрнѣе обратиться къ самому источнику всѣхъ благъ, всего движенія»,—тихо заговорилъ епископъ.—«Прямо въ Римъ къ ногамъ владыки западнаго міра понесемте нашу сердечную скорбь и заботу», энергично высказался суровый, худой чернецъ Теодорихъ.—«А какъ пробраться?» заговорили чуть ли не всѣ разомъ.—«Ливы зорко стерегутъ ворота замка»—говорилъ одинъ,—«лучше насъ знаютъ они всѣ дороги, тропинки».—«Отъ нихъ не ускользнуть намъ, какъ ни ухитряйся!» перебивали одинъ другого перетрусившіе клирики. Мейнгардъ оглядывалъ всѣхъ испытующимъ, тревожнымъ взглядомъ. Изъ темнаго угла снова поднялась высокая, худая фигура. Суровый инокъ твердо глядѣлъ на епископа изъ-подъ нависшихъ складокъ капуцинскаго покрывала. Онъ былъ покоенъ въ своей рѣшимости, тонкія губы разжались, и средь гробового

Чернецъ Теодорихъ выѣзжаетъ за ворота Икскуля. *(Къ стр. 39.)*

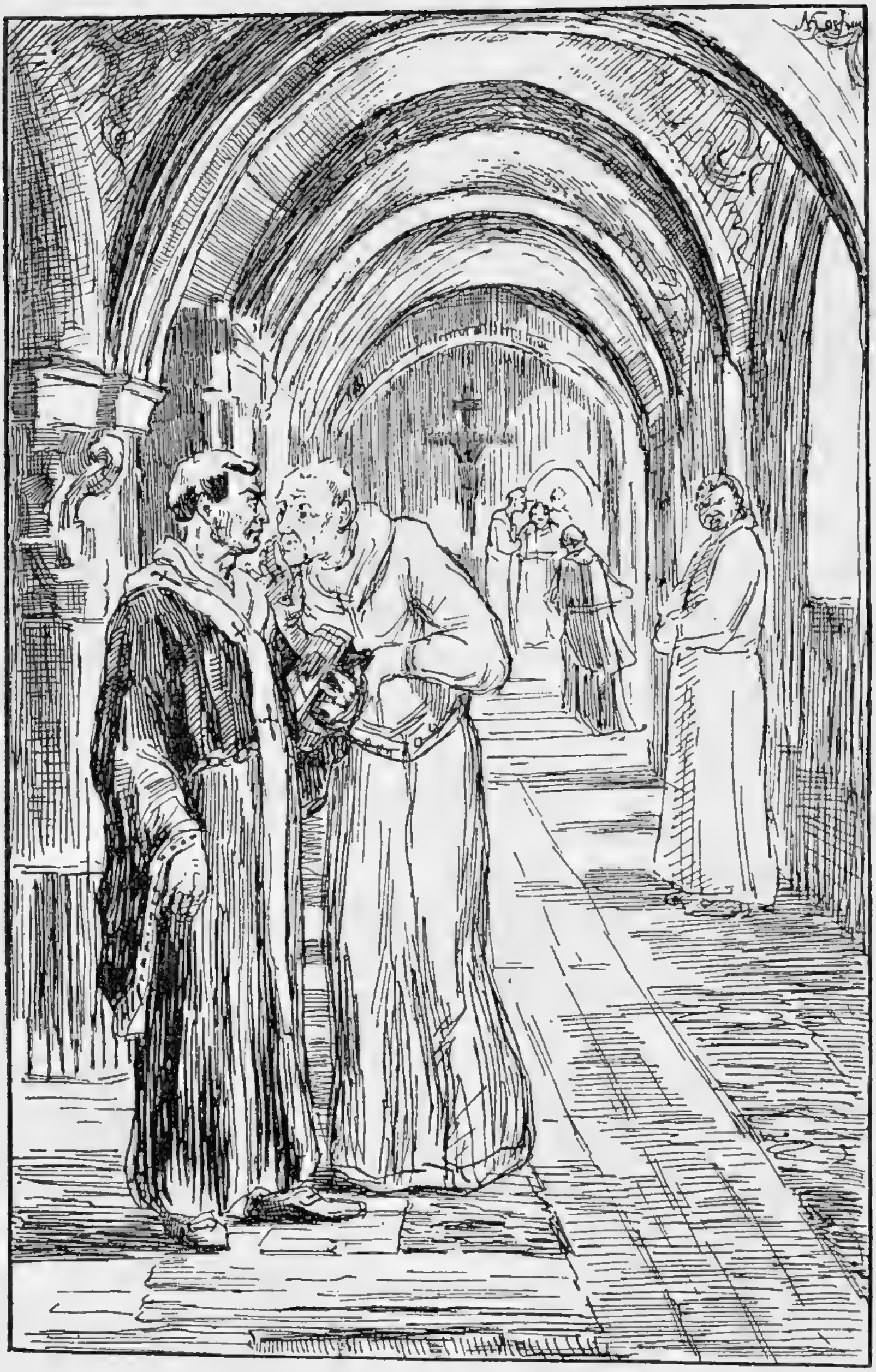
молчанія ясно послышался его голосъ: «святая цѣль оправдываетъ ли обманъ, святой отецъ?» Епископъ наклонилъ голову. Клирикъ продолжалъ: «Замокъ можно покинуть только хитростью, и я берусь обманомъ добраться до подножія престола его святѣйшества».—«Обманомъ!..» Не нравилось это слово Мейнгарду. Онъ былъ хорошій человѣкъ: трудился по совѣсти, самъ не обманывалъ. Поднявъ главу, онъ милостиво распустилъ своихъ совѣтниковъ.—«А братъ Теодорихъ пусть идетъ въ каплицу, тамъ, въ исповѣдальнѣ, повѣдаетъ онъ намъ, какимъ путемъ послужитъ святому дѣлу проповѣди, какъ спасетъ дѣло порученное намъ святѣйшимъ нашимъ отцемъ. римскимъ папою».

Казалось, слѣдующая ночь была еще темнѣе. Жители замка стояли на молитвѣ, каждый въ своей кельѣ, и ихъ лампадки, слабо мерцая изъ узкихъ оконъ, казались точно затерявшіяся звѣздочки, ошибкой спустившіяся съ черныхъ небесъ. Осенній дождь такъ и пронизывалъ каждаго, кто рѣшался выбраться изъ теплаго жилья, а вѣтеръ завывалъ на дворѣ и порывисто носился по равнинѣ кругомъ Икскуля. Привратникъ только-было началъ дремать, какъ къ нему подъѣхалъ съ внутренняго епископскаго двора высокій всадникъ на старой разъѣздной лошади.—«Въ такую-то непогодь, отецъ святой, зачѣмъ васъ несетъ?» ворчалъ ключарь, отпирая громадные засовы.—«Долгъ несетъ меня, братъ привратникъ, помогать немощнымъ братьямъ», былъ двусмысленный отвѣтъ. И во мракѣ бурной дождливой ночи выѣхалъ за ворота Икскуля чернецъ Теодорихъ въ священническомъ облаченіи, неся въ рукахъ молитвенныя книги, какъ бы для утѣшенія болящихъ, пожалуй, умирающихъ христіанъ за

замковою стѣною. Смиренно творя молитвы, пробирался Теодорихъ изъ села въ село, произнося, гдѣ могъ, по дорогѣ слова утѣшенія, напутствія, поддержки. Наконецъ, добрался онъ благополучно до Эстоніи, а тамъ, уже съ облегченнымъ сердцемъ, попалъ въ Бременъ, проѣхалъ Германію и явился въ Римъ.

«Востокъ отпадаетъ! Пропали труды нашихъ братій! Ихъ поглотили волны Двины! Отмылись варвары отъ святого крещенія! Отринули крестъ,—знаменіе нашего спасенія! Держатъ въ плѣну епископа и весь клиръ!» Вотъ что повторялось на всѣ лады въ прихожихъ папскаго дворца. Перепуганные прелаты сновали по всѣмъ его переходамъ и выжидали со страхомъ, что послышится изъ внутреннихъ покоевъ, какое слово пронесется съ высоты апостольскаго престола. А между тѣмъ, кто былъ подогадливѣй да поумнѣй, съ опаской, на ухо передавали другъ другу: «Не спроста было это движеніе! Понятно, дыму не бываетъ безъ огня. Съ Востока, все съ Востока идетъ на насъ напасть. Намъ и тутъ вредитъ вліяніе восточнаго христіанства! Многіе изъ насъ слыхали, что корсь, чудь и ливы съ эстами сами собой идутъ креститься на Востокъ. Имъ понятнѣе языкъ сосѣдей русскихъ, молитвы, обряды греческаго вѣроученія». И не могли надивиться эти горячія южныя головы на равнодушіе, безпечность и лѣнь русскихъ.

Изъ внутреннихъ покоевъ властелина католическаго Запада вышелъ маститый кардиналъ и громогласно возвѣстилъ велѣніе всесильнаго владыки: «Святѣйшій нашъ отецъ и повелитель даруетъ отпущеніе всѣхъ прежнихъ и будущихъ грѣховъ тѣмъ вѣрнымъ чадамъ своего апостольскаго трона, которые съ мечемъ въ рукахъ и местью въ сердцѣ пойдутъ за



Перепуганные прелаты сновали по переходамъ папскаго дворца.

(Къ стр. 40.)

море спасать гонимыхъ, угнетенныхъ братьевъ-проповѣдниковъ».

Изъ папскаго дворца, изъ стѣнъ царственнаго Рима понесся воинственный кличъ по всеї Германіи, Франціи, по всему христіанскому Западу. Только этого счастья, торжества любимаго дѣла не дождался первый ливонскій епископъ, вѣрный слуга бременскаго архіепископа, орудіе папскої властолюбивої политики. Самъ по себѣ онъ былъ кроткій смиренный монахъ. Глубоко, неизмѣнно вѣровалъ въ силу добра и правды христіанскаго ученія. Его проповѣдь любви и мира дѣйствовала всегда благотворно. Онъ любилъ тихихъ, покоїныхъ язычниковъ. Носитель строптивыхъ велѣній Запада, онъ исполнялъ ихъ съ христіанскої мудростью. Дикое возмущеніе любимыхъ имъ дикарей сразило дряхлѣвшія уже отъ времени силы. Бурное дыханіе бунта потушило мирно догоравшую лампаду его жизни.

Въ октябрѣ 1196 г. умеръ Мейнгардъ. Лучшіе изъ его учениковъ съ молитвами предали землѣ бренные останки своего мудраго учителя. Были на похоронахъ и ливы; многіе изъ нихъ вопили по своему, жалостно оплакивая кроткаго пастыря, перваго икскульскаго епископа, громко выражая пожеланіе найти въ его замѣстителѣ такого же отца, радѣтеля, учителя. По окончаніи похоронъ, собрался капитулъ въ опустѣлыхъ покояхъ толковать о выборѣ новаго епископа. Всѣ единодушно остановились на одномъ имени. Миссіонеръ Бертольдъ былъ выдающимся сотрудникомъ почившаго, много положилъ сердечнаго рвенія, труда и кропотливої твердости въ дѣлѣ проповѣди. Лично онъ очень не хотѣлъ брать на себя эту тяжелую обузу и слезно молилъ бременскаго архіепископа не утверждать выборовъ. Но монахъ долженъ пови-

новаться, у него нѣтъ своей воли. Исполняя обѣтъ послушанія, Бертольдъ былъ обязанъ принять лестный, но не легконосимый титулъ икскульскаго епископа, и безъ охраны, какъ смиренный воинъ кроткой Христовой церкви, явился въ 1197 году на ливонскомъ берегу передъ своею паствой. Сбѣгались любопытные жители смотрѣть на своего новаго отца. Знатнѣйшихъ изъ нихъ Бертольдъ щедро одарилъ, другихъ угостилъ, всѣхъ обласкалъ добрымъ словомъ, сказавъ, что прибылъ на ихъ зовъ и наслѣдуетъ любимому усопшему со всѣми его правами и стремленіями къ обоюдному миру, любви, единенію. Конечно, все бы шло гладко, пожалуй, даже успѣшно, не будь вѣчной задоринки—«дани», которую приходилось собирать для бременскаго архіепископа. Пошелъ глухой ропотъ по языческой землѣ. А тутъ еще христіане торжественно праздновали освященіе своего кладбища. Зарывать покойниковъ куроны, эстонцы считали позорнымъ, они привыкли сжигать своихъ мертвецовъ. «Что дѣлать съ новымъ епископомъ? Какъ наказать? Сжечь развѣ въ его-же церкви? или убить, или въ Двинѣ утопить?» Дошли слухи объ этихъ переговорахъ до самого Бертольда. Ему посчастливилось обойти бдительность сердитыхъ враговъ. Онъ бѣжалъ на Готландъ, оттуда въ Саксонію, гдѣ горько жаловался на свое безсиліе поддержать распадающуюся христіанскую церковь въ Ливоніи. Онъ взывалъ о помощи и къ папѣ, и къ бременскому архіепископу, и ко всѣмъ христіанамъ.

Опять зашевелился папскій Римъ. Опять написана отъ имени его святѣйшества грамота, обѣщающая отпущеніе грѣховъ всякому, кто возложитъ на себя крестъ,—вооружится противъ ливовъ. Точь-въ-точь

писалось то же самое, что и при покойномъ Мейнгардѣ. Вставала буйная, драчливая молодежь. Точилось оружіе, сѣдлали коней, отважно собирались въ кровавый походъ ревностные сыны католической церкви.

Датскій флотъ понесъ изъ Любека къ Готскому берегу епископовъ и войско,—вновь подчинять непокорную страну. Плыть въ Ливонію, и тѣмъ смывать свои грѣхи, сдѣлалось любимой мечтой великаго множества безпріютныхъ удальцовъ.

Злобно глядѣли изъ своей сѣрой дали хмурые ливы, эсты, корсь. Они уже не были такъ благодушны, какъ прежде. Страшна была имъ западная рать! Въ шлемахъ, забралахъ, кованныхъ изъ стали уборахъ, въ желѣзѣ съ ногъ до головы, съ увѣсистыми мечами при бедрѣ, а на перевѣсъ съ длиннѣйшими копьями, они внушали трепетъ и ужасъ туземцамъ.

Старики задумали попробовать хитрость. Выбрали мудрѣйшихъ изъ своей среды и послали къ Бертольду спросить,—изъ-за чего онъ привелъ войска?—«Изъ-за того», отвѣтилъ епископъ, «что васъ надо наказать: вы и вѣроотступники и клятвопреступники».—«Если ты удалишь свои полки, вернешься въ свое епископство, тогда можешь приневоливать тѣхъ, кто прежде былъ крещенъ, ну, а вновь ты никого не насилуй, бери лаской, добрымъ словомъ». Бертольдъ потребовалъ заложниковъ въ знакъ ихъ покорности. Но тутъ поднятъ былъ вопросъ о перемиріи,—ливы не сдержали своего слова, убили епископскаго слугу,—онъ же двинулъ войско. 24 іюля 1198 года съ развѣвающимися знаменами, подъ гербами всѣхъ западныхъ государствъ, ринулись нѣмцы на толпы дикарей. Сразу струсили ливы, корсь и эсты, дрогнули ихъ

ряды. Топоры и дубины, поднимавшіяся на латниковъ, сыпались вмѣстѣ съ руками на землю. Долго кололи, рубили рыцари, прокладывая себѣ дорогу среди бѣгущей толпы. Они не могли остановиться. Самъ Бертольдъ скакалъ впереди. Въ горячей сѣчѣ, увлекаясь жаждой крови преслѣдуемаго врага, онъ не умѣлъ справиться съ своимъ конемъ. Ретивое животное вынесло его далеко за ряды своихъ. Увидя всадника одного, ливы опѣшили, кой-кто остановился, узнали епископа и бѣшено кинулись на него. Одинъ повисъ на поводу лошади, другой замахнулся топоромъ, третій—его имя перешло на страницы исторіи—Имантъ пронзилъ его копьемъ въ спину, остальные разорвали на куски тѣло ненавистнаго просвѣтителя. Въ отмщеніе рыцари съ новой яростью бросились истреблять не только ливовъ, но и жилища ихъ и поля. Огонь и мечъ прошелъ по всей странѣ безъ малѣйшей пощады.

Запросили мира оставшіяся въ живыхъ горсти туземцевъ; рѣшили креститься, поселить въ своихъ городкахъ христіанскихъ священниковъ, стали имъ платить налоги. Войско удовольствовалось такими благими намѣреніями и собралось въ обратный путь.

Торжественно похоронивъ Бертольда въ икскульскомъ храмѣ, рядомъ съ его предшественникомъ Мейнгардомъ, ливы даже отправили отъ себя выборныхъ мужей въ Бременъ просить новаго епископа. И поплыли, довольные своимъ походомъ, своей добычей, своими ратными подвигами, ретивые германцы внизъ по Двинѣ къ роднымъ нѣмецкимъ берегамъ. А имъ во слѣдъ съ воплемъ и крикомъ, туземцы бросались въ чистыя воды родной своей Двины, смывая съ кровью и крещеніе, отсылая его вмѣстѣ со

своимъ проклятіемъ во слѣдъ удалявшимся находникамъ. Они напали на оставшихся клириковъ, разграбили епископское имущество, казну, увели лошадей, поклялись истребить всѣхъ иноземцевъ, даже купцовъ. Кто могъ, откупился, дорого платя за спасеніе жизни. Другіе уплыли на родину, далеко разнося страшныя вѣсти объ уничтоженіи всѣхъ трудовъ христіанскихъ миссіонеровъ, такъ добросовѣстно, покорно исполнявшихъ на крайнемъ Востокѣ велѣнія западнаго духовнаго владыки, римскаго папы.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Е. В. Чешихинъ.* Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ.
2) *Н. М. Павловъ.* Русская исторія отъ древняго времени.
3) *Эр. Серафимъ.* Исторія Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. Ч. I.
4) *П. Дм. Брянцевъ.* Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ.

Основаніе датчанами Ревеля.

1219 г.

СУРОВЪ на видъ маститый, сѣдой великанъ Калевъ, легендарный герой древнихъ эстонскихъ преданій. Мудро правилъ онъ съ незапамятныхъ временъ своими соотечественниками, обитавшими на живописномъ сѣверо-восточномъ берегу Балтійскаго моря. Его силы непомѣрной, храбрости неустрашимой, непобѣдимаго счастья привыкли бояться сосѣди. Его непогрѣшимой мудрости, безграничной добротѣ слѣпо повиновались преданные эсты, эти беззавѣтно-удалые разбойники, наводившіе страхъ и трепетъ на купеческіе караваны, переплывавшіе Варяжское море съ запада на востокъ. Время текло. Счастливо жилось эстонцамъ подъ охраной мудраго великана, на своемъ родимомъ побережьи. Храбро отбивались они отъ непрошеныхъ нападеній, предводимые роднымъ неустрашимымъ богатыремъ. Наконецъ пробилъ тяжелый часъ! Настала роковая минута! Подкосились силы великана. Слегъ

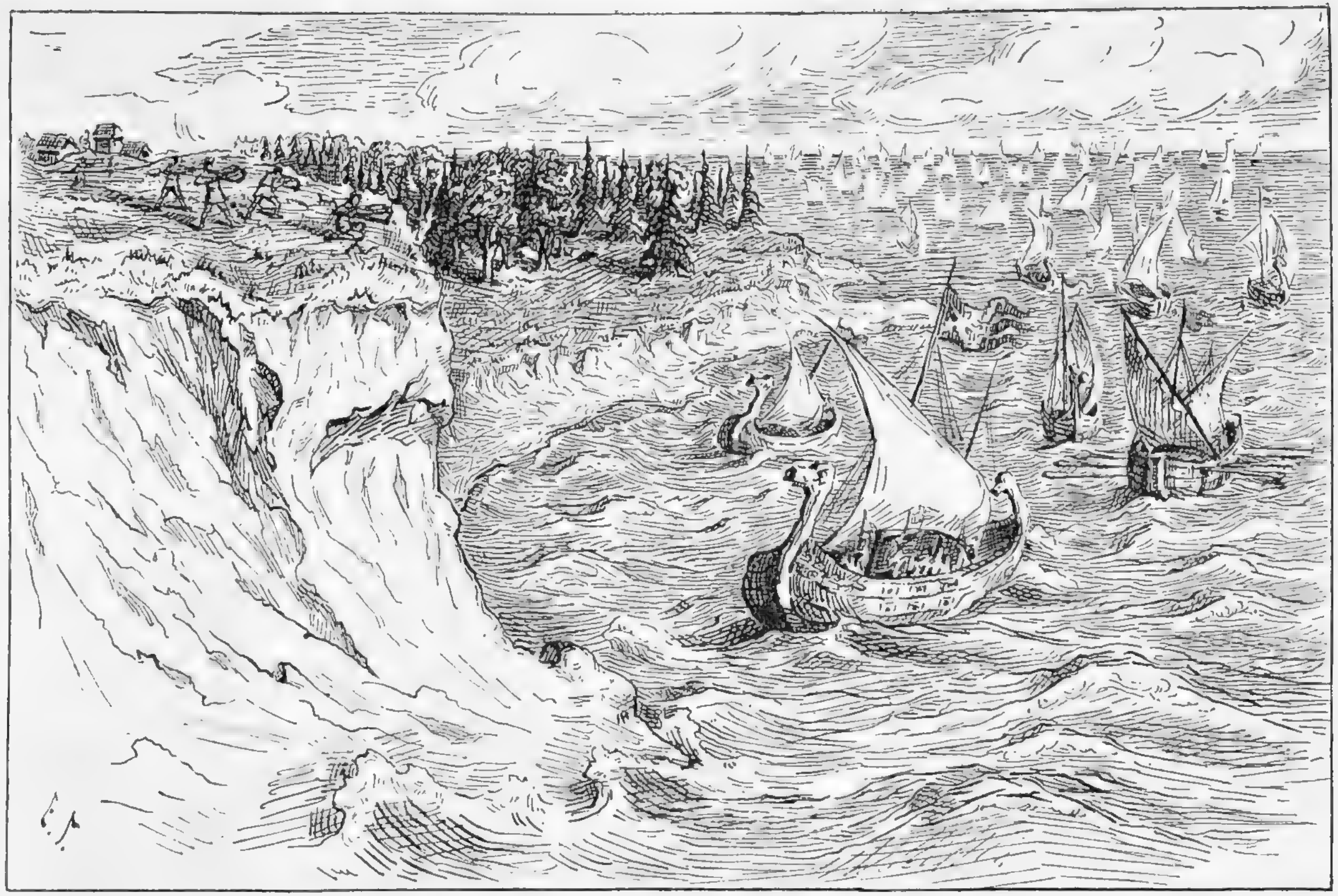
Калевъ на ложѣ упокоенія, а неутѣшная Линда, вѣрная его подруга, любящая супруга, въ слезахъ и моленіи призывала на помощь всѣхъ народныхъ жрецовъ, кудесниковъ, волхвовъ. Никто ничѣмъ не могъ помочь! «Что затуманилъ блѣдный мѣсяцъ, что завяло отъ солнечныхъ лучей, поникло передъ свѣтомъ звѣздъ небесныхъ, то не можетъ уже подняться, не можетъ снова расцвѣсть яркимъ цвѣтомъ зеленой муравы».

Подъ гнетомъ этого приговора поникла, закручинилась неутѣшная Линда, склонясь надъ холодѣвшими останками великаго эстонскаго вождя. Семь ночей провела она безъ сна, семь дней безъ пищи. Семь разъ видѣла солнечный восходъ и семь разъ его заходъ, омывая горячими слезами тѣло дорогого мужа. Потомъ обмыла его, одѣла въ блестящія дорогія одежды и положила въ могилу, на самомъ берегу моря.—«Пусть родныя волны своимъ немолчнымъ плескомъ оглашаютъ мѣсто вѣчнаго покоя великаго Калева!» Сама-же, неустанно, изо-дня въ день носила камни на священное мѣсто его послѣдняго отдохновенія. Надъ морской пучиной сталъ подниматься курганъ. Года проходили. Морскія волны заносили пескомъ и иломъ каменную груду. Постепенно крѣпла земля, выростала твердыня. Берегъ поднялся изъ моря, волны уступили скалѣ,—и она величаво подняла свою вершину, господствуя надъ ширью морскою и живописной долиной, далеко уходившей въ глубь материка.

Эсты, соотчичи Калева, любовно селились по сосѣдству съ этимъ памятникомъ, неизгладимымъ ни изъ памяти, ни изъ сердца народныхъ. Мало по малу на морскомъ берегу образовался городъ Линда-

нисса *), извѣстный у древнихъ русскихъ лѣтописцевъ подъ именемъ Колывани. Какъ и сосѣдніе ливы, корсь и дальніе поморяне,—эсты любили свое родное море. Безъ устали плавали по немъ, ведя мѣновую торговлю и съ о. Эзелемъ, и съ дальнымъ Готландомъ, и съ приморскими странами: Скандинавіей, Даніей, славянскими племенами. Природная удаль эстонцевъ, ихъ храбрость и упрямство выработали изъ нихъ страшныхъ для всѣхъ, скорѣе разбойниковъ, чѣмъ торговцевъ. Ихъ легкія суда летали по волнамъ родного моря, нападая то на вражьи корабли, то на нелюбимыхъ сосѣдей. Съ ними считались даже отважные скандинавскіе храбрецы. По древнимъ сказаніямъ, норвежскій принцъ Гаральдъ и шведскій король Нигварь поплатились жизнію въ схваткахъ съ эстонцами. Торговые готландцы и боялись, и любили своихъ храбрыхъ сосѣдей. Ихъ собственность, о. Эзель богатѣлъ на славу и дѣлался завидной приманкой для воинственныхъ западныхъ сосѣдей. Еще датскій король Канутъ Святой, его предшественники, а главное—наслѣдникъ, Олафъ III, въ 1093 г., дѣлали опустошительные набѣги на Эстонію, пробуя овладѣть и удобной гаванью, и богатствомъ острова. Но это имъ плохо удавалось. Такъ отважны и неукротимы были чудскіе удальцы! Они даже захватывали чужія, отдаленныя земли. Устроили свое разбойничье гнѣздо у самыхъ береговъ Скандинавіи, на островѣ Оландѣ, наводя оттуда страхъ на торговыхъ мореплавателей. Съ трудомъ, наконецъ, датскій король Вальдемаръ I, въ 1171 г. собравъ многочисленный флотъ, выгналъ ихъ оттуда. Но не прошло и двадцати

*) Впослѣдствіи Ревель.



1500 датскихъ военныхъ судовъ, распустивъ по вѣтру свои бѣлоснѣжные паруса, подплываютъ къ берегу, гдѣ и основываютъ городъ Ревель, въ 1219 году. *(Къ стр. 49.)*

лѣтъ, какъ они сдѣлали новый набѣгъ на берега озера Мелара и ограбили богатый городъ Сигтуну.

Канутъ VI, продолжая завоеванія своихъ предшественниковъ, овладѣлъ большей частью Помераніи, Мекленбурга, Голштейна, городами Любекомъ и Гамбургомъ. Съ нимъ считался, въ немъ заискивалъ, къ нему на поклонъ ѣздилъ даже Альбертъ, знаменитый рижскій епископъ. Но и онъ, храбрый предводитель датчанъ, ограничивался только одними набѣгами на Эстонію. Братъ Канута, славный Вальдемаръ II, побѣдоносный, прислушавшись къ просьбамъ Альберта и пораскинувъ своимъ свѣтлымъ умомъ, рѣшилъ вооружиться не только для усмиренія Чуди, но и для покоренія всей Эстоніи. 9 октября 1218 года папа Гонорій III издалъ буллу, предоставлявшую во власть датскаго короля всѣ покоренныя имъ земли, жители которыхъ имъ будутъ обращены въ христіанство. Вальдемаръ поклялся предпринять походъ на Эстонію въ честь Пресвятыя Дѣвы и ради прощенія своихъ безчисленныхъ грѣховъ.

Вскрылось море весною 1219 года, растаялъ сѣверный ледъ у подножія великана-скалы, гдѣ живописно раскинулся эстонскій городокъ Линданисса, и по дѣвственнымъ волнамъ показался съ запада цѣлый караванъ датскихъ военныхъ судовъ. Величаво близились 1500 кораблей, распустивъ по вѣтру свои бѣлоснѣжные паруса. Какъ жаръ, блеститъ на яркомъ солнышкѣ оружіе воинственныхъ датчанъ. Вмѣстѣ съ королемъ Вальдемаромъ выходятъ на землю и лундскій архіепископъ Андрей, и шлезвигскій Николай, и аргунскій Петръ и канцлеръ Теодорихъ, будущій эстонскій епископъ. За ними подплываетъ на своихъ ладьяхъ Венцеславъ, князь славянскій, другъ-

союзникъ Вальдемара II. Всѣ сходятъ на берегъ, и по мановенію руки Побѣдоноснаго датчанина бросаются на баззащитный городокъ. Уничтожаютъ его въ одно мгновеніе и тутъ-же, сразу, приступаютъ къ возведенію твердыни на гребнѣ скалы-великана. Такъ поднялась надъ пучиной морской крѣпость, теперешній нашъ Ревель.

Не теплыя вѣсти понесъ весенній вѣтеръ съ морского берега въ глубь страны къ ошеломленнымъ чудь-ревельцамъ и чудь-горріянцамъ. Призадумались горемыки подъ тѣнью своихъ дремучихъ лѣсовъ, прислушиваясь къ мрачнымъ, тревожнымъ вѣстямъ. Безчисленныя суда покрываютъ родныя воды, несмѣтныя полчища враговъ расположились на берегу. Высятся златоверхія ставки иноземныхъ державцевъ. Блеститъ крестъ Христовъ надъ палатками епископовъ. Хоругвь Пречистой Дѣвы развѣвается среди стана. Нѣтъ! не одолѣть въ правильномъ бою такую громаду! Не осилятъ эстонская пищаль да топоръ въ броню закованныхъ латниковъ! Надо обдумать, какъ бы избавиться отъ бѣды, какъ бы справиться съ сильнымъ недругомъ. Думали, гадали, порѣшили отрядить во вражій станъ, съ поклономъ къ датскому королю, мудрѣйшихъ изъ племенныхъ старшихъ. Они должны были заявить ему поголовную готовность чуди принять крещеніе отъ христіанскихъ священниковъ. Обрадовался Вальдемаръ такой легкой удачѣ. Повѣрилъ на слово маститымъ старшинамъ, одарилъ ихъ богатыми подарками. Епископы окрестили ихъ по католическому обряду и съ великимъ почетомъ отправили домой. Весь датскій станъ былъ въ полномъ ликованіи. Шумно, весело, безпечно праздновали безкровную побѣду, и, конечно, въ го-

лову никому не приходило разставлять часовыхъ или посылать дозорныхъ на развѣдки.

Наступилъ уже вечеръ. Войско, поужинавъ, готовилось къ ночному покою. Кое-кто изъ болѣе набожныхъ кончалъ день теплой молитвой къ Всевышнему. Какъ вдругъ, съ пяти сторонъ, ворвалась въ лагерь незамѣтно подкравшаяся освирѣпѣвшая чудь. Свалка была ужасная! Къ королевской ставкѣ ринулись смѣльчаки и однимъ ударомъ топора положили на мѣстѣ епископа Теодориха, по ошибкѣ принявъ его за короля Вальдемара. Датчане валились, какъ мухи, подъ неожиданными ударами. Они дрогнули и попятились къ берегу, ища спасенія на судахъ. Выручилъ отъ неминучей гибели славянскій князь, стоявшій въ сторонѣ съ своею дружиною. Замѣтивъ издали приближеніе эстонцевъ, онъ кинулся изъ своего лагеря, атаковалъ наступавшую толпу, смялъ ее, опрокинулъ и началъ ожесточенно преслѣдовать. Дрогнули, замялись эстонцы. Датчане ободрились, примкнули къ славянской дружинѣ и перешли въ наступленіе. Нестройныя толпы ревельцевъ дали тягу. Ихъ болѣе 1000 легло далеко за полемъ битвы, а на мѣстѣ нельзя было и пересчитать безжизненныхъ тѣлъ. Опытные датчане легко одержали верхъ. Король, князь, епископы возблагодарили Бога за дарованную побѣду надъ язычниками.

Вмѣсто убитаго Теодориха эстонскимъ епископомъ былъ поставленъ королевскій капелланъ Вессель. Постройка замка была окончена, изъ него сдѣлали сильную крѣпость съ большимъ гарнизономъ. Самъ-же побѣдоносный Вальдемаръ II торжественно вернулся въ Данію, прибавивъ ко всѣмъ прежнимъ завоеваніямъ еще и Эстонію съ островомъ Эзелемъ.

Ревель сдѣлался епископальнымъ городомъ, подчиненнымъ, конечно, уже не рижскому, а лундскому архіепископу. Протестовалъ Ливонскій орденъ! Да не было силы поддерживать оружіемъ свои притязанія.

Тогда началось, поистинѣ, любопытное зрѣлище. Миссіонеры обоихъ властителей, не переводя духа, крестили сѣверную, еще языческую Эстонію, чтобы тѣмъ самымъ закрѣпить за собою власть надъ обращеннымъ краемъ. При этомъ нѣмцы, ради скорости, совершали обрядъ крещенія надъ жителями цѣлыхъ деревень заразъ и спѣшили дальше крестить другихъ, третьихъ. У датчанъ было мало священниковъ. Они еще упростили свои пріемы: просто посылали служителей съ освященною водою покропить язычниковъ. Случалось, крестители сталкивались въ своихъ ревностныхъ набѣгахъ въ одной и тої же деревнѣ. Тогда между ними возникали ссоры, драки. Бывало и такъ: являлся миссіонеръ, собиралъ жителей, торжественно готовясь совершить надъ ними священный обрядъ. Толпа смотрѣла косо, пятилась—онъ наступалъ. Наконецъ изъ толпы выдѣлялся самый старый, уважаемый поселянинъ. Степенный видъ и голова покрыта сѣдыми кудрями. Съ достоинствомъ останавливалъ онъ расходившагося находника, заявляя, что еще наканунѣ, его и его односельчанъ датчане уже кропили своею святою водою. Гнѣвался ливонецъ, глаза бросали молніи, онъ скрежеталъ зубами и все-же долженъ былъ отступать передъ совершившимся фактомъ. Ни добраго совѣта, ни примѣра, ни слова любви и правды не было слышно отъ этихъ духовныхъ отцовъ западнаго вѣроученія. Ливонцы закидывали своего епископа Альберта жалобами на помѣхи, творимыя датчанами. Онъ бросился въ Римъ, съ жало-

бой на Вальдемара. Но тотъ его предупредилъ. Папа Гонорій III былъ на сторонѣ датскаго короля, и въ концѣ концевъ, для удержанія своей же силы, ловкій рижскій архіепископъ покорился обстоятельствамъ и призналъ короля датскаго Вальдемара II Побѣдоноснаго верховнымъ владѣтелемъ Эстоніи и Ливоніи въ 1222 г.

Обстоятельства оправдали тактичность Альберта. Прошелъ годъ и въ 1223 году славный датскій король былъ измѣннически плѣненъ своимъ вассаломъ Генрихомъ, графомъ мекленбургъ-шверинскимъ. Ожили всѣ его враги. Мгновенно Ливонскій орденъ свергъ ненавистное датское иго. Это ему удалось тѣмъ легче, что несчастная Русь должна была сосредоточить все свое вниманіе на востокѣ, откуда поднималась страшная туча—татарщина. Новгородцы заступались за датчанъ, дошли до Колывани, но не могли поддерживать напряженной борьбы. Свои невзгоды поглощали и силы и вниманіе.

Пользуясь холодною зимою 1227 года, когда ледяныя оковы сковали прибрежное море, орденскія рати прошли по льду до острова Эзеля,—послѣдняго убѣжища эстонской независимости. Самъ Альбертъ и магистръ ордена-Вольквинъ—шли впереди. Какъ послушное стадо, слѣдовали отряды ливовъ и латышей. Несчастный островъ былъ разоренъ изъ конца въ конецъ. «Моне», главное мѣстное укрѣпленіе, пало, причемъ было разрушено и святилище тамошняго божества—Тарапилла. Сожгли священное изображеніе птицы-дракона, съ незапамятныхъ временъ служившаго побѣдоносной хоругвью эзельскихъ удалыхъ мореходцевъ.

Черезъ годъ Орденъ осадилъ и взялъ Ревель, съ

помощью самихъ-же эстонцевъ. Послѣ этого слабые остатки датской военной силы были изгнаны изъ страны. Орденъ взялъ себѣ провинцію Гаррію, Ервію и Веррію. Епископу-же Альберту предоставилъ только Викъ, т. е. самую западную окраину Эстоніи.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. Ч 2.
2) *Гордань.* Исторія Ревеля во время владычества датчанъ.
3) *Чешихинъ.* Исторія Ливоніи съ древнихъ временъ.

Гибель Юрьева.

15 августа 1224 г.

НЕ БРОСАТЬ же святое дѣло, начатое на дальнемъ сѣверѣ! Отступимся мы, тогда непремѣнно обрусятъ все языческое побережье Балтійскаго моря смиренные іереи православнаго Востока! — говорили, промежъ себя, гордые сановники духовнаго владыки Запада.— «Умеръ Мейнгардъ, убитъ Бертольдъ,—такъ не гибнуть же изъ-за этого начатому дѣлу! Не допускать же развитія русской вѣры и русской народности на облюбленныхъ нами берегахъ! Торговыя сношенія на наше дѣло не вліяютъ. Временные наѣзды благочестивыхъ проповѣдниковъ—воинственныхъ рыцарей не достигаютъ намѣченныхъ нами цѣлей,—надо, значитъ, завести постоянную о Христѣ братію, создать на языческихъ земляхъ постоянное мѣстопребываніе «благородно владѣющаго мечемъ сословія». Оно должно безъ устали разить туземцевъ, огнемъ, мечемъ распространять латинскую вѣру, крестить язычниковъ въ потокахъ человѣческой крови».— Крѣпкую руку, сильную волю, жестокое сердце надо

было найти, чтобы основать такое могущество на чужой сторонѣ, среди враждующаго населенія. Божій дворянинъ, Альбертъ фонъ-Апельдернъ Буксгевденъ, пользовавшійся славою твердаго «на брани и въ совѣтѣ», мужъ добрый, былъ выбранъ бременскимъ архіепископомъ и возведенъ въ санъ епископа всей Ливоніи въ 1198 г. Настоящій рыцарь-епископъ, онъ ни въ чемъ не уступалъ князьямъ германской имперіи. Имѣлъ право бить монету, раздавать земли, строить города, заводить и содержать воїско. Отъѣзжая на сѣверъ къ новому своему назначенію, Альбертъ фонъ-Апельдернъ собралъ въ Германіи многочисленныя дружины и щедрыя приношенія своихъ доброхотовъ на «патріотическое дѣло». Заѣхавъ по дорогѣ на Готландъ, вывезъ оттуда еще 500 рыцарей, да еще мастеровыхъ, каменщиковъ, купцовъ, чтобы какъ можно тверже упрочить торжество христіанства и нѣмецкой народности на суровомъ побережьи.

Покорно несутъ угрюмыя волны не родныя суда. Чужая сила плыветъ, разсѣкая славянскую воду умѣлой, но еї чуждой рукой. Замолчали, присмирѣли стихіи. Вѣтеръ не рвется, волна не бушуетъ, смиренно покоряясь своему злому року. Торжественно, гордо подошли находники на своихъ 23 корабляхъ къ устьямъ Двины и тутъ же толково принялись за дѣло. Выстроили острожекъ, стали его укрѣплять и основали Устьдвинскую крѣпость, по ихъ зову, Дюнамюндъ.

Двухъ лѣтъ не прошло, какъ по близости, на холмѣ, вмѣсто латышскої деревушки «Рингге», гдѣ скромно живалъ, проповѣдывалъ покоїный Бертольдъ, гордо высился уже каѳедральный соборъ во имя Богоматери *),

*) Санктъ Маріенъ Домъ—храмъ святой Маріи.

вокругъ него надежная крѣпость, и положено было основаніе теперешней красивой Ригѣ въ 1201 г. Такъ, по словамъ историка, мгновенно уразумѣлъ положеніе дѣлъ Альбертъ фонъ-Апельдернъ Буксгевденъ и нашелъ вѣрныя средства упрочить торжество христіанства и своей народности въ устьяхъ Двины на берегу Балтійскаго моря.

Гнутся передъ его давящей силой язычники. Знакома имъ тяжелая рука, рука находниковъ. То тутъ, то тамъ вооружались ожесточенные бѣдняги, пробовали нападать, напрягали свои слабыя силы,—напрасно! Ихъ легко смиряли, разгоняли, по-одиночкѣ перебивали всѣхъ до единаго или въ плѣнъ забирали. Кого голодомъ морили и заставляли безъ отдыха работать на своихъ же притѣснителей, а кто помоложе, посмышленѣе, того отправляли за море, на чужбину, учиться, образовываться и возвращаться домой уже онѣмеченными борцами, рьяными помощниками пришлыхъ господъ, просвѣтителями еще не допокоренныхъ родичей.

Нѣмецкія силы росли и крѣпли на взморьѣ, въ устьяхъ Двины. Рыцарскія рати такъ увеличивались, что имъ уже захотѣлось отдѣлиться изъ-подъ строгой руки рижскаго епископа. Самостоятельности требовали онѣ въ награду за свой трудъ, свои ратные подвиги. Не о небесномъ воздаяніи за распространеніе христіанства въ языческой землѣ мечтали воины Христовой рати, а желали обладать ею, искали правъ, преимуществъ, земной власти, земного почета. Ихъ ссоры съ рижскимъ епископомъ Альбертомъ неслись къ престолу римскаго папы. Иннокентій III долженъ былъ вмѣшаться, разсудить обоюдныя недовольства. Римъ рѣшилъ отдѣлить управленіе Орденомъ ливон-

скихъ рыцарей отъ рижской епископіи. Во главѣ Ордена поставилъ самостоятельнаго вождя съ титуломъ магистра. Орденъ состоялъ изъ братьевъ-рыцарей, братьевъ-священниковъ и братьевъ-служащихъ. Они обязательно, какъ монахи, должны были ежедневно присутствовать при богослуженіяхъ. Имъ не разрѣшались никакія развлеченія, даже охота. Вмѣстѣ съ уставомъ была присвоена ливонскимъ рыцарямъ отличительная одежда: бѣлый плащъ съ изображеніемъ на лѣвомъ плечѣ краснаго креста и меча. Оттуда и пошло прозваніе Меченосцевъ. Земли же, уже покоренныя и «имѣющія быть завоеванными», должны были дѣлиться на три части: 1-я по праву идетъ епископу, 2-я каѳедральному городу Ригѣ и 3-я Ордену ливонскихъ рыцарей. Туземцевъ, природныхъ жителей какъ бы и не существовало. На ихъ землѣ Меченосцы, не желавшіе жить въ епископской Ригѣ, воздвигли свою столицу—Венденъ. Тамъ поселился магистръ, командоръ, и былъ учрежденъ конвентъ капитула, т. е. совѣтъ братьевъ. Крѣпкой, неприступной твердыней сдѣлался Венденъ. Вокругъ него стали возвышаться укрѣпленные за́мки—усадьбы рыцарей. Кто больше награбилъ, тотъ шире раскидывалъ свои владѣнія. Графскія и баронскія помѣстья росли, точно грибы, на завоеванныхъ земляхъ. Рабочія силы для трудныхъ работъ были подъ рукою. На это годились закрѣпощенные, вновь окрещенные туземцы—невольники. А кто упорствовалъ, того обрекали на смерть. Цѣлыя селенія исчезали подъ нѣмецкой сѣкирой.

Пробовали бѣдняги вопить о помощи къ полоцкому державцу, князю Владиміру, моля защитить отъ утѣснителей, пришлыхъ мучителей. Растроганный

Епископу Ливоніи Альберту Буксгевдену рыцари подносятъ голову послѣдняго латышскаго вождя—Ако. *(Къ стр. 59.)*

жалобами несчастныхъ сосѣдей, онъ собрался на брань съ «заморской нечистью». Бояре твердили:—«самимъ, княже, плохо будетъ отъ находниковъ, если не поддержимъ своихъ же данниковъ».—Полочане вооружились, вышли въ поле, да такъ неумѣло, неудачно бились, что и ихъ самихъ нѣмцы разбили, да и бѣдные туземцы подпали подъ худшій гнетъ.

Замолкла языческая корсь и ливы... Альбертъ создалъ изъ нихъ Курляндію и Лифляндію. Послѣдній боецъ за родную свободу, латышъ Ако палъ, былъ обезглавленъ въ кровавомъ Гольмскомъ сраженіи. Рижскій епископъ Альбертъ даже не присутствовалъ на полѣ битвы. Онъ молился въ выстроенномъ имъ храмѣ, когда къ нему съ громкими криками побѣды явились рыцари и поднесли окровавленную голову послѣдняго вражьяго вождя. Нѣмецъ не поморщился, его сердце не дрогнуло! Онъ смотрѣлъ на свою жертву,—на душѣ была другая забота, въ умѣ серьезныя думы, ловкія предположенія.

Мало по-малу рыцари Ливонскаго ордена удачно стирали съ лица земли послѣдніе слѣды умирающей народности и крестили въ латинскую вѣру всю мѣстность до самаго озера Вирцъ-Ерве по сосѣдству съ Юрьевымъ. Пока сильный, но неумѣлый полоцкій врагъ—отступалъ, ничего не выигравъ, въ сущности, даже не вполнѣ потерявъ сраженіе, епископъ Альбертъ сосредоточивалъ свое вниманіе на другой сосѣдкѣ—тогда еще языческой—Литвѣ. Она злобно вредила его торговлѣ по теченію Двины. Постоянно тревожила развивавшееся могущество гордыхъ пришельцевъ. Чтобы справиться съ Литвою, Альбертъ придумалъ не продолжать вражды съ русскимъ княземъ. Онъ отправилъ въ Полоцкъ пословъ съ бога-

тыми дарами. Давалъ торжественное обѣщаніе слѣдить за точной уплатой установленной полочанами дани съ крещенныхъ уже народцевъ.—«И ваша и наша торговля страдаютъ отъ неугомонныхъ хищныхъ литовцевъ! Соединимся силами, оттѣснимъ, ослабимъ ихъ!» твердили нѣмецкіе послы. И вѣрны были ихъ доводы. Благодушному же Владиміру совсѣмъ не въ домекъ, что для него куда сподручнѣе было бы за одно съ литовцами встать противъ находниковъ. Онъ же довѣрчиво пообѣщалъ свою мощную помощь «ловкимъ въ совѣтѣ и брани» пришельцамъ. Такъ поладилъ рижскій епископъ съ стольнымъ городомъ кривской земли и ея благодушнымъ княземъ. Но на завоевательномъ его пути оставались все еще два враждебные удѣла: Кукейносъ и Герсике. Ихъ державцы продерзостно дружили съ Литвой и укрывали преслѣдуемыхъ ими бѣглецовъ летголы и зимголы. Съ ними надо ему такъ или иначе уладить отношенія. Какъ разъ по сосѣдству съ Кукейносомъ красовался замокъ рыцаря Леневердена. Злобно смотрѣлъ онъ съ высоты своихъ боёвищъ, какъ вдали извивался дымокъ надъ жилищами мирныхъ рутеней *). До его чуткаго слуха ясно доносился, на утренней зарѣ, благовѣстъ православныхъ русскихъ церквей, сзывавшій набожный людъ къ ранней обѣднѣ.—«Надо порѣшить съ этимъ русскимъ гнѣздомъ!»—все чаще да громче твердилъ благородный баронъ и, собравъ своихъ латниковъ, ночью ворвался въ беззащитный городъ. Ограбилъ до-чиста растерявшихся жителей, перебилъ ихъ и перерѣзалъ безъ милосердія. Князя заковалъ въ кандалы, храмы

*) Русскихъ.

обобралъ, колокола разбилъ. Замолкла служба Божія въ православныхъ церквахъ. Испепеленъ Кукейносъ! Жители разбѣжались по сосѣднимъ лѣсамъ. Только умный Альбертъ оказался очень недовольнымъ. Ему не понравилось самоуправство Леневердена. Онъ поспѣшилъ вмѣшаться въ дѣло; умиротворилъ князя, вернулъ ему его сокровища, его земли, обѣщалъ помочь скорѣе обстроить бѣдныхъ жителей и, для большей безопасности князя, чтобы увѣрить его въ своей преданности, оставилъ въ стѣнахъ обновлявшагося Кукейноса—свой нѣмецкій гарнизонъ. Затѣмъ, по обычаю, поплылъ въ Германію, къ друзьямъ, хвалиться успѣхами своихъ воинскихъ и дипломатическихъ подвиговъ, да замѣнить окончившихъ срочную службу рыцарей свѣжими новобранцами. Безъ него зашевелились пригнетенные дикари. Летгола, корсь, ливь, емь и поморы забѣгали другъ къ другу, стали совѣщаться и, хоть очень неумѣло, но все же съ ожесточеніемъ напали на Ригу. Сами собой жители и гарнизонъ не могли отбиться отъ яростнаго приступа. Кровь текла, стонъ стоялъ надъ епископской столицей. Пощады, конечно, нельзя было и ожидать отъ мстительной стихіи. Весь день прошелъ въ отчаянной бойнѣ. Только къ вечеру стали прибывать спасительные отряды. Подъ начальствомъ Конрада Мейендорфа стали стекаться рыцари изъ Вендена и всей округи, торопясь на помощь столицѣ епископіи. Ихъ латы, панцыри, кольчуга всегда наводили неотразимый страхъ на дикарей. Наскоро подобрали они своихъ убитыхъ товарищей и вмѣстѣ съ ранеными и умирающими побросали въ пылающій костеръ, разложенный на берегу Двины. Сами же, вскочивъ въ ладьи, скрылись подъ покровомъ темной ночи,

уносимые родными волнами подальше отъ свирѣпыхъ враговъ.

Слухъ объ отчаянномъ набѣгѣ озлобленныхъ туземцевъ, точно вѣтромъ, разнесло по округѣ. Забрался онъ въ самыя тайныя логовища обездоленныхъ народцевъ, проникъ въ лѣсныя дебри, непроходимыя трущобы. Зашевелилась зимгола, летгола—остатки несчастной корси и ливи. Повыползли изъ своихъ логовищъ и начали осаждать князя Вячко мольбами о защитѣ, поддержкѣ. «Епископъ уѣхалъ. Рига разграблена, убито множество жителей. А рыцари пируютъ, забываютъ о насъ! Воспользуйся, княже, добрымъ временемъ, помоги и намъ и себѣ, освободись отъ ихъ опеки! Мы тебя не выдадимъ, ляжемъ за тебя костьми! Да и не справиться имъ съ нами! безъ головы они безсильны,—мы же встанемъ всѣ до единаго!»—твердили бѣдняги, моля неотступно. По душѣ приходились кукейносскому державцу эти рѣчи. Онъ и самъ тяготился—и дружбой и опекой сосѣдей. И ему время казалось благопріятнымъ. На случай послалъ онъ въ Полоцкъ къ родичу Владиміру за подмогой. Самъ же съ своими войсками попробовалъ раздѣлаться съ ненавистной охраной, поставленной Альбертомъ для его безопасности. Нѣмецкій отрядъ былъ занятъ возведеніемъ крѣпостныхъ укрѣпленій. Кукейносцы удачно накрыли команду и вырѣзали всѣхъ,—только трое спаслись и помчались въ Ригу, жалуясь, требуя мести. На грѣхъ же, бури задержали плаваніе Альберта. Онъ былъ уже дома. Отъ злости свѣта не взвидѣлъ храбрый епископъ. Собралъ полки и двинулся въ походъ, грозно требуя отчета въ вѣроломствѣ. О полоцкой же рати и слыхомъ не слыхать.

Понялъ Вячко, кукейносцы и бѣдняги туземцы, что пришелъ ихъ послѣдній день. Сбѣжавшаяся Русь и сосѣди язычники выручили, какъ могли, любимаго державца. Спѣшно вынесли все его добро, сокровища, казну свалили въ лодки и перевезли въ ближайшіе лѣса за непроходимыя болота. Родной же свой городъ, достояніе предковъ, пустили «на дымъ» *), лишь бы не отдать въ руки ненавистныхъ враговъ.

Досада взяла нѣмцевъ. И поживиться-то нечѣмъ! Пепелъ, развалины, горящіе уголья,—вотъ все, что оставилъ имъ ненавистный русскій народъ! Сдѣлали облаву въ сосѣднихъ трущобахъ, кой-кого изъ запоздалыхъ кукейносцевъ поймали, звѣрски мучили и умертвили, въ отместку за пожаръ. Но, конечно, рыцарямъ было этого мало. Положимъ, изъ развалинъ русскаго Кукейноса они сразу стали выводить надежное укрѣпленіе Кохенгаузенъ, во славу Ордена, на посрамленіе враговъ. Это уже большой шагъ впередъ, въ глубь страны, по дорогѣ къ кореннымъ русскимъ владѣніямъ. Крѣпость воздвигнута уже на полоцкой-русской землѣ.—«Ну, а дальше-то что будетъ? Тамъ, вверхъ по теченію Двины, стоитъ еще удѣльный городокъ, Герсики. Онъ нуженъ. Глаза мозолитъ этотъ вражій уголокъ!»—Ужъ не разъ грозилъ епископъ Альбертъ князю Всеволоду за его дружбу съ литовцами. Вмѣсто того, чтобы стоять за Ригу, онъ, когда только могъ, укрывалъ за Двиной несчастныя жертвы рыцарской кровавой расправы.—«Долой его! Прочь съ дороги, изъ глазъ благочестивыхъ воиновъ Ливонскаго ордена, этого заступника языческой Литвы, православнаго герсиковскаго державца!»

---

*) Сожгли.

Опытный военачальникъ воспользовался темнотою ночи, искусно повелъ свой набѣгъ, напалъ нежданно-негаданно на сонный городъ. Врасплохъ захваченные жители могли только поджечь свои жилища, да увезти, чуть не насильно, князя, схоронивъ его за рѣкой въ родныхъ лѣсахъ. Но княгиня, родомъ литвинка, семья, домашніе, большинство жителей попали въ плѣнъ. Цѣлый день хозяйничали рыцари въ захваченномъ городѣ. Казну, сокровища, все добро жителей, всю святыню, утварь церковную, колокола,— все, что только нашли, уложили въ ладьи и при яркомъ заревѣ пожара повезли внизъ по теченію Двины, въ епископскую Ригу.

Горемычный Всеволодъ бродилъ, какъ убитый. Ни крова, ни жены, ни близкихъ! Все отняла злая судьба. Все забрали находники-нѣмцы! Хоть самъ умирай въ чащѣ непроходимыхъ, дремучихъ лѣсовъ! Напуганные сосѣди разбѣжались. Примолкла Литва. А Полоцкъ, Псковъ, Новгородъ? Имъ бы догадаться помочь, вступиться за родича. Точно не видятъ, что вражья сила шагъ за шагомъ двигается на нихъ, подходитъ все ближе и ближе, уничтожая, давя все по дорогѣ! Но горе! имъ не до Герсике, не до Кукейноса, не до западныхъ границъ! Полоцкій князь Владиміръ труситъ, молчитъ. Со страху онъ даже дружитъ съ Ригой. Псковъ же и Новгородъ враждуютъ, по обычаю, другъ съ другомъ и съ Суздалемъ, и съ Тверью, и съ Смоленскомъ. Они близоруки, не чуютъ бѣды отъ морского берега.

Безпомощенъ, одинокъ князь испепеленнаго Герсике. И вотъ въ его тайникъ доходитъ лучъ свѣта— добрая вѣсть. Слыхать, его ищетъ самъ Альбертъ и не съ грозой, не съ враждой, а добрымъ словомъ

хочетъ перемолвиться. Любовь къ семьѣ пересилила всѣ страхи Всеволода. Онъ довѣрчиво ринулся въ Ригу. Его обласкали, вернули княгиню, семью, пожалуй, обѣщали вернуть и добро, но съ условіемъ.— «Поклонись своимъ удѣломъ рижскому каѳедральному собору, и тогда мы возвратимъ тебѣ—твое. Не то!..» Ничего не понималъ ошеломленный князь. Жену, семью хотятъ отдать, а жить-то какъ же безъ удѣла? Тогда ему растолковали, что онъ будетъ управлять своей отчиной, дѣдиной и прадѣдовской землею, только долженъ признать надъ нею и надъ собою верховную власть рижскаго епископа. Счастье вернуться съ семьею во-свояси отуманило князя Всеволода настолько, что онъ клятвенно, подъ присягой, утвердилъ свой договоръ съ рижскимъ епископомъ.

И второй вѣрный, твердый шагъ былъ сдѣланъ нѣмцами на полоцко-русской землѣ. Теперь передъ ними твердыни — Псковъ, Новгородъ! Это не чета Полоцку и его удѣльнымъ державцамъ. Эти старѣйшіе города Русской земли сильны, богаты! Съ ними не надежно мѣряться ратями. Положимъ, они постоянно враждуютъ промежъ себя и съ единородными, сосѣдями, но это до поры, до времени. Прійдетъ бѣда, встанутъ крѣпко; съ ними тогда не сдобровать! Надо дѣйствовать осмотрительно, потихоньку, въ тихомолку, черезъ своихъ закрѣпощенныхъ, подъяремныхъ и окрещенныхъ туземцевъ. Начали рыцари постепенно волновать новгородскихъ и псковскихъ данниковъ. Имъ обѣщали, опять же въ глубокой тайнѣ, поддержку, облегченіе дани и всѣ блага своего покровительства, лишь бы они чаще, настойчивѣе безпокоили стольный, древній Новгородъ. Недальновидные народы очела и ерева стали шевелиться, дѣлали

набѣги то на Медвѣжью Голову (Оденпе), то на Юрьевъ, пытались добираться чуть не до самаго Пскова. На счастье нашего сѣвера, Великій-Новгородъ и св. Софію любилъ галицкій князь, русскій богатырь Мстиславъ Удалой. Налетѣлъ онъ съ юга къ берегамъ роднаго Волхова, услышавъ объ обидахъ, творимыхъ Новгороду ослушниками—данниками. Созвавъ свою дружину, прошелъ съ нею весь край до самаго Балтійскаго моря, собралъ новгородскую дань и, не встрѣтивъ нигдѣ ни единаго рыцаря, усмирилъ мятежные народы и навелъ такой страхъ, что притихли сами крестоносцы. Кто знаетъ, какъ бы пошло онѣмеченіе прибалтійскихъ окраинъ, если бы не испортилъ дѣла самъ Великій Новгородъ да его вѣчевое правленіе.

Этотъ древній городъ, столица Рюрика, любимый Ярославомъ Мудрымъ и Мстиславомъ Удалымъ, сдѣлался настоящимъ виновникомъ окончательнаго водворенія рыцарей и нѣмецкой народности на Балтійскомъ побережьи. Вѣчныя ссоры новгородцевъ съ прирожденными князьями Рюрикова дома, которыхъ они то призывали, то вѣроломно прогоняли, ихъ вѣчевое правленіе, увлеченіе личными сварами, а не пользою родины, погубили русское православное дѣло на сѣверо-западной границѣ.

Къ новгородцамъ за помощью, осенью 1224 года, и послалъ князь Вячко. Обездоленный Кукейносскій державецъ нашелъ себѣ пріютъ въ древнемъ Юрьевѣ, основанномъ въ 1035 г. Ярославомъ Мудрымъ на возвышенномъ лѣвомъ берегу Эмбаха, въ финской землѣ *). Съ тѣхъ поръ онъ служилъ оплотомъ нашихъ западныхъ

*) Въ Унганіи (область чуди тормы).

границъ. Второй вѣкъ стоитъ эта твердыня. Крѣпко построенъ княжескій дѣтинецъ. Надежны дубовыя стѣны. Довѣрчиво хоронились за ними несчастные народцы—очела, талова, ерева и русь, ища защиты у храбраго русскаго князя, не боявшагося тревожить нѣмецкіе отряды своими постоянными, лихими набѣгами. Черезъ лазутчиковъ, отъ вѣрныхъ друзей узналъ Вячко, что Альбертъ сильно разгнѣванъ его безпримѣрною удалью, постоянными набѣгами. «Встанутъ русскіе крѣпко на этомъ рубежѣ»,—говорили нѣмцы промежъ себя,—«тогда намъ ничего не подѣлать. Всѣ берега Двины останутся на вѣки, въ ихъ рукахъ». И начали совѣщаться въ стѣнахъ своей Риги. Узналъ объ этомъ, понялъ важность минуты русскій князь-богатырь—и послалъ все сказать богатому, славному, да на бѣду вольному, Новгороду.—«Встаньте крѣпко, соберите дружины, идите намъ въ помощь, а мы ужъ не выдадимъ, не посрамимъ родной земли, вѣры дѣдовъ и отцевъ», вѣско передавали новгородцамъ послы вождя—князя его рѣчи.

Ударили въ вѣчевой колоколъ. У св. Софіи собралась вольница,—готовы были дружины. А тутъ старѣйшіе, умнѣйшіе рѣшители судебъ, мужи именитые свое заговорили.—«Зачѣмъ разбирать чужую бѣду? До насъ еще далеко. Нѣмцы и то намъ отдаютъ ту дань, что бѣднота сосѣдняя намъ прежде собирала. Погодимъ, посмотримъ, потолкуемъ». Кричали, шумѣли, рядили, судили у св. Софіи, а тѣмъ временемъ въ Ригѣ собрался рыцарскій совѣтъ. Обсуждалась необходимость «предпринять чрезвычайныя мѣры противъ Виссики *), не перестающаго причинять нѣмцамъ всякое зло,

*) Такъ называли нѣмцы нашего кн. Вячеслава-Вячко.

какое только было въ его власти. По ихъ словамъ, за стѣнами Юрьева, этой неприступной крѣпости, были собраны всѣ злодѣи, измѣнники, враги ливонцевъ, ими начальствовалъ тотъ князь, который изстари былъ корнемъ всѣхъ золъ для Ливоніи.

Подъ вліяніемъ разумной, твердой воли властнаго епископа Альберта, собрались нѣмецкія силы со всей завоеванной земли и единогласно рѣшили предпринять походъ на Юрьевъ соединенными общими силами. подъ начальствомъ самого епископа. Даже изъ Западной Европы шли къ нимъ на помощь толпы вольныхъ рыцарей. Герцогъ саксонскій, именитый гость Ордена, и тотъ пожелалъ лично участвовать въ походѣ. Оба епископа, крестоносцы, орденская братія, дружины епископскія, купцы и граждане—всѣ пошли съ Альбертомъ. Повели съ собою и крещенныхъ туземцевъ, злѣйшихъ враговъ своихъ несчастныхъ соотичей. Подойдя къ Юрьеву, нѣмцы стали возводить самые страшные окопы, приспособляя новѣйшія орудія осады. Русскіе, съ своей стороны, оборонялись съ остервенѣніемъ. Ночь и день съ обѣихъ сторонъ работали безъ устали.

Альбертъ попробовалъ сначала мирно переговорить съ Вячкомъ: «пусть князь со своею Русью, конями, оружіемъ и всѣмъ имѣніемъ выйдетъ изъ крѣпости, лишь бы сдалъ городъ и всѣхъ сидѣвшихъ въ немъ изъ корси, ливи, чуди». Передъ свои очи даже и не допустилъ такихъ пословъ отважный Вячко.—«Пусть Господь разсудитъ насъ, но живыми мы не отдадимся!» Разсвирѣпѣли нѣмцы отъ этого «наглаго и дерзкаго—имъ не обычнаго—отвѣта русскихъ». Поклялись съ лица земли стереть продерзостныхъ защитниковъ родного очага. Все, что нѣмцамъ удавалось уничтожить въ теченіе дня,—за ночь осажденные успѣ-

вали вновь воздвигнуть. Только что начинало темнѣть, крестоносцы разводили костры и при ихъ яркомъ пламени возводили торопливо новыя осадныя приспособленія. Они сопровождали свой разрушительный трудъ громкимъ пѣніемъ псалмовъ, при звукахъ трубъ и литавръ. Тогда на городскія стѣны выходили дудочники, отвѣчавшіе въ ладъ иностранной музыкѣ на своихъ народныхъ дудкахъ и балалайкахъ.

Осада тянулась. Вячко все ждалъ помощи отъ св. Софіи.

На горе, объ этомъ провѣдали нѣмцы. Собрался военный совѣтъ, сошелся весь цвѣтъ именитаго рыцарства. Магистръ Ордена и герцогъ саксонскій засѣдали по обѣимъ сторонамъ рижскаго епископа. «Надо торопиться, покончить съ осадой, до прихода новгородцевъ! У этихъ славянскихъ купцовъ сильные, славные полки! ловкій, привычный народъ! Къ тому жъ еще и свѣжая будетъ, не утомленная рать. Намъ необходимо, до ихъ прихода, сдѣлать рѣшительный приступъ».—«Не такъ-то легко сдадутся злодѣи, все новое зло вымышляютъ на насъ»—сказалъ Іоаннъ фонъ-Апельдернъ.—«Рѣшайтесь на приступъ»,—твердили кругомъ.—«Сжечь до тла всю твердыню», вторили другіе.—«И перерѣзать до единаго весь ненавистный притонъ»,—подтверждали третьи.—«Вотъ мой совѣтъ», заговорилъ, поднявшись, предводитель иностранныхъ рыцарей: «для того, чтобы храбрые крестоносцы веселѣе шли на приступъ, положимте, господа, уговоръ между собой. Кто изъ насъ первый взойдетъ на стѣну, тому, кромѣ самаго лучшаго коня, достанется и самый знатный плѣнникъ-Виссики! Никто да не убьетъ его; никто, кромѣ перваго храбреца, не будетъ имѣть права повѣсить нашего врага на

макушкѣ самаго высокаго дерева. И будемъ всѣ мы вокругъ него торжествовать побѣду, превознося передового храбреца».—Рѣшеніе закрѣпили клятвою, и всѣ положили въ душѣ быть первыми.

Занялась заря, юрьевцы увидѣли, какъ со всѣхъ сторонъ несмѣтныя полчища, стягиваясь, окружали ихъ послѣдній оплотъ. О помощи же не было и слышно. Заблаговѣстилъ къ обѣднѣ соборный колоколъ, ему завторили остальные православные храмы, воздвигнутые еще Ярославомъ. Язычники въ роковую минуту слились съ боевыми товарищами въ единой предсмертной православной молитвѣ. Духовенство безъ устали напутствовало на неизбѣжную смерть съ вѣрою притекавшихъ воителей за родную церковь, за отчій домъ. Князь Вячко подалъ примѣръ,—за нимъ послѣдовали всѣ двѣсти русскихъ воиновъ, а тамъ и остальные, и женщины и дѣти. Никто не захотѣлъ ни умереть безъ пріобщенія Св. Таинъ, ни живымъ отдаться въ плѣнъ свирѣпымъ Меченосцамъ. Изъ храмовъ прямо шли на городскія стѣны. Мѣткія стрѣлы, смертоносные камни косили наступавшихъ. Земля покрылась ихъ тѣлами. Но за строемъ новый строй, какъ морская волна, вздымался безконечно. Рыцари тѣснились все ближе, суживая все сильнѣе смертоносное кольцо. Спасенья не было! Какъ ни били крестоносцевъ, все же, они дошли до стѣнъ. Верхъ взяло множество. Городъ запылалъ со всѣхъ сторонъ. Нѣмцы проникли черезъ горѣвшія бреши. Жители бросались на нихъ, утопая въ потокахъ своей и вражьей крови. Другіе задыхались въ дыму пожара или бросались въ пылающее пламя. Никто не уцѣлѣлъ. На своемъ бѣломъ конѣ князь Вячко не переставалъ биться. Ни стрѣлы враговъ, ни пламя пожара не трогали его!

Князь Вячко умираетъ въ пламени, защищая свой Юрьевъ. *(Къ стр. 71.)*

Какъ ангелъ смерти, носился русскій витязь по морю крови и огня, уничтожая всѣхъ попадавшихъ подъ руку враговъ. Имъ онъ не достался даже мертвый! Послѣдній живущій, среди осажденныхъ, русскій богатырь—сбросился съ кручи въ зіявшую пропасть и вмѣстѣ съ конемъ исчезъ изъ глазъ враговъ своей родины и вѣры православной.

Сами нѣмцы подтверждаютъ, что юрьевцы всѣ похоронили себя вмѣстѣ съ своимъ княземъ подъ пепломъ и развалинами русской твердыни. Единственнаго живого отысканнаго ими человѣка они нарядили въ свое платье, дали крѣпкаго коня и послали въ Новгородъ возвѣстить про свою славную побѣду надъ храброю русскою силой.

Епископы, все войско, всѣ нѣмцы восторженно праздновали удачу, и имѣли на это полное право. По своимъ послѣдствіямъ, эта побѣда была самая важная изъ всѣхъ, какія только католики-крестоносцы одерживали до сихъ поръ. Послѣдній оплотъ туземцевъ—русская крѣпость пала. Вся Чудь, которая еще держалась, не покоряясь находникамъ, погибла, и съ этого времени нѣмцы могли съ полной увѣренностью говорить, что подчинили себѣ сначала литовцевъ, потомъ русскихъ и финновъ.

На развалинахъ Юрьева, ихъ заботами, былъ скоро основанъ многолюдный городъ, обнесенный крѣпкою стѣною. Вмѣсто православныхъ храмовъ, въ городѣ и во всей округѣ стали воздвигаться костелы, къ которымъ ставили выписанныхъ изъ Западной Европы католическихъ священниковъ.—И епископская каѳедра была основана во вновь воздвигнутой твердынѣ, извѣстной въ исторіи подъ именемъ Дербота или Дерпта.

Причиной этого народнаго горя былъ вѣчевой безпорядокъ вольнаго Новгорода! Личные счеты и вѣчныя распри новгородцевъ помѣшали имъ прійти во-время на помощь Литвѣ и финнамъ.

ИСТОЧНИКИ:

1) *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.
2) *Д. И. Иловайскій.* Исторія Россіи. Т. II.
3) *С. В. Чешихинъ.* Исторія Ливоніи.
4) *Эрнестъ Серафимъ.* Исторія Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи.
5) *Турчиновичъ.* Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи.

Первое вторженіе шведовъ въ Россію.

1240 годъ.

ШВЕДСКІЙ король Эрихъ IX, прозванный Святымъ за свое ревностное стремленіе распространять христіанскую вѣру среди язычниковъ, рѣшилъ, подъ вліяніемъ властолюбиваго Рима, отправиться для проповѣди слова Божія къ заморскихъ дикарямъ. Онъ зналъ, что на востокъ отъ Швеціи проложенъ морской путь датскими и германскими купцами и что туда во множествѣ переплываютъ и мирные и воинствующіе нѣмцы, чтобы привить дикарямъ и свою вѣру и свое образованіе. Его тянуло въ ту-же даль, на такіе же подвиги! Собравъ благочестивую рать, сопутствуемый упсальскимъ епископомъ Генрихомъ и духовенствомъ, сѣлъ онъ на свои легкокрылыя суда и поплылъ на востокъ, по теперешнему Ботническому заливу, въ 1157 году.

Изъ-за волнъ показался скалистый берегъ, такой же угрюмый, какъ и молчаливые его жители, враж-

дебно встрѣтившіе непрошеныхъ гостей. Но, видно, ужъ такъ было предопредѣлено судьбою! Огонь да мечъ и тутъ проложили путь кроткому Евангельскому ученію. Не хотѣли жители нынѣшняго Або *) покориться шведамъ добровольно, отказывались креститься,—ихъ принудили къ этому силой. Послѣ геройскихъ подвиговъ насилія, злодѣйствъ, мученій, король Эрихъ вернулся въ Швецію, дѣло же проповѣди и притѣсненій надъ финнами продолжалъ исполнитель его приказовъ, епископъ Генрихъ, съ своими военными отрядами. Цѣлый годъ, съ 1157 по 1158, прокладывалъ онъ себѣ путь на востокъ отъ моря, въ глубь теперешней Финляндіи. Дошелъ уже до Кокемы, но тутъ смерть остановила его подвиги! Финскій ножъ попробовалъ избавить родину отъ шведской жестокости!

Туго усваивали христіанское ученіе упрямые сыны суровой Финляндіи. Шведскіе миссіонеры Рудольфъ и Фальквинъ почти безуспѣшно трудились двадцать лѣтъ, съ 1158 по 1178 годъ, надъ порученнымъ имъ дѣломъ. Эрихъ терялъ терпѣніе, посылалъ на подмогу новыя силы, и все безуспѣшно. Дикари скрывались въ своихъ трущобахъ, за родными озерами, лѣсами, скалами, шагъ за шагомъ отстаивая наслѣдіе отцевъ, священныя преданія предковъ. Наконецъ они обратились за помощью къ великому Новгороду, которому емчане привыкли искони платить немудреную дань. Услышали на берегахъ Волхова, что стонутъ на сѣверѣ ихъ угрюмые, но всегда миролюбивые данники, и что изъ-за моря, проникли туда воинственные свеи **) со своими проповѣдниками. Слыхать, что рати

*) Городъ на западномъ берегу Финляндіи.
**) Шведы.

Финнъ убиваетъ епископа Генриха, предводителя шведскихъ войскъ, подъ Або, въ 1157 году. *(Къ стр. 74.)*

за ратями двигаются, какъ потокъ! Несутъ знамена, украшенныя кроткимъ ликомъ Богоматери, на щитахъ изсѣченъ крестъ святой, а въ рукахъ мечъ смертоносный! Горе, разореніе, муки и насиліе вносятъ въ мирную страну непрошеные проповѣдники!

Заволновались у св. Софіи, не хотѣли въ обиду давать сѣверныхъ сосѣдей. Старики судили, рядили. Молодежь собиралась точить мечи, какъ вдругъ явились къ князю гонцы отъ посадника Нѣжатаго.— «Шведъ Ладогу обложилъ!» — «Что? Какъ? нашу родную Ладогу? Да какъ онъ смѣлъ! Кто допустилъ продерзостныхъ находниковъ затронуть отчину всесильнаго Новгорода?» — «Добрался Шведъ» продолжалъ гонецъ въ перепугѣ, «по топкимъ финскимъ берегамъ до самаго города! Горятъ всѣ пригороды! Ладожане сами жгутъ свои дома, все, что не схоронено за городской стѣной. Ихъ отстаиваетъ храбрый посадникъ! онъ лихо дерется! врагъ пятится, русскія рати тѣснятъ его къ берегамъ Сальмы (Вороной). Но все же онъ не хочетъ уходить. Безъ помощи Ладогѣ не сдобровать!» Тогда княжилъ у св. Софіи князь Святославъ Ростиславичъ *). Во главѣ своихъ и новгородскихъ дружинъ, съ смѣлыми удальцами на подмогу, выступилъ онъ съ посадникомъ Захаріей выручать родную Ладогу. Сразу разбилъ врага, забралъ безъ счета плѣнныхъ и уничтожилъ чуть не всѣ вражьи корабли! Изъ 55 судовъ спаслось только 12. Это было въ 1164 году.

Но миссіонеровъ не охладило такое пораженіе. Они такъ настойчиво продолжали свое дѣло, такъ раздражительно приставали къ финнамъ, что тѣ под-

*) Его отецъ, Ростиславъ Мстиславичъ Схимолюбивый, былъ тогда в. к. кіевскимъ.

стерегли Рудольфа, забрали его въ плѣнъ и мученически умертвили въ 1178 г.

Наказать ихъ за такое преступленіе явился самъ благочестивый Эрихъ и учинилъ жестокую расправу. Упорство шведовъ сильно раздражало новгородскую вольницу. У св. Софіи властно задержали ихъ купцовъ и слышать не хотѣли о миролюбивыхъ сдѣлкахъ, которыя имъ предлагали скандинавы. Напротивъ, посадники, старѣйшіе, обдумавъ, обсудивъ на вѣчѣ, рѣшили сговориться съ корсью, поднять эстовъ и финновъ и общими силами, однимъ рѣшительнымъ ударомъ усмирить неугомонныхъ.

На этотъ разъ не морскіе короли, не датчане или варяги, а сами именитые дѣти великаго Новагорода, посадивъ свои удалыя дружины на суда, поплыли по волнамъ широкой Балтики, прямо въ озеро Меларъ, неся страхъ и трепетъ въ вражью землю. 14 іюля высадились добрые молодцы въ окрестностяхъ Стокгольма, разоряя, уничтожая все, что попадалось на пути. Убили упсальскаго архіепископа Іоанна. Разрушили до основанія богатый, торговый городъ Сигтупу, да такъ, что онъ ужъ навсегда утратилъ свое значеніе. Разграбили всѣ его сокровища. Увезли все, что могли забрать, въ томъ числѣ чудо тогдашняго искусства, церковныя двери, которыми и украсили свою соборную церковь. Только это былъ еще не конецъ.—Въ 1191 году новгородскія дружины снова ходили на Емь—биться со Шведомъ. Въ 1198 году сожгли Або и, наконецъ, хоть на время, охладили пылъ вооруженныхъ проповѣдниковъ западно-католическаго христіанства, среди своихъ исконныхъ данниковъ и друзей-финновъ.

Не мало помогли затишью и неурядицы на Скандинавскомъ полуостровѣ. Готская и шведская партіи

ссорились изъ-за власти. Папы настаивали на скорѣйшемъ возстановленіи сильной королевской власти, этой преданнѣйшей союзницы римско-католическаго первосвященника. Но борьба усилила власть вельможъ, и выдающимся исполнителемъ велѣній запада оказался не король, а зять его, представитель вліятельной шведской фамиліи Фолькунговъ, ярлъ Биргеръ. Искусный полководецъ, онъ считался непобѣдимѣйшимъ рыцаремъ на всемъ свѣтѣ. Гдѣ бы, съ кѣмъ бы онъ ни воевалъ, вездѣ и надъ всѣми онъ одерживалъ побѣды. Вотъ на него-то и палъ жребій выполнить завѣтныя мечты римскихъ первосвященниковъ: не только покорить сѣверныхъ русскихъ данниковъ, финновъ, но и всѣхъ невѣрныхъ рутеновъ *) обратить въ католичество. Это было въ 1238—39 г.

Время для выполненія задуманнаго плана было выбрано самое удачное. Съ востока Русь православную душили монголы. Земля была растерзана, разграблена, обезсилена. Съ запада напирали рыцари, вооружая прежде мирныхъ ливовъ. На берегахъ Шелони не умолкали звуки брани. Послушные эстонцы шли за нѣмцами, которые заносчиво грозились добраться до самаго Пскова, а тамъ, чего добраго, дойти и до Новагорода. Шведамъ все это было на руку. По волѣ римскаго первосвященника, слѣпо вѣруя въ силу его благословенія, святость своихъ кровавыхъ цѣлей и личную непобѣдимость, явился Биргеръ къ устьямъ Невы, на безчисленныхъ судахъ, во главѣ пресильнаго отряда. Шведы, норвежцы, финны, сумь и емь, всѣ шли подъ его хоругвью—прямо къ устьямъ Невы. Заперли исконный славянскій путь «изъ варягъ въ

*) Такъ звали русскихъ въ Римѣ.

греки», грозили снова Ладогѣ, полонили безпомощную ижору и чудь.

— «Если смѣешь,—приходи! Я ужъ здѣсь и полонилъ твою землю!»—послалъ сказать надменный Биргеръ юному новгородскому князю Александру Ярославичу. Тотъ только что отпировалъ въ Торопцѣ свою свадьбу съ княжной Вассой, дочерью полоцкаго князя Брячеслава, 1239 г. Въ Новгородъ же пріѣхалъ съ молодою княгиней продолжать свадебное веселье. Въ самый разгаръ пира явился лихой вѣстникъ съ этой продерзостной рѣчью. Взъѣлась строптивая вольница. «Кто тотъ дерзкій, что смѣетъ такое слово молвить ихъ молодому державцу?» Не до пира стало гражданамъ! Были и такіе, что послали за помощью во Владиміръ, только-что до тла испепеленный татарами.

За мечъ и кольчугу схватился юный князь. Могучій кличъ его раздался среди общаго смятенія. Дружину храбрыхъ удальцовъ сзывалъ вокругъ себя державецъ, чтобы съ нею выступить въ походъ. Передъ походомъ пошелъ онъ въ Софійскій храмъ, гдѣ слушалъ напутственный молебенъ. Тамъ, на колѣняхъ, передъ гробницею своего прадѣда, храбраго Мстислава, слезно молилъ онъ Господа силъ спасти родину отъ нашествія лютыхъ иноплеменниковъ, охранить Русь православную отъ властолюбивыхъ притязаній западныхъ иновѣрцевъ.

Владыка и весь «освященный соборъ», благословивъ князя на брань, вышли съ крестами, иконами на соборную площадь. Народъ любовно окружилъ своихъ защитниковъ. На паперти въ блестящихъ доспѣхахъ, аломъ корзнѣ *) черезъ плечо, съ непокры-

*) Княжеская мантія.

той головою показался высокій, статный, красивый князь Александръ. Какъ утренняя заря, сіяли его большіе голубые глаза. Надъ ними густыя черныя брови сходились, какъ тучки на небѣ. Свѣтлыя кудри кольцами спускались до плечъ, окаймляя величественное, вдохновленное чело благочестиваго воина, стремившагося сложить свою голову, лишь бы спасти ввѣренныя ему новгородскія земли. «Не Богъ-ли Самъ, создавъ небо и землю, поставилъ предѣлы языкамъ и не велѣлъ переходить чужія части!»—заговорилъ онъ, повелительно поднявъ руку,—благоговѣйно смолкла толпа.—«Суди Онъ Самъ, Господь, обидящихъ насъ и возставшихъ на насъ неправою бранью! Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!» повторилъ онъ слова Мстислава Удалого: «вспомнимъ, братія, слова царя Давида: «Сіи во оружіи, а сіи на коняхъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ!»—Народъ слушалъ вѣщія слова и, проникаясь вѣрою въ успѣхъ, усердно крестился. Вѣра въ правоту дѣла, въ несокрушимость рати православной наполняла души набожныхъ новгородцевъ.

Дома остались только больные, старики, женщины и дѣти. Кто только могъ, стремился въ походъ съ вдохновеннымъ вождемъ. На пути къ устьямъ Невы, по мѣрѣ приближенія русскихъ ратей, поднимались мѣстные жители. Вооруженные, чѣмъ и какъ могли, они густою, надежною стѣною окружили любимыя, православныя дружины своихъ избавителей. Горячо ненавидя свейскихъ *) нѣмцевъ, мирные отъ природы, хотя и упрямые чудь и нарова, всей душей льнули къ Православной Руси.

---

*) Такъ звали финны шведовъ.

Еслибы не постигло нашу родину въ XIII вѣкѣ страшное несчастіе, еслибы дикіе монголы не придавили тяжкимъ игомъ народъ и князей русскихъ, никогда бы коварнымъ сынамъ властолюбиваго католичества не пустить цѣпкихъ корней на нашемъ сѣверо-западѣ. Шведскія войска были расположены на южномъ берегу Невы, тамъ, гдѣ маленькая Ижора вливается въ многоводную свою сосѣдку. Сильны были вражьи рати, не перечесть полковъ. Среди стана возвышался златоверхій шатеръ предводителя, а позади гордо поднимались къ небу мачты безчисленныхъ шведскихъ кораблей. Конечно, нельзя было и сравнивать силы воюющихъ сторонъ. Собственныя новгородскія и княжескія дружины были малочисленны, несмотря на всеобщія усилія ихъ пополнить. Главная опора русскихъ была въ сочувствіи къ нимъ мѣстныхъ народцевъ. Они поднимались сплошною стѣною и шли, какъ стихійная сила, уничтожать ненавистныхъ находниковъ. Объ этомъ-то шведы и не подумали. Они увѣренно ждали врага, не предчувствуя въ ночь съ 14 на 15 іюля никакой опасности. Новгородцы же готовились къ отчаянному нападенію. За ними шевелилась емь, чудь, водь и корела. Они искусно высматривали расположеніе вражьихъ полковъ, соображая, при знаніи мѣстности, какъ ловчѣе обойти врага и удачнѣе нанести ему тяжкій ударъ. Среди нихъ особой бдительностью отличался Пелгусій, въ св. крещеніи Филиппъ.

Державный вождь поручилъ ему производить развѣдки, такъ какъ онъ былъ начальникомъ приморской стражи и ижорскимъ старшиною; князь лично зналъ старика, какъ ревностнаго, добродѣтельнаго христіанина, пользовавшагося большимъ вліяніемъ между язычниками, своими грубыми соотечественниками.

Видѣніе Пелгусію, старшинѣ ижорскому, начальнику приморской стражи.

(Къ стр. 81.)

Среди глубокой тишины, къ ставкѣ князя осторожно пробирался сѣдой высокій старикъ.—«Нужда мнѣ до князя», шепотомъ заговорилъ онъ съ дѣтскимъ *). Хотя тотъ и узналъ начальника приморской стражи, но, оберегая покой любимаго вождя, такъ же тихо замѣтилъ, что слѣдовало бы пообождать, хоть малость.—«Кажись, започивалъ болѣзный».— «Время дорого, не терпитъ», задумчиво ворчалъ старшина. А въ ставкѣ уже шевелились. Александръ самъ стоялъ на порогѣ, и сна какъ не бывало на его ясномъ челѣ. Пелгусій, отдавъ земной поклонъ, сказалъ, что нужда великая принудила его прійти до свѣта.

Князь распахнувъ коверъ, ввелъ начальника стражи въ шатеръ и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ словомъ умнаго, толковаго старика. Окончивъ докладъ касательно расположенія шведскихъ войскъ, Пелгусій продолжалъ: «Всю прошлую ночь стоялъ я вскрай **) моря, при устьѣ Невы, оглядывая оба берега. Стоялъ неподвижно, какъ вдругъ, при восходѣ солнечномъ, услышалъ шумъ страшенъ по морю и увидѣлъ гребную лодку,—«насадъ» гребущъ. Посреди насада стояли св. мученики Борисъ и Глѣбъ, положивъ другъ другу на рамена руки. Гребцы же, сидѣвшіе въ насадѣ, были точно мглою покрыты. И сказалъ кн. Борисъ: «Братъ мой, Глѣбъ, вели грести скорѣе, да поможемъ сроднику своему Александру Ярославичу!»—Увидавъ такое явленіе, услышавъ гласъ таковой отъ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, стоялъ я въ страхѣ и трепетѣ до самыхъ тѣхъ поръ, какъ уплылъ насадъ отъ моихъ очей и исчезло все видѣнное, замолкло все слышан-

*) Ближайшій къ князю воинъ изъ его охраны.

**) Морское побережье.

ное», твердилъ Пелгусій, набожно крестясь. Радостно забилось сердце героя. Взволнованно выслушалъ онъ вѣщія слова. Онъ зналъ, что Пелгусій пользовался доброй славой, почетомъ среди соплеменниковъ за свою благочестивую, воздержную жизнь. Чудный разсказъ укрѣпилъ его вѣру, поддержалъ прирожденную бодрость, и, когда взошла заря, разсѣялся утренній туманъ, Александръ Ярославичъ, полный надежды на помощь небесную, двинулся въ бой.

Лѣтописцы говорятъ, что сѣча была ужасная. Обоюдное ожесточеніе не имѣло предѣловъ. Шведы крѣпко стояли, дружно напирая на новгородскія дружины. Но за православныхъ были безчисленныя толпы мѣстныхъ жителей, да еще ихъ вѣра и надежда на крѣпкую помощь Божію! Какъ геній побѣды, носился князь среди своихъ полковъ. Новгородцы рубились отчаянно. Головы шведскихъ вождей такъ и падали отъ ударовъ русскихъ топоровъ. Въ самый разгаръ сраженія оба войска увидѣли, какъ поколебался златоверхій шатеръ магистра Биргера и палъ подрубленный смѣльчакомъ Саввой, однимъ изъ княжескихъ отроковъ. Въ пылу схватки, самъ князь остріемъ своего копья нанесъ ударъ Биргеру въ лицо. Шведы были разбиты на голову. Они бѣжали, спасаясь, какъ могли, на свои суда и уплыли къ себѣ за море.

Счастливые новгородцы торжествовали полную побѣбу, и имя «Невскаго» заслуженно отмѣтило храбраго князя, вдохновеннаго предводителя православныхъ ратей, бившихся за землю родную, за вѣру православную.

Славная побѣда на берегахъ Невы была одержана 15 іюля 1240 года. Когда обходили поле сраженія, то не могли не подивиться, какое множество вра-

жьихъ тѣлъ покрывало не только поле сраженія, но наполняло и сосѣдніе лѣса и болота... Конечно, шведы были истреблены озлобленными мѣстными жителями, вымещавшими, подъ крыломъ русскихъ войскъ, свою ненависть, накопившуюся къ непрошеннымъ свейскимъ проповѣдникамъ. Благодаря беззавѣтной храбрости новгородскихъ дружинъ и военнымъ способностямъ ихъ князя-вождя, напуганные шведы затихли на время и оставили въ покоѣ финскія племена, мирныхъ данниковъ великого Новгорода.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Н. М. Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго.
2) *Н. М. Павловъ.* Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ.
3) *С. В. Чешихинъ.* Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ.
4) *Д. И. Иловайскій.* Исторія Россіи.

МИНДОВГЪ,

КНЯЗЬ ЛИТОВСКІЙ. † 1264 г.

ВЪ ТЕПЕРЕШНЕЙ минской губерніи, въ 30 верстахъ отъ судоходнаго Нѣмана, у подошвы большой горы, живописно пріютился маленькій городокъ Новогрудокъ. Лѣтомъ онъ весь утопаетъ въ зелени фруктовыхъ садовъ, изъза которой чуточку виднѣются то тутъ, то тамъ низенькіе, немудреные домишки. Одни лишь храмы Божіи, съ высокими колокольнями, красиво поднимая въ небесную высь свои блестящія главы и разнося по округѣ призывный звонъ благозвучныхъ колоколовъ, могутъ остановить на себѣ вниманіе путника. На самой вершинѣ горы, точно вѣнчая ее, виднѣются красивыя развалины древняго дѣтинца, долговѣчный памятникъ славнаго прошлаго великихъ предковъ.

Въ 1040 г. сынъ Владиміра Святого, кіевскій великій князь Ярославъ, возвращаясь отъ своихъ данниковъ-литовцевъ, сидѣвшихъ на Нѣманѣ, тамъ, гдѣ съ нимъ сливаются тихія воды веселой Виліи, раски-

нулъ свой станъ въ этой долинѣ. На самой вершинѣ горы отроки поставили шатеръ, водрузивъ около него княжескій стягъ. Мѣстность понравилась мудрому устроителю русской земли. Понялъ онъ, что тутъ удобно основать оплотъ православію, по сосѣдству съ мирными литовскими племенами: жмудью, земголой, летголой, чтобы держать въ опаскѣ драчливую корсь и пруссовъ до самаго Янтарнаго моря *). Уже при немъ бывали нерѣдко примѣры, какъ охотно, безъ принужденія, среди этихъ народцевъ цѣлыя селенія просили св. крещенія, убѣжденно оставляя отеческія вѣрованія, и принимали православіе. Конечно, вѣщій кіевскій державецъ и не думалъ, не гадалъ, созидая этотъ мирный, сторожевой, скорѣе соединительный пунктъ, что проїдетъ не болѣе двухъ вѣковъ и его любимый, православный Новгородокъ сдѣлается столицею Литовскаго государства, что въ немъ будутъ хозяйничать языческіе кунигасы **)—Рингольдъ и его великій сынъ, Миндовгъ, объединитель Черной Руси ***), гроза сосѣдей,—католическихъ рыцарей.

Воинственный, властолюбивый, онъ не разбиралъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей: жестокость, ложь, злодѣйство, все было съ руки храброму варвару-воителю! Онъ не жалѣлъ даже близкихъ родственниковъ: пробовалъ измѣной убить брата Выконта и племянниковъ—Тевтивиля и Едивила. Изъ чувства самосохраненія и мести, они бросились къ своему шурину, галицкому князю Даніилу. Плакали, стонали, просили заступничества своей сестры, по-

---

*) Одно изъ древнихъ названій нашей Балтики.

**) Правители, князья.

***) Такъ называли область по верхнему теченію Нѣмана и его притоку Шоря.

мощи великаго Галича противъ усиливавшейся Литвы. Понимали Даніилъ и братъ его Василько всю силу доводовъ, выгоду припугнуть Миндовга, вернуть такъ или иначе Россіи отнятую имъ Черную Русь. Храбры галицкіе князья, но однимъ имъ не справиться, на рукахъ свои смуты да еще татарщина. Не покойно ни въ Галичѣ, ни въ Перемышлѣ, ни во Владимірѣ Волынскомъ. Они дали князьямъ совѣтъ идти звать на Миндовга его западныхъ сосѣдей, находниковъ-нѣмцевъ, кровожадныхъ рыцарей Тевтоно-Ливонскаго ордена.

Пошли горемыки собирать на свою родину вражьи полчища, извѣстныхъ лютыхъ рыцарей! Отъ излишняго усердія, Тевтовилъ принялъ даже католичество, чтобы только привлечь нѣмцевъ на свою сторону. Тѣ же упрямо твердили свое: «Идти—пойдемъ, какъ не идти на помощь храброму славному князю Галицкой земли! Но только знайте, что мы идемъ бить Миндовга вовсе не изъ радости, что одинъ изъ васъ сдѣлался нашимъ братомъ по вѣрѣ, а единственно изъ любви къ князю Даніилу Романовичу!» А онъ ужъ и самъ пошелъ на Здитовъ *), брата же Василька послалъ на Волковыскъ,—сына—на Слонимъ.

Затуманился Миндовгъ, призадумался. На его горе, еще ятвяги тогда набѣжали и порядкомъ погромили его владѣнія. Съ другой стороны поднимались жемойта, пруссы, поляки,—бѣда погоняла бѣду,—не разорваться во всѣ концы! Какъ ни храбръ, какъ ни уменъ литовскій державецъ, а все же негдѣ ему набраться силъ ратныхъ противъ всѣхъ надвигавшихся враговъ! Приходилось додумываться до другихъ

*) Городъ.

средствъ. Тамъ, гдѣ не доставало ратной мощи, приходилось помогать себѣ умѣньемъ, хитростью, уловкой! Литву пугали враги со всѣхъ сторонъ! страхъ разбиралъ несчастный народъ. Всѣ трепетно ждали войны, разоренья, погрома,—и вдругъ!—въ самомъ Новгородкѣ, вмѣсто того, чтобы дѣлать запасы, готовиться на брань съ безчисленными врагами, княжескіе отроки щедрой рукой стали раздавать бѣдному люду и хлѣбъ, и съѣстные припасы. Дивятся жители, въ толкъ ничего не возьмутъ. Князь же даже и подручныхъ вождей распустилъ, далъ вволю отдохнуть, поохотиться въ дебряхъ родныхъ. Замковая прислуга, оруженосцы, тѣлохранители, вмѣсто оружія, доспѣховъ бранныхъ, преусердно чистили столовое серебро: кубки, жбаны, мисы, блюда. Разливали заморскія вина, родные меда.

Что за притча такая? ничего не понимаетъ народъ. Да и гдѣ сообразить такую премудрость? Въ тайнѣ глубокой, сокрыто отъ всѣхъ, задумалъ Миндовгъ свое трудное дѣло. Донесли ему его надежные люди, что дядя Выконтъ и племянники,—Тевтивилъ и Едивилъ,—точатъ противъ него ковы, просятъ помощи у злѣйшихъ его враговъ—галицкаго князя Даніила и тевтонскихъ рыцарей! Надо обезсилить вредныхъ родичей въ глазахъ ихъ друзей. Надо ихъ перехитрить. Надо сумѣть самому попасть въ дружбу къ врагамъ. Не медля ни минуты, собираетъ онъ груды своихъ сокровищъ и отправляетъ съ вѣрными послами въ Ригу, къ Андрею Стирландъ, магистру Ливонскаго ордена. Проситъ его бросить прежнія распри, забыть вражду, отвернуться отъ друзей-союзниковъ и предпочесть его цѣнную дружбу, принять его привѣтъ, его приглашеніе въ Новгородокъ, на братскій

пиръ. Щедро уплачиваетъ языческій князь христіанскимъ воинамъ за миръ, любовь, обоюдное дружество!

Хоть и храбры братья Ордена, хоть слава о нихъ и гремитъ во вселенной, но все жъ имъ приходится терпѣть большую нужду и лишенія въ новой родинѣ. Нищіи благочестивые рыцари и падки на богатыя подачки! Не легко пускать корни въ чужой сторонѣ. Сокровища Миндовга ярко блестѣли передъ ихъ жадными глазами.—«Литвинъ намъ шлетъ и золото, и серебро, онъ зоветъ насъ на пиръ! Идти бы? А папа? А римскіе наши друзья?»—говорятъ, думаютъ, перебираютъ тяжелыя нѣмецкія головы. Наконецъ рѣшили:—дары, золото—брать безусловно. Увѣрить въ своей дружбѣ, почтеніи, даже удивленіи передъ языческимъ сильнымъ правителемъ. Но на пиръ къ нему не идти, въ оплаченный союзъ не вступать. Они, вѣдь, христіане, воины римской церкви, а онъ—поклонникъ идоловъ, діавола—врага христіанства! Пусть онъ отступится отъ своихъ боговъ, пусть приметъ ихъ вѣру! Въ отвѣтъ литовскій князь шлетъ новые дары, новый усердный зовъ на дружескій пиръ! Къ удивленію бѣдныхъ туземцевъ, мимо нихъ проходятъ ихъ недавніе заклятые враги-мучители, не въ боевомъ, а въ праздничномъ настроеніи, приближаясь къ Новогородку. Съ почетомъ, съ царственной роскошью принялъ Миндовгъ новыхъ друзей и торжественно пригласилъ къ своему княжему столу; но хитрый магистръ не шевельнулся. «Я клялся», торжественно поднимая руку, сказалъ онъ: «что не раздѣлю трапезы съ врагомъ креста Господня! Согласись креститься, великій князь и полководецъ! Познай Истиннаго Бога! и тогда, назвавъ тебя братомъ, я поклянусь на вѣки быть твоимъ союзникомъ!»

Прекрасно понялъ Миндовгъ, что не интересы неба, а земная алчность руководила рыцаремъ. Данникомъ своимъ хотѣлъ онъ имѣть литовскаго князя и только для отвода глазъ говорилъ о крещеніи. Но бровью не повелъ смѣтливый литвинъ и самымъ ласковымъ образомъ отвѣтилъ: «Великій магистръ! Ты безъ оружія побѣдилъ меня однимъ убѣжденіемъ. Я вѣрю въ твоего Бога, будь моимъ посредникомъ передъ верховнымъ священникомъ Рима, и я крещусь вмѣстѣ со своимъ народомъ!»

Блестящія пиршества послѣдовали за этимъ торжественнымъ признаніемъ. Посольство тотчасъ же было послано въ Римъ съ актомъ договора и безцѣнными дарами. Великій магистръ оставилъ Новгородокъ, отягченный великолѣпными приношеніями, а при Миндовгѣ остался набожный монахъ—Христинъ—научать его правиламъ святой Христовой вѣры. Римъ ликовалъ! Папа Иннокентій IV принялъ литовскихъ пословъ съ безпримѣрнымъ почетомъ и обратно отослалъ съ подарками къ ихъ князю. Рыцарямъ же и полякамъ отправилъ строгій приказъ не смѣть болѣе силой захватывать литовскія земли, такъ какъ ихъ князь, молодой сынъ христіанской церкви, поступаетъ съ этихъ поръ подъ особое покровительство св. апостола Петра и его намѣстника, римскаго первосвященника.

Одновременно съ этимъ распоряженіемъ изъ Рима потянулось особое посольство на востокъ, въ Литву, неся золотыя короны для вѣнчанія благочестиваго христіанскаго князя и его супруги Маріы. Изъ Ливоніи и Пруссіи присоединились къ римскимъ посламъ рыцари, имѣя во главѣ своего великаго магистра и рижскаго епископа. Согласно приказанію папы, съ

ними ѣхалъ и кульмскій епископъ, Гейденрейхъ. Всѣ эти иноземные гости собирались въ Новгородкѣ; въ замкѣ и кругомъ его стало такъ тѣсно, что пришлось раскинуть станъ среди живописной долины. Въ центрѣ стана на возвышеніи воздвигли тронъ, чтобы со всѣхъ сторонъ и всѣмъ былъ онъ виденъ. Литовскія и нѣмецкія войска стояли кругомъ, а за ними тѣснились безчисленныя толпы народа, желавшаго видѣть рѣдкое событіе.

Только толпа эта была мрачна и молчалива. Миндовга съ супругой привели начальники нѣмецкихъ рыцарей и поставили на приготовленномъ тронѣ. Епископъ Гейденрейхъ возлилъ на ихъ головы св. мvро, рижскій же епископъ Альбертъ короновалъ княжескую чету золотою короною. За этой церемоніей послѣдовало общее крещеніе 600 литовцевъ—знатнѣйшихъ семействъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья новообращенныхъ. Въ 1251 г. стѣны древней русской твердыни и земля дреговичей узрѣли снова сіяніе креста надъ языческимъ капищемъ. Но, увы!—это не было полное торжество христіанскаго вѣроученія. Мірскія выгоды не могутъ быть надежнымъ основаніемъ евангельскихъ истинъ! Рыцари-монахи домогались только благъ земныхъ и грѣховной корысти. Миндовгъ же шелъ къ своей цѣли съ языческимъ безстыдствомъ, не разбирая средствъ. Онъ создалъ Литву христіанскую безъ христіанъ. Ему необходимо было вернуть себѣ прежнее могущество, и для того онъ щедро надѣлялъ дарами гостей, рыцарей, учителя Христина, Бургарда фонъ-Горнгузена, великаго магистра Ливонскаго ордена. Даже уступалъ своимъ новымъ союзникамъ небольшіе земельные участки, постоянно обѣщая еще большіе. Дружба казалась неразрывною! Папа

Александръ IV благословилъ Миндовга «воевать противъ южной Руси и ея обитателей, остающихся въ восточномъ невѣріи. Онъ даже напередъ утверждалъ подъ скипетромъ литовскаго короля всѣ новыя области, которыя онъ присоединитъ къ своему королевству».

Въ свою очередь Миндовгъ соглашался послѣ смерти сдѣлать рыцарей наслѣдниками всѣхъ своихъ владѣній, а пока уступалъ имъ частички то ятвяжской, то жмудской земли. Ему все еще надоѣдали недруги, разоряя все ближе и ближе его владѣнія. Даніилъ галицкій отнялъ уже Гродно, грозилъ даже самому Новгородку. Прощай великая объединенная Литва! Нѣтъ! надо пускаться на новыя хитрости. Рыцари же выводили его изъ терпѣнья. Ятвяги и жмудь вопили, стенали подъ мучительнымъ игомъ Ордена. Ихъ приводили въ христіанство огнемъ, мечемъ, безчеловѣчными муками и насиліями всякаго рода. Дошло до того, что даже Миндовгъ сжалился и, чтобы помочь имъ, послалъ своего сына, Войшелка, мириться съ Даніиломъ. Онъ отдавалъ Черную Русь въ управленіе старшему сыну Даніила, князю Роману, поручая его покровительству и защитѣ землю ятвяговъ и пинское княжество, лежавшія между Галиціей и Литвой,—именно тѣхъ, кого такъ обижали нѣмцы. За младшаго сына князя Даніила,—Шварна,—онъ выдалъ дочь свою, христіанку, поселивъ ихъ въ христіанскомъ Новгородкѣ.

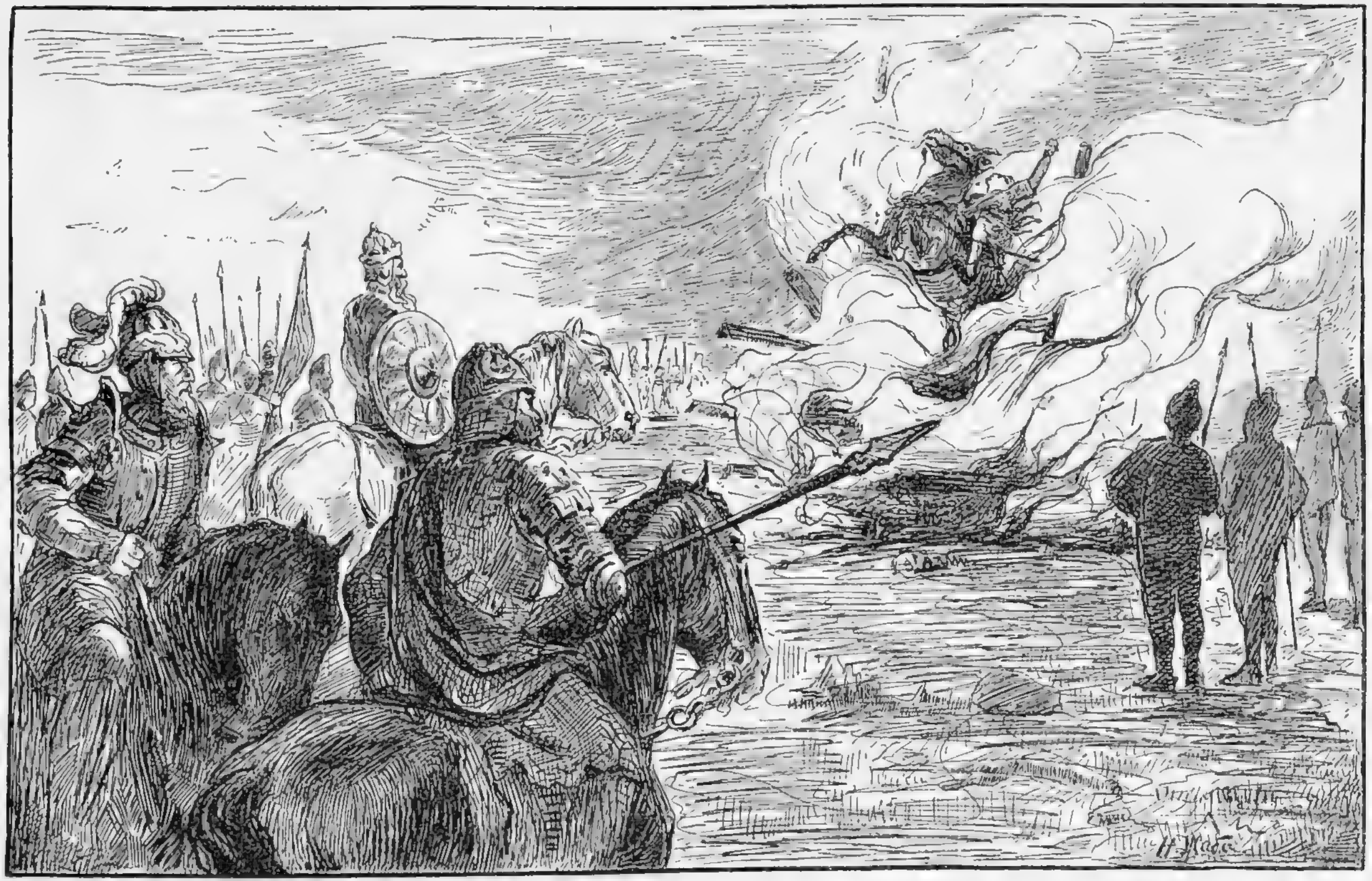
Усилившись, сплотившись такимъ образомъ, литовцы и русскіе дружно встали на общаго врага,—рыцарскій Орденъ. Тѣ, въ свою очередь, бросились за помощью къ своимъ вѣрнымъ союзникамъ, жителяхъ Куявіи и Мазовіи, нынѣшнимъ полякамъ, обѣщая кровавую расправу невѣрному другу! Но не

тутъ-то было. Въ первой же битвѣ Миндовгъ съ своими союзниками жестоко разбилъ и рыцарей, и поляковъ. Торжествующій, гордый, онъ приказалъ приготовить огромный костеръ, и на немъ, въ честь древнихъ языческихъ боговъ родной Литвы, было сожжено множество коней, воловъ, плѣнниковъ, подъ конецъ же возвели на костеръ и одного изъ именитыхъ рыцарей въ латахъ и полномъ вооруженіи, верхомъ на боевомъ его конѣ! Огонь пожралъ все,—язычникъ торжествовалъ!

Изъ Рима понеслись громы проклятій на отступника, варвара, измѣнника папскому престолу, римской церкви. Но окрѣпнувшій литовскій князь былъ неуязвимъ! Съ облегченнымъ сердцемъ, сбросивъ всѣ неудобь носимые обычаи и условія новой жизни, онъ вернулся къ отеческимъ богамъ, въ языческій Керновъ, подъ сѣнь языческой святыни «Ромове» съ его жрецами-войделотами и вѣщимъ Криве-Кривейто.

Туда, къ храброму князю, подъ его побѣдоносныя знамена, собирались вѣрные язычники, упорно чуждавшіеся христіанства, ненавидѣвшіе особенно лютыхъ провозвѣстниковъ чуждой имъ вѣры, жестокихъ, коварныхъ находниковъ-нѣмцевъ. Упорно держались литовскія племена своихъ языческихъ вѣрованій, преданій отцевъ, обычаевъ дорогой старины. Съ беззавѣтной храбростью шли они противъ недруговъ въ рядахъ полчищъ Миндовга. Онъ надежно опирался на ихъ преданность. Неумолимо громилъ бывшихъ союзниковъ, жестоко отплачивая за мимолетное подчиненіе.

Дважды—отступникъ, несомнѣнно храбрый, литовскій князь былъ страшенъ врагамъ, тяжелъ для своихъ. Не было преградъ его жестокости. Дошло до того, что самыя близкія, довѣренныя лица озлобились противъ



Торжествующій Миндовгъ сжигаетъ на кострѣ рыцарей. *(Къ стр. 92.)*

него, заступились за свои личныя, попранныя права и въ 1264 году измѣннически убили, забывая его заслуги и подвиги на благо государству.

Обширное-же Литовское государство, скрѣпленное, сплоченное воедино цѣною неисчислимыхъ преступленій, сдѣлалось надолго жертвою смуты, усобицъ, борьбы трехъ началъ: литовско-языческаго, нѣмецко-католическаго и православно-русскаго.

ИСТОЧНИКИ

1) *П. Дм. Брянцевъ.* Исторія Литовскаго государства.
2) *Н. М. Павловъ.* Русская исторія отъ древнихъ временъ.
3) *Антоновичъ.* Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи.

ВОЙШЕЛКЪ,

КНЯЗЬ ИНОКЪ. † 1271 г.

ПОКИНУТЪ древній, сварливый Галичъ. Въ новой своей столицѣ живетъ храбрый Данiилъ, гроза враговъ, любимецъ народный. На славу воздвигъ онъ красивый Холмъ. Храмы въ немъ всѣ величественны, богаты, разукрашены безчисленными сокровищами, спасенными изъ разрушеннаго Кіева. Гордо высятся княжескія палаты. Въ нихъ любовно размѣстилъ храбрый воитель свою семью,—любимую княгиню и княжичей. Старшіе изъ нихъ—Романъ и Шварнъ,—уже совсѣмъ возмужали, не отходили отъ отца ни въ ратномъ дѣлѣ, ни въ совѣтѣ. И теперь сидятъ они рядомъ съ родителемъ на совѣтѣ въ высокой гридницѣ. Ихъ окружаютъ вельможи, соратники бранные, съ полонинскимъ игуменомъ Григоріемъ во главѣ.

Собралъ ихъ князь, чтобы вмѣстѣ обсудить дѣла правленія, потужить надъ судьбою русскихъ православныхъ земель. Великія бѣды одолѣвали бѣдную родину. Времена наступили трудныя. Данiилъ пока

счастливо защищалъ свои владѣнія отъ натиска съ сѣвера литовскихъ ратей: вернулъ отнятое было ими гродненское княжество, собирался идти на Новогрудокъ, когда пришли страшныя вѣсти о грозныхъ татарахъ. «Помолимся», заговорилъ набожный князь, «чтобы Господь умудрилъ насъ въ трудномъ дѣлѣ служенія Церкви и родинѣ». Игуменъ и за нимъ всѣ присутствующіе набожно закрестились, кладя поклоны передъ княжеской божницей, потомъ разсѣлись, дожидаясь дальнѣйшихъ рѣчей князя. Онъ продолжалъ: «Душа не даетъ мириться съ языческою Литвою, пока Червонную Русь не вернемъ, а страшные слухи несутся съ востока, будто Батыевы рати идутъ не только за Днѣпръ, но и за Карпаты!»—«Прощай тогда, наша Русь православная!» заговорили хоромъ витязи.—«Никакъ ихъ не осилить, такъ хоть ляжемъ костьми за Церковь, за родину, за нашего князя!»—«Господи, спаси насъ отъ этакой скорби, отстрани кровопролитіе!» воскликнулъ игуменъ.—«И я съ вами лягу охотно», заговорилъ Даніилъ, «да не спастись намъ отъ бѣды и этимъ путемъ!» Слушатели насторожились.—«Вотъ, у княгини въ свѣтлицѣ сидитъ мужъ кроткій и мудрый, посолъ могучаго Запада. Онъ обѣщаетъ помощь и деньгами и войскомъ; въ замѣнъ же проситъ только одного: признанія главенства папы».—«Его щадитъ самъ Батый побѣдоносный!» раздалось громкое заявленіе изъ среды витязей.—«Онъ и насъ не тронетъ, если, княже, ты примешь королевскую корону!» заговорилъ другой.—«Не можетъ тако быти, не римскому архіепископу вѣнчать православнаго галицкаго владыку!»—грозно возразилъ Григорій, поднявшись во весь свой величавый ростъ:—«зови своихъ братановъ, князь, со всей Руси,

зови, пусть съ тобою выйдутъ противъ языческихъ полчищъ».—«Кому идти-то?» вздохнувъ, отвѣтилъ Даніилъ.—«Всѣ плачутъ о своихъ невзгодахъ», послышалось снова въ толпѣ, «лежатъ подъ пепломъ города и села! кого просить, къ кому идти?»—«Вотъ, слыхать, могучъ—славенъ литовецъ-Миндовгъ, да и тотъ короновался отъ римскаго епископа въ нашемъ же Новгородкѣ, хотя вся округа была нами испепелена, разорена!» возразилъ бояринъ Пакославъ.—«Такъ тому то приходилось креститься въ христіанскую вѣру, чтобы помощь получить отъ рыцарей нѣмцевъ!»—«А получилъ ли онъ вправду все, что было обѣщано?»—вѣско спросилъ княжичъ Шварнъ. Даніилъ поднялъ на него проницательный взглядъ.—«Надо бы просить матушку-княгиню *) доподлинно узнать,—крѣпко ли держатъ слово воины латинскаго Запада?» Игуменъ собирался-было говорить, какъ дверь гридницы съ шумомъ распахнулась, и вбѣжалъ княжій отрокъ съ докладомъ, что съ Литвы явился именитый посолъ, отъ самого великаго Миндовга и спрашиваетъ князя.—«Суровъ съ лица, хмуренъ, сердитъ на видъ и ростомъ великанъ!»—прибавилъ, видимо, испуганный отрокъ. Диву дался весь княжескій совѣтъ.—«Кто бы могъ быть этотъ нежданый посолъ? что нужно врагу отъ опаснаго противника?» Князь велѣлъ ввести незнакомца и встрѣтилъ съ почетомъ, какъ посланца владѣтельнаго князя.

Предъ удивленнымъ собраніемъ явился, дѣйствительно, великанъ, въ воинскихъ доспѣхахъ. Гордый, мрачный былъ у него видъ. Косясь враждебно на образа, на Григорія, онъ надменно повелъ рѣчь съ

---

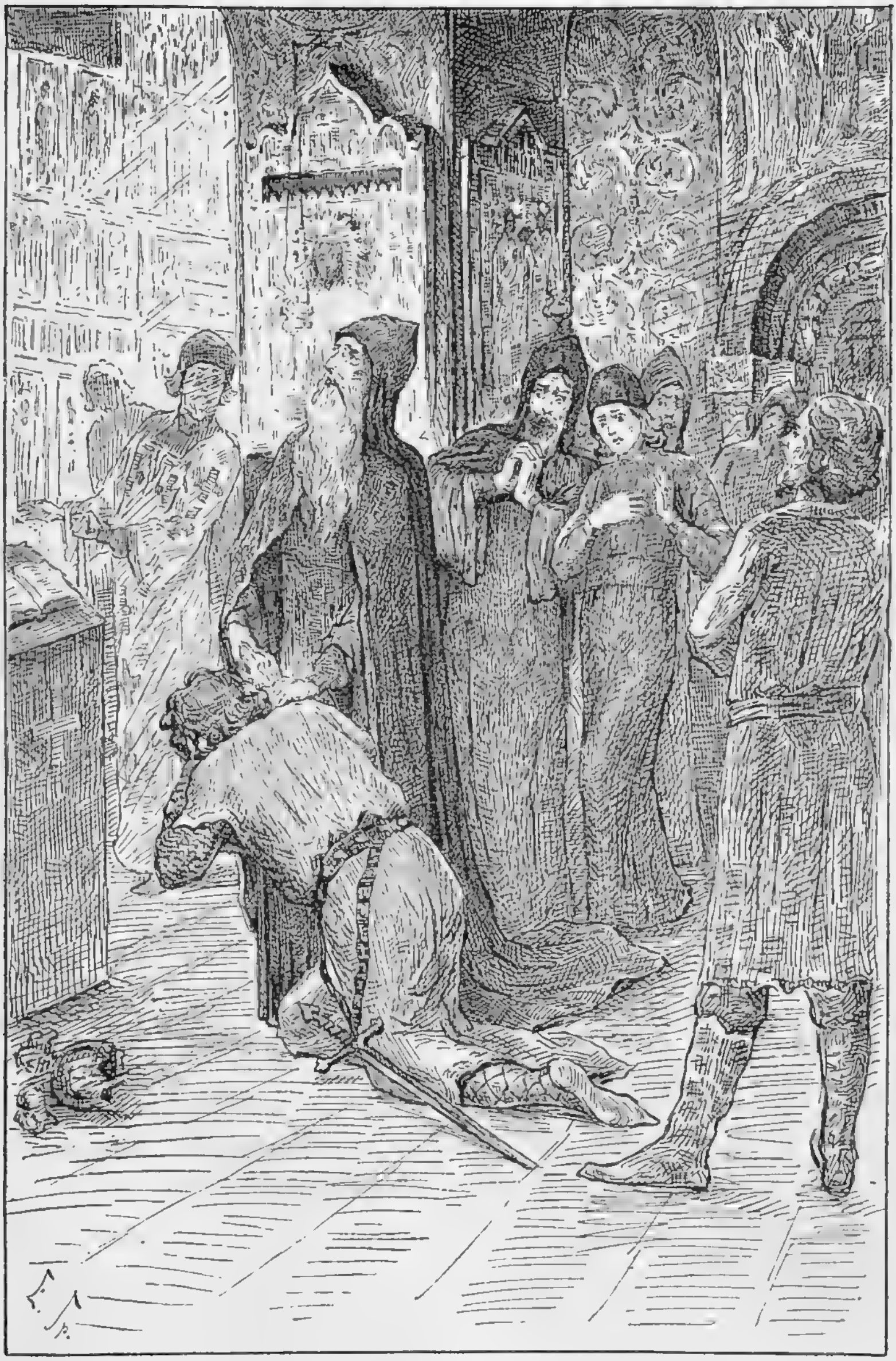
*) Она была родомъ литвинка.

княземъ отъ имени своего отца, князя Миндовга. Дрогнуло собраніе. Такъ вотъ кто передъ ними!—князь Войшелкъ, извѣстный кровожадный литвинъ, сынъ и даже соправитель Миндовга, такъ какъ часто, во время отлучекъ отца, правилъ за него Литвою. Было слышно, что онъ каждый день убивалъ по три, по четыре человѣка, себѣ въ пищу, а когда это ему не удавалось, то ходилъ сумрачный и злой, пока не промыслитъ любимой снѣди. Войшелкъ говорилъ неохотно, сердито: «Отецъ послалъ меня къ тебѣ, князь, хочетъ мириться съ тобою, зла не помнитъ!» Даніилъ, Григорій, Романъ, Шварнъ и все собраніе перекрестились. Посолъ пуще прежняго насупился. Съ большимъ достоинствомъ повелъ галицкій державецъ мудрыя рѣчи съ нежданымъ-негаданымъ, къ тому же дикимъ и угрюмымъ вѣстникомъ мирныхъ рѣчей. Ему рѣзко отвѣчалъ литвинъ, что Миндовгъ передавалъ старшему сыну Даніила, княжичу Роману, въ управленіе свои русскія замли,—всю Черную Русь: Новгородокъ Литовскій, Слонимъ, Волковыскъ «и вси городы» съ условіемъ, чтобы юный князь, все же, признавалъ надъ собою власть Миндовга по отношенію къ этимъ землямъ. — «Значитъ миръ, возможенъ!» воскликнулъ Шварнъ.—«А зависимость отъ иновѣрца?» — спросилъ игуменъ. — «Онъ христіанинъ», уклончиво отвѣчалъ Романъ.—«Въ этомъ то и горе, что родителя обманомъ заманили въ свою вѣру эти грабители, мучители, вѣроломные ратники!» вспыхнулъ Войшелкъ. — «Не богохульствуй, языческій княжичъ!» — остановилъ его маститый игуменъ: «вѣра Христова—правая вѣра! Господь не допускаетъ безнаказанно поносить ее!» — «Во имя вашей вѣры, мой бѣдный народъ грабятъ, мучатъ и убиваютъ!»

воскликнулъ запальчиво литвинъ, грозно сверкнувъ глазами и скрежеща зубами со злости, пораженный храбростью сѣдого чернеца. Краснорѣчиво заговорилъ въ отвѣтъ служитель Христовъ передъ дикимъ язычникомъ. Въ почтительномъ молчаніи внимали святой рѣчи князь и бояре. А Данiилъ все держалъ про себя свою завѣтную думу: его злѣйшій врагъ, Миндовгъ, завистникъ, мириться хочетъ, русскія земли уступаетъ,—было, надъ чѣмъ призадуматься. Наконецъ, онъ отпустилъ Войшелка отдохнуть послѣ долгаго пути, предложивъ ему самое радушное гостепрiимство. Совѣтниковъ своихъ тоже распустилъ, порѣшивъ послать за своимъ братомъ,—княземъ волынскимъ Василькомъ, и, съ его мудраго совѣта, начать выгодные переговоры.

Стали расходиться бояре, толкуя промежъ себя о всемъ приключившемся на княжемъ совѣтѣ. Велико же было ихъ удивленiе, даже испугъ, когда они увидѣли, что Войшелкъ, выйдя изъ терема, не пошелъ за отрокомъ въ отведенныя ему палаты, а шелъ по стопамъ Григорiя, удалявшагося въ свою обитель. Но старецъ ничуть не смутился: ласково смотрѣлъ онъ на своего страннаго спутника и привѣтливо направилъ его прямо къ вратамъ храма. Встрѣтившемуся иноку приказалъ собрать братiю и начать служить молебенъ Пресвятой Богородицѣ, а самъ, опустившись на колѣни и воздѣвъ свои старческiя руки горѣ, сталъ горячо молиться, прося у Господа милости на всѣхъ молящихся, терзаемыхъ сомнѣнiями и укорами совѣсти.

А въ церкви дымъ висѣлъ
Густой отъ ладана,
И заходящими



Литовскій князь Войшелкъ принимаетъ православіе. *(Къ стр. 99.)*

Лучами сильными,
И вкось блестящими
Столбами пыльными
Отъ солнца Божій храмъ
Горитъ и свѣтится.

Вдругъ раздались подъ сводами громкія рыданія, и братія увидѣла распростертымъ на полу, рядомъ съ Григоріемъ, литовскаго кровожаднаго князя. За него горячо молился смиренный православный инокъ, прося прощенія его черной душѣ. Клиръ служилъ молебенъ, и чудно разносились сладостныя слова молитвы подъ сводами величаваго храма. Съ трудомъ пробовалъ подняться обезсиленный новыми ощущеніями, ничѣмъ до тѣхъ поръ не смущавшійся воинъ. Съ отеческой нѣжностью поддерживалъ его старецъ. а потомъ увелъ въ свою келію. Постъ, молитва, затворничество!—вотъ чего желалъ и на что обрекъ себя недавній смертельный грѣшникъ, людоѣдъ. Онъ принялъ св. крещеніе по глубокому убѣжденію, не изъ расчета, не на время, какъ его отецъ, а чистосердечно, изъ глубины просвѣтленной души, со всею страстностью своей впечатлительної, пылкой природы. Галицкіе князья, друзья-братья, Даніилъ и Василько Романовичи приняли предложеніе Миндовга, заключили съ нимъ миръ, на его условіяхъ, и въ подкрѣпленіе союза согласились на бракъ княжича Шварна Даниловича съ дочерью Миндовга, уже христіанкой.

Войшелкъ не удовольствовался крещеніемъ, онъ постригся въ монахи и, мечтая о томъ, чтобы посвятить себя вполнѣ отшельнической жизни, провелъ нѣкоторое время на Аѳонѣ, въ молитвенномъ уединеніи. Возвратившись въ отечество, основалъ монастырь на живописномъ берегу Нѣмана и, несмотря

на укоры отца, весь предался подвигамъ поста и покаянія. Слезами, бдѣніемъ, строгими монашескими подвигами хотѣлъ замолить православный отшельникъ грѣхи своей бурной языческой молодости. Когда умертвили отца, онъ долженъ былъ оставить монастырь и бѣжалъ въ Пинскъ, подъ охрану галицкихъ князей, гдѣ и оставался зрителемъ событій, происходившихъ въ Литвѣ, до самой смерти Товтивила. Но когда языческая партія взяла верхъ въ лицѣ Стройната, православный инокъ-князь Войшелкъ грозно поднялся на защиту русской народности и Церкви православной!

Въ 1265 г., въ союзѣ съ пинскими князьями, вооруженный побѣднымъ мечомъ, вышелъ на брань смиренный воинъ Христовъ. Овладѣлъ Новгородкомъ, призвалъ на помощь своего зятя Шварна Даниловича и вмѣстѣ съ нимъ учинилъ кровавую расправу со строптивыми бунтарями. Стройнатъ погибъ отъ руки убійцъ. Въ литовскія области вступили стройныя, отлично вооруженныя русскія дружины. Гибли подъ ихъ ударами враги русско-литовскаго государственнаго начала. Желая упрочить его и послѣ своей смерти, Воишелкъ дѣйствовалъ, считая себя какъ бы усыновленнымъ волынскимъ княземъ Василькомъ Романовичемъ. Въ свою очередь, онъ усыновилъ зятя своего Шварна Даниловича и передалъ ему, еще при жизни, русско-литовскій престолъ, которому въ то время уже принадлежала вся полоцкая земля, Новгородокъ, Пинскъ и Черная Русь.

ИСТОЧНИКИ:

1) *В. Б. Антоновичъ.* Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи.
2) *П. Дм. Брянцевъ.* Исторія Литовскаго государства.

Основаніе Вильны Гедиминомъ.

† 1341 г.

ГОРЬКО плакали литва, жмудь и ятвяги въ живописной долинѣ, при сліяніи р. Вилеи съ Вилейкою, въ 1270 г., среди чуднаго дубоваго лѣса, окружая костеръ, на которомъ ихъ князь Гермундъ, исполняя отчій завѣтъ, сжигалъ съ большимъ почетомъ тѣло своего покойнаго отца славнаго князя Свенторога. Изъ Полангена былъ привезенъ идолъ Перкунъ и поставленъ надъ могилой въ великолѣпномъ капищѣ, воздвигнутомъ сыновней любовью и трудами осиротѣлыхъ печальныхъ поддан-ныхъ. Съ тѣхъ поръ долина Свенторога сдѣлалась мѣстомъ погребенія именитыхъ литовцевъ, священ-ной рощей; сюда-же перенесъ, подъ тѣнь вѣковыхъ деревьевъ, и свое «Ромове» Криве-Кривейто, съ сон-момъ жрецовъ, когда рыцари Ливонскаго ордена вы-тѣснили ихъ съ береговъ р. Дубиссы въ 1294 г.

Въ эту-то долину часто пріѣзжалъ изъ Кернова *), окруженный дворомъ и витязями, юный князь литовскій Гедининъ молиться въ «Ромове» и охотиться въ окружныхъ чудесныхъ лѣсахъ, полныхъ дичи и всякаго звѣря. Не было витязя удалѣе, охотника счастливѣе Гедимина! Мудрый въ совѣтѣ, добрый на судѣ, онъ былъ безстрашенъ въ битвахъ и неутомимъ на охотѣ. Однажды, въ пылу счастливой травли, онъ отдѣлился отъ окружающихъ и въ бѣшеной скачкѣ несся за дикимъ быкомъ **), не замѣчая препятствій, весь отдавшись наслажденію травли. Лихой конь вынесъ его на крутую гору, гдѣ, несмотря на сумерки, ему удалось приколоть рѣдкаго звѣря. Впервые раздался торжествующій повелительный звукъ рога побѣдителя на Турьей горѣ, сзывавшій товарищей-охотниковъ на веселый пиръ. Слетѣлись ясные соколы, добрые молодцы, и полились рѣкою вина заморскія, рѣчи горячія о силѣ литовской земли, о кровожадности лихихъ недруговъ—ливонскихъ рыцарей, о дружбѣ сосѣдей, русскихъ князей! Весело вторили своему князю литовскіе витязи. Но громче другихъ раздавались рѣчи, выше всѣхъ поднимались кубки зелена вина Давида Довмонтовича, гродненскаго князя-старосты, да Василія, князя минскаго. Всю ночь пировали охотники, только подъ утро заснули богатырскимъ сномъ, тутъ же, на мѣстѣ, среди гаснущихъ костровъ.

Чуть начала заниматься заря, проснулся Лиздейко, тогдашній Криве-Кривейто, и направился въ «Ромове» просить у боговъ счастья, долгоденствія юному князю, не забывавшему щедро одаривать боговъ и ихъ

---

*) Первая столица Литвы.

**) По-литовски—туръ.

служителей-жрецовъ, съ Криве-Кривейто во главѣ. Путь его лежалъ мимо стана спящихъ охотниковъ; среди нихъ онъ узналъ красавца Гедимина, и послышалось ему, что тотъ вскрикнулъ во снѣ. Моля боговъ о спящемъ, вдохновенный кудесникъ прошелъ, какъ тѣнь, среди стана и направился къ священному дубу, за таинственную стѣну, окружавшую «Ромове».

Безпокоїный сонъ не долго смежалъ ясныя очи Гедимина. Онъ поднялся, точно въ испугѣ, и сеїчасъ собралъ охотниковъ, чтобы повѣдать имъ о страшномъ сновидѣніи. «Мнѣ снилось», говорилъ онъ, «что на самоїй вершинѣ горы, тамъ именно, гдѣ я сразилъ тура, стоитъ желѣзный волкъ и воетъ такимъ страшнымъ голосомъ, точно внутри его сидѣло еще сто волковъ!» Призадумались витязи, спросонья и не разберутъ, что значитъ такоїї диковинный сонъ? Въ недоумѣніи рѣшили позвать мудраго старца, Лидзейко, прося разъяснить таинственный смыслъ сновидѣнія. Медленно подошелъ къ князю вѣщій служитель боговъ, почтительно выслушалъ разсказъ, припомнилъ безпокоїный сонъ и слышанный имъ крикъ Гедимина, призадумался, раскинулъ своимъ опытнымъ умомъ и объяснилъ, что желѣзный волкъ означаетъ столичный, великіїї городъ, который долженъ возникнуть на этомъ самомъ мѣстѣ, а громкіїї вой звѣря предвѣщаетъ всемірную славу столицѣ Литвы! Въ восторгѣ поднялся весь станъ вслѣдъ за своимъ княземъ. Гедиминъ ликовалъ: такое разъясненіе сулило ему славу. Тутъ же разослалъ онъ гонцевъ во всѣ концы литовскоїї земли, чтобы собрать рабочихъ и скорѣе приступить къ постройкѣ города въ Свентороговоїї долинѣ, вокругъ Турьеї горы, на вершинѣ которої онъ и воздвигъ своїї княжескіїї замокъ. Его послы ѣздили въ Штетинъ

и Любекъ за искусными мастерами, чтобы достойно разукрасить новую столицу. И возникла въ XIV столѣтіи красавица Вильна въ одной изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Русской земли, на гордость тогдашнихъ литовцевъ, на славу своего основателя, на зависть сосѣдямъ, прусскимъ крестоносцамъ Тевтоно-Ливонскаго ордена.

Будучи великимъ княземъ Литвы и Жмуди, Гедиминъ посилъ въ то же время и титулъ великаго князя русскаго, потому что уже тогда русскія земли, подвластныя ему, были по крайней мѣрѣ вдвое обширнѣе собственно литовскихъ владѣній; побѣдоносныя же его дружины пополнялись преимущественно русскими удальцами. Въ новой столицѣ была построена его православной супругой, княгиней Ольгой *), церковь во имя св. чудотворца Николая. Тамъ же одновременно поселились и католическіе миссіонеры доминиканскаго и францисканскаго ордена. Счастье, богатство подданныхъ были постоянной заботой умнаго, дѣятельнаго князя. Злостной помѣхой на его дорогѣ стояли лютые крестоносцы. Подъ видомъ проповѣди, они безпрерывно вторгались съ огнемъ и мечемъ въ его владѣнія, разоряли, убивали несчастныхъ язычниковъ. Покоя не давали они литвѣ и жмуди. Съ перемѣннымъ счастьемъ велъ борьбу славный Гедиминъ, то отбиваясь, то, въ свою очередь, нападая на западныхъ недруговъ. Случалось, удачно проникали далеко въ глубь страны отряды кровожадныхъ нѣмцевъ. Однако осада сильной Меднинской крѣпости имъ не удалась. Несмотря на всѣ ихъ усилія, Гедиминъ разбилъ рыцарей на голову. Самъ магистръ Генрихъ Пляцке былъ

*) Вторая супруга, мать Ольгерда.

убитъ, а товарищъ его,—Герардъ Роде,—взятъ въ плѣнъ и, торжественно, живой сожженъ на кострѣ въ честь литовскихъ боговъ.

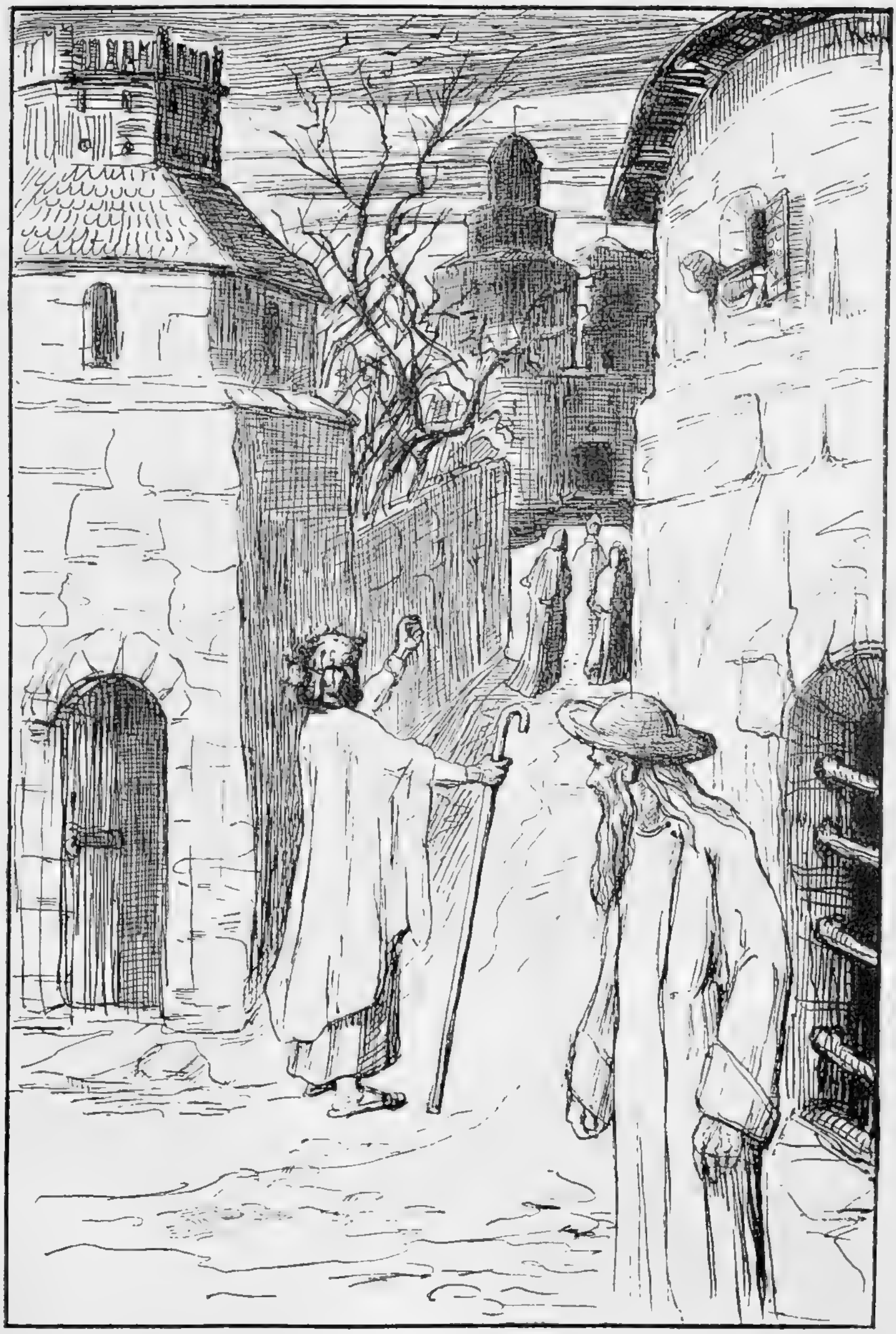
Осмотрительный рижскій епископъ, самъ недовольный рыцарями, которые удачно клеветали на него передъ папою, задумалъ ловкій пріемъ. Онъ послалъ въ Вильну замѣчательно умныхъ монаховъ и далъ наставленія, какъ обойти языческаго правителя, какъ сдѣлать его могучимъ орудіемъ къ достиженію своихъ выгодныхъ цѣлей въ борьбѣ съ единовѣрными противниками.

Рижскіе монахи явились въ Вильну, къ своимъ собратіямъ, смиреннымъ инокамъ доминиканцамъ и францисканцамъ. Думали, гадали и, наконецъ, понесли въ княжескій дворецъ мудрый совѣтъ,—предложили свои услуги—избавить любимую Гедиминомъ Литву отъ разорителей, мучителей—рыцарей.

Жаловаться папѣ совѣтовали князю ловкіе монахи. Пусть всесильный глава западной церкви защититъ литовскаго князя отъ набѣговъ, грабежей, насилій христіанскихъ воинствъ! Въ замѣнъ, Гедининъ обѣщалъ свое мощное покровительство всѣмъ христіанамъ, живущимъ въ его владѣніяхъ. Не дастъ онъ ихъ въ обиду никому на свѣтѣ, лишь бы его то оставили въ покоѣ. Обѣщалъ онъ свою дружбу и рижскому епископу и поддержку развитію торговыхъ сношеній съ Европой,—лишь бы спасли его жмудь и литву отъ злыхъ, невѣрныхъ рыцарей, дали расти, крѣпнуть, развиваться любимой обширной Литовско-Русской землѣ.—Любовно принялъ Гедининъ такой видимо—добрый совѣтъ. Извѣстнымъ ему монахамъ—Бертольду и Генриху—поручилъ написать посланіе къ папѣ.

Тихо мерцаютъ свѣтильники въ суровой келіи фран-

цисканскихъ братьевъ. Сосредоточены умныя лица, напряженно работаютъ головы. И рижскіе послы и мѣстные чернецы соединенными силами разбираютъ многознаменательное посланіе. Взвѣшиваютъ каждое слово литовскаго державца, переводятъ, оттѣняютъ, истолковываютъ, согласно съ предписаніемъ свыше. Выраженія слагались одно за другимъ, мысли сплетались сначала невнятно, отдѣльно, потомъ постепенно сливались въ одну общую твердую рѣчь. Другъ другу поясняя, другъ другу помогая, опытные отцы составили мудрѣйшую грамоту. Торопливо бѣгали ихъ ловкія руки, покрывая пергаментъ четкими латинскими письменами и въ изысканныхъ выраженіяхъ передавали святому отцу чувства преданности, покорности восточнаго гордаго владыки. По смыслу рѣчи было ясно, что храбрый воитель, языческій князь, склоняясь передъ папскимъ престоломъ, выражалъ желаніе креститься и сдѣлаться послушнымъ сыномъ западной латинской церкви! Окончивъ свой таинственный трудъ, смиренные сыны францисканскаго ордена, набожно перекрестясь съ лѣваго плеча на правое, спѣшно поплелись къ Гедиминовымъ палатамъ, думая въ этотъ ранній, утренній часъ незамѣтно пробраться по улицамъ столицы. Недружелюбнымъ, злостнымъ взглядомъ провожалъ ихъ Криве-Кривейто, степенно отправлявшійся въ свое капище. Маститый вождь языческихъ жрецовъ особенно не любилъ пришлыхъ чернецовъ, не довѣрялъ имъ; чуяло сердце будущую ихъ силу и свое скорое умаленіе. Пугливо обернулся и кроткій православный батюшка, поглядѣлъ, куда спѣшатъ не родственные ему по духу западные монахи. «Къ князю, въ его палаты», пробормоталъ онъ и, набожно крестясь, вошелъ въ свой храмъ, чтобы воз-



Францисканскіе монахи идутъ въ палаты Гедимина. *(Къ стр. 106.)*

нести горячія молитвы къ престолу Вседержителя о милостивомъ правителѣ-язычникѣ, заботящемся и о своихъ православныхъ подданныхъ.

Нисколько не сомнѣваясь, поставилъ правдивый Гедиминъ свою княжескую подпись подъ хартіей, обѣщавшей миръ и благоденствіе его государству, строгое взысканіе съ враговъ, обидчиковъ—разорителей.

Свободно вздохнули францисканцы, горячо закрестились, самодовольно улыбаясь, и вернулись въ монастырь, гдѣ стояли на молитвѣ ихъ собратья, просившіе удачи своимъ ловкимъ замысламъ.

Послушные сыны умнаго епископа, смиренные гонцы-монахи понесли черезъ Ригу грамоту литовско-русскаго державца въ Авиньёнъ, къ подножію папскаго престола. Въ Ригѣ продолжались по старому распри среди рыцарей и между рижскимъ епископомъ и магистромъ. Къ папѣ летѣли доносы, партіи разрывали другъ друга на части. Брали верхъ то тѣ, то другіе: кто ловчѣе дѣйствовалъ. Посланіе Гедимина, гдѣ онъ горячо жаловался на обидчиковъ рыцарей, просилъ мира, покоя, единенія, было съ руки рижскому епископу.

Отвѣтъ не заставилъ себя ждать. Папа, католическій міръ ликовали побѣду надъ востокомъ, язычествомъ,—а современемъ, кто знаетъ, пожалуй и надъ православіемъ. Спѣшные приказы были отправлены въ Ригу, къ тамошнимъ рыцарямъ: «Не обижать литовцевъ; тишина полная; миролюбіе безграничное». Отправлены чуть не отряды доминиканцевъ и францисканцевъ для мирной проповѣди среди новыхъ друзей-язычниковъ.

Торжественное посольство отправилось отъ его свя-

тѣйшества папы—черезъ Ригу—въ Вильну, къ могучему новому союзнику, литовско-русскому князю.

Безпрекословно, единодушно исполнили волю святѣйшаго отца епископы рижскій, эзельскій, дерптскій, ревельскій и магистръ Ливонскаго ордена. Миръ съ Литвой былъ крѣпко-накрѣпко заключенъ въ концѣ 1323 года, а въ началѣ слѣдующаго въ Ригу уже прибыли папскіе легаты для слѣдованія въ Вильну.

Великолѣпно принялъ ихъ въ стѣнахъ своей новой, красивой столицы мудрый Гедиминъ. Торжественна была встрѣча въ княжескихъ палатахъ. Окруженный сыновьями, вельможами, храбрыми вождями-соратниками, стоялъ литовско-русскій князь. Привѣтная и добрая улыбка сіяла на умномъ лицѣ, пока шли обычныя привѣтствія, поклоны, вѣжливыя изліянія.—«Пребываешь ли, великій властелинъ, въ своемъ достохвальномъ намѣреніи принять святое крещеніе?» спросилъ старѣйшій легатъ. Удивленно воззрился языческій князь! Гнѣвомъ вспыхнули умныя очи.—«Не приказывалъ писать ничего такого», размѣренно отвѣтилъ онъ. «О мѣрахъ къ водворенію мира говорилъ я, жаловался на обиды, чинимыя крестоносцами моимъ подданнымъ. Обѣщалъ съ своей стороны дозволять христіанамъ молиться, по обычаямъ ихъ вѣры: русскимъ по ихъ обряду, полякамъ по своему. Сами же мы будемъ молиться по нашему обычаю». Ему начали приводить мѣста изъ его посланія къ папѣ.—«Пусть и дастъ отвѣтъ братъ Бертольдъ за свое писаніе и за такое толкованіе моихъ мыслей. Я, дѣйствительно, говорилъ, какъ стоитъ въ грамотѣ, что буду почитать папу за отца, зная, что папа старше меня. Всѣхъ стариковъ,—и папу, и рижскаго архіепископа, и другихъ, я почитаю, какъ отцевъ. Сверстниковъ своихъ люблю, какъ

братьевъ, тѣхъ-же, кто меня моложе,—готовъ любить, какъ сыновей. Но если бы я когда либо имѣлъ намѣреніе креститься, то пусть меня самъ дьяволъ креститъ!»—запальчиво сказалъ язычникъ,—властитель дикой Литвы. Ни съ чѣмъ вернулось посольство. Но рижане приняли и считали для себя выгодными, во всѣхъ отношеніяхъ, договоры, утвержденные съ Гедиминомъ, крѣпко держались ихъ въ епископской столицѣ и твердо опирались на нихъ въ постоянныхъ ссорахъ, возникавшихъ съ рыцарями.

Свое политическое искусство великій Гедиминъ особенно ярко проявилъ въ цѣломъ рядѣ родственныхъ связей. Опираясь на нихъ, онъ или самъ производилъ, или подготовлялъ присоединеніе къ Литвѣ сосѣднихъ русскихъ и польскихъ земель. Такъ витебская земля отошла, за неимѣніемъ мужского наслѣдства, къ женѣ его сына Ольгерда,—княжнѣ витебской—Маріи Ярославнѣ. Другому сыну, Любарту, женатому на дочери волынскаго князя Льва Юрьевича, досталась Волынь,—послѣ смерти этого князя. Дочерей онъ тоже выдалъ хорошо: Августу—за сына московскаго князя Ивана Калиты; Марію—за его соперника, тверского князя Димитрія Михаиловича; третью—Альдону—за Казимира, сына польскаго короля Владислава Локетка, а четвертую—за мазовецкаго князя, Болеслава Тройденовича. Особенно выгодными оказались для Литвы два послѣдніе брака. Изъ прежнихъ враговъ Гедиминъ сдѣлалъ ихъ самыми надежными своими союзниками въ борьбѣ съ общимъ, постояннымъ противникомъ—нѣмецкими крестоносцами. Этотъ союзъ далъ возможность полякамъ и литовцамъ дѣйствовать наступательно и наносить ощутительный ущербъ ненавистнымъ находникамъ.

Наконецъ утомился маститый вождь литовско-русскихъ земель! Рѣшилъ успокоиться отъ многочисленныхъ и плодотворныхъ трудовъ въ величественныхъ стѣнахъ своего замка на Турьей горѣ. Только будущее счастье, цѣлость возвеличеннаго имъ государства безпокоила Гедимина! Чувствовалъ онъ, что одному человѣку не справиться съ разнородными, часто враждебными племенными отношеніями подданныхъ. Подумалось ему, для большей вѣрности, еще до смерти какъ бы закрѣпить будущее благосостояніе государства, призвавъ себѣ въ помощники и соправители своихъ прекрасныхъ сыновей, юныхъ княжичей; изъ нихъ пять были—дѣти православныхъ матерей и воспитывались въ лонѣ христіанской Церкви.

Разсудительный князь не хотѣлъ однако принять окончательнаго рѣшенія, не посовѣтовавшись съ жрецомъ своихъ языческихъ боговъ, престарѣлымъ Кривe-Кривейто. Явился на княжескій зовъ старикъ, убѣленный сѣдинами. Неохотно покинулъ онъ «Ромове», тихое, мирное убѣжище! Чуяло сердце, что недоброе слово придется ему услышать.

Пока въ гриднѣ еще никого не было, Гедининъ удостоилъ жреца особой чести, бесѣды съ глазу на глазъ.—«Старъ становлюсь я!» началъ онъ: «и призвалъ тебя, судія-судей, чтобы первому повѣдать мою княжескую волю,—взять въ помощь себѣ, на благо государства, моихъ добрыхъ сыновей, храбрыхъ витязей, послушныхъ дѣтей!» Хотя и ждалъ кудесникъ чего-то недобраго, но все-жъ остолбенѣлъ отъ такого удара. Сыновья Гедимина явно покровительствовали православію! Прощай, сила язычества! прощай, господство капища! прощайте, богатыя жертвы, безпечаль-

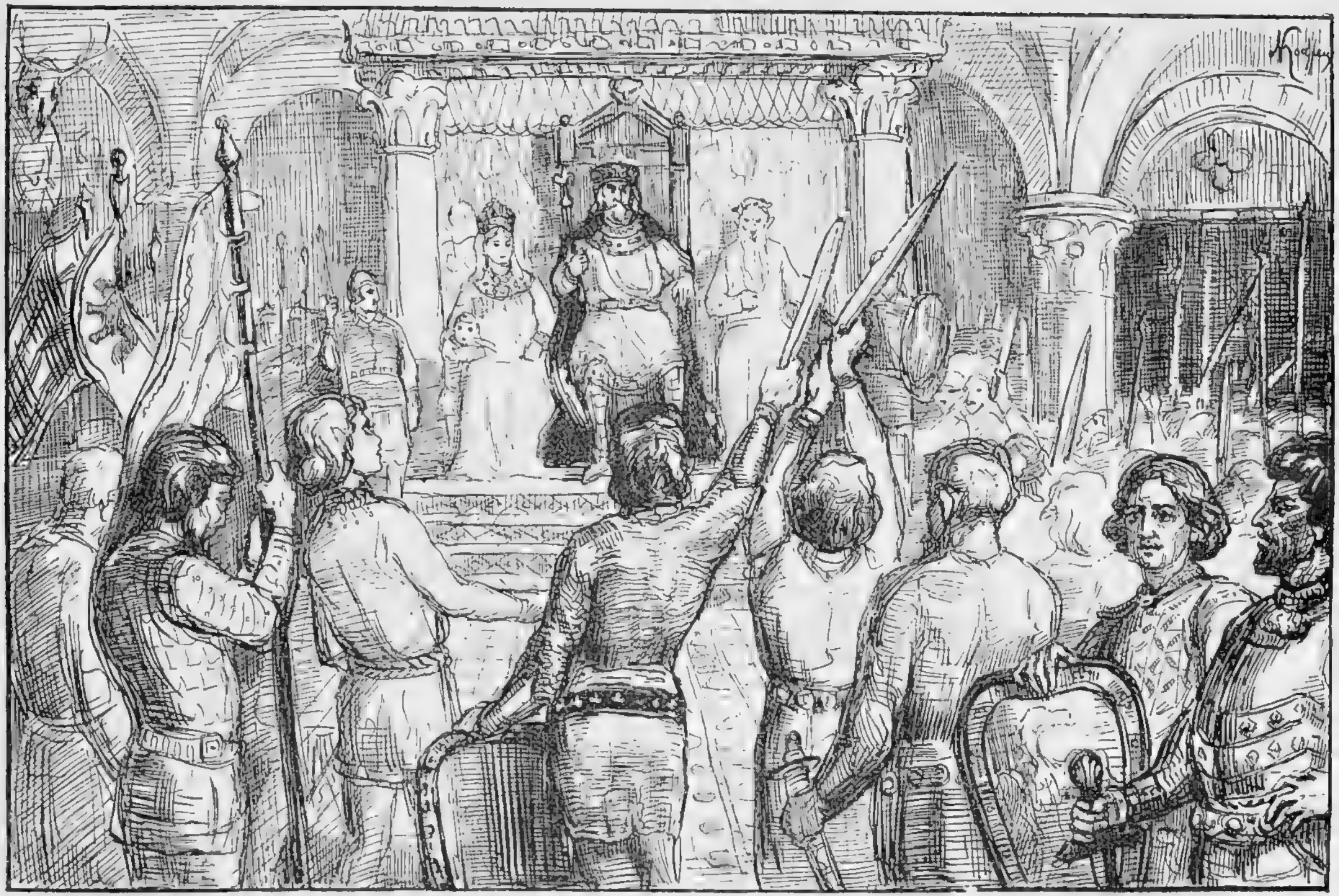
ная жизнь за стѣнами священнаго «Ромове!» — «О, милосердные боги ульмигеровъ! зачѣмъ хотѣли вы расширенія своего царства? Куда исчезла Найто, наша древняя столица? Зачѣмъ допустили вы хищниковъ выгнать ваше «Ромове» съ морского берега? Великіе Перкунъ, Поклусъ и Антримпосъ! что будетъ теперь съ вашими вѣрными поклонниками?» — «Успокойся, мудрый старецъ! Именно въ защиту боговъ нашихъ я и думаю взять себѣ въ помощники моихъ сыновей: они держатся добрыхъ русскихъ началъ, никогда не станутъ преслѣдовать старые обычаи. Намъ надо бояться лютыхъ нѣмцевъ, давно заполонившихъ древнюю Ульмигерію *) и оттѣснившихъ насъ къ востоку, ближе къ славянамъ. Противъ ливонскихъ рыцарей пойдутъ мои сыновья съ русскими и литовскими полками. Защищая православные храмы, они уберегутъ и наше «Ромове».

Долго сидѣлъ жрецъ, понуря сѣдую голову, и тихія слезы текли по его морщинистымъ щекамъ.— «Такъ завѣщай же имъ, князь!» — заговорилъ онъ, наконецъ: «строго завѣщай своимъ сыновьямъ, правитель, убѣленный сѣдиной мудрости и опыта, чтобы они свято берегли наши священные, дремучіе лѣса! Въ нихъ живетъ прекрасная Летува **), оберегающая свободу литовцевъ, пекущаяся о ихъ благосостояніи, и Летуванисъ ***), постоянно слезно молящій Атримпоса о счастіи Литвы. Его слезы обращаются въ обильные потоки дождя, почти ежедневно орошающіе растенія и плоды древесные; они наполняютъ наши родныя рѣки и озера священною водою, даютъ жизнь

*) Теперешняя Пруссія.
**) Богиня свободы.
***) Богъ дождя.

рыбамъ, которыя составляютъ нашу главную пищу! Но если на мѣстѣ тѣнистыхъ лѣсовъ останутся только голые пни, и вѣтеръ будетъ гулять между ними, какъ по чистому полю, тогда улетитъ Летува въ лазуревое небо, унесетъ съ собою счастье, свободу литовцевъ, замолкнетъ Летуваписъ, и боги, переставъ слышать его сладкія пѣсни, забудутъ бѣдную нашу родину. Высохнутъ озера, измельчаютъ рѣки, придутъ чужіе люди и навѣки-вѣчные поработятъ нашу землю. Польется тогда кровь отъ ударовъ, потъ отъ тяжкихъ трудовъ несчастныхъ литовцевъ!»—«Да замолчи же, старикъ! Не предвѣщай погибели! Пойми, что я такъ же, какъ и ты, смотрю въ даль вѣковъ, и, для спасенія отъ сосѣдей-латинянъ, хочу опереться на своихъ сыновей, русскихъ по сердцу и по крови матерей! Пусть они оберегаютъ Литву отъ поляковъ и нѣмцевъ!» Съ этими словами Гедиминъ послалъ оруженосца оповѣстить княгиню Еву, княжичей, бояръ, витязей, что хочетъ видѣть ихъ у себя, говорить съ ними.

Собрались одинъ за другимъ ясные соколы. Пришла благовѣрная княгиня съ младшимъ своимъ сыномъ — Явнутомъ. Потянулись вереницей думные бояре. Идутъ и разсуждаютъ промежъ себя: «Куда идти прикажетъ князь-родитель? кого спасать? къ кому летѣть на помощь?» Княгиня творила молитву. Въ тайникѣ своей кроткой души она все плакала о язычествѣ милостиваго господина, князя Гедимина и просила Господа вразумить его, просвѣтить свѣтомъ христіанской вѣры. И обѣщалъ онъ это ей, въ минуты ихъ уединенныхъ бесѣдъ, да все откладывалъ:—совѣстился огорчить стариковъ—своихъ единовѣрцевъ. Увидя Криве-Кривейто, княгиня поняла, что



Гедиминъ распредѣляетъ между своими сыновьями земли Русско-Литовскаго княжества. *(Къ стр. 113.)*

не пришелъ еще часъ ея, и, вздохнувъ, сѣла на свое мѣсто, по правую руку супруга; по лѣвую возсѣдалъ жрецъ. Сыновья размѣстились по старшинству, за ними бояре, думные люди и стража.

Точно предчувствуя скорую кончину, Гедиминъ приступилъ къ дѣлежу государства, мудро распредѣляя страну по способностямъ своихъ сыновей. Мрачно, нахмуривъ строгое чело, слушалъ жрецъ. Со слезами на глазахъ, крестясь, сидѣла княгиня. Сыновья, молча выслушивая волю князя-отца, почтительно принимали завѣщаніе, въ душѣ же каждый молилъ у Бога одного: какъ можно дольше не нуждаться въ его примѣненіи и самостоятельномъ управленіи назначенными удѣлами. Старшій сынъ—Монвидъ—получилъ языческую часть Черной Руси съ городами Керновъ и Слонимъ. Ольгердъ, сынъ православной, умершей княгини Ольги, въ крещеніи Андрей, долженъ былъ править наслѣдіемъ матери, витебскимъ княжествомъ и городомъ Крево. Кейстуту достались Береста, Гродно и Жмудь: онъ самъ былъ язычникъ. Наримунду (въ крещеніи Глѣбъ) православные русскіе города: Пинскъ, Туровъ, Минскъ. Любарту (Ѳеодоръ въ крещеніи) досталась Волынь. Коріату (Михаилу) православная часть Черной Руси. Младшему—Явнуту—досталась Вильна. Изъ этого перечня видно, какъ велика была доля владѣній Гедимина, составленная изъ русскихъ земель. Обливаясь слезами, твердо и ясно клялись сыновья исполнить свято отцовскую волю, положить жизнь за ввѣренные имъ удѣлы, не выходить изъ его повиновенія и безъ его приказа не отлучаться изъ Вильны. Недовольно смотрѣлъ жрецъ, но не смѣлъ болѣе поднимать голоса: такъ привыкли всѣ, даже

жрецы, преклоняться передъ волей премудраго Гедимина!

Не успѣли еще замолкнуть послѣднія слова княжеской клятвы, не успѣлъ Гединиинъ добрымъ словомъ отвѣтить своимъ сыновьямъ, юнымъ соколамъ. Еще держался въ воздухѣ гулъ радостныхъ кликовъ витязей, привѣтствовавшихъ молодыхъ правителей,—какъ за дверью послышалось необычное движеніе и слабый, но твердый стукъ. По знаку князя, отроки бросились къ дверямъ, и предъ удивленнымъ собраніемъ предсталъ запыленный, незнакомый гонецъ.—Стража не впускала его, но онъ былъ такъ настойчивъ, такъ дико озирался, что ему невольно дали дорогу.—Пилленъ! Маргеръ! рыцари!» твердилъ онъ едва внятно, падая ницъ передъ княземъ,—по русскому обычаю. Блѣдный съ лица, въ изодранной одеждѣ, онъ вызвалъ всеобщее участіе. Княгиня, видя, что онъ съ трудомъ можетъ подняться, съ позволенія супруга приказала сначала усадить его, поднесла чарку стараго меда изъ своихъ княжихъ рукъ, а потомъ уже, когда онъ перевелъ духъ, самъ князь сталъ выспрашивать пришельца. Оказалось, что онъ оруженосецъ князя Маргера, чудомъ спасшійся отъ новаго погрома, учиненнаго нѣмцами на западѣ Литвы. «Услышали мы»,—такъ началъ пришлецъ свою плачевную повѣсть,—«что къ магистру Тевтонскаго ордена наѣхало изъ Германіи въ Пруссію до двухсотъ гостей, тоже воиновъ Креста. Ихъ чествовали веселыми пирами, охотами, праздниками; наконецъ, придумали устроить небывалое еще развлеченіе,—охоту на насъ, бѣдныхъ жмудиновъ!» Такъ и дрогнуло все собраніе. Зловѣщимъ огнемъ блеснули глаза стараго вождя.—Молодые схватились за рукоятки мечей. Безотрадно

вздохнулъ жрецъ. Набожно крестилась княгиня, творя теплую молитву, а около нея горько плакалъ, прижимаясь къ матери, княжичъ Явнутъ.

Гедиминъ сдѣлалъ знакъ; разсказчику дали еще вина; онъ выпилъ, пріободрился и продолжалъ, низко поклонившись князю: «Въ твои владѣнія, государь, вторглись наши заклятые вороги! Гости и хозяева, кичась звѣрствомъ другъ передъ другомъ, опустошали селенія на твоей землѣ, гоня передъ собою бѣдное населеніе, безъ оглядки бѣжавшее передъ огнемъ и мечемъ разорителей. Заперлись несчастные въ крѣпости Пилленъ съ женами, дѣтьми, уцѣлѣвшимъ добромъ, подъ покровительствомъ князя Маргера. Мы защищались отчаянно: нѣмцы закапывали наши рвы, били стѣны осадными машинами; кровавая борьба шла на жизнь и на смерть. Наконецъ, злодѣи измыслили надежное средство: пустили въ крѣпость нѣсколько стрѣлъ съ горючимъ составомъ; деревянный городъ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ, и мы увидѣли, что нѣтъ больше спасенья,—умереть же отъ руки грабителей никому не хотѣлось!»—При этихъ словахъ Криве-Кривейто выпрямился, даже привсталъ.—«Поэтому, разложивъ на площади костеръ, жители умертвили сначала всѣхъ своихъ дѣтей, бросая трупы въ огонь». Помертвѣла бѣдная княгиня, въ ужасѣ прижала къ себѣ дрожавшаго сына; вниманіе возбуждалось все больше и больше. Разсказчикъ продолжалъ упавшимъ голосомъ: «Затѣмъ взрослые поручили одной старухѣ рубить имъ головы и бросать на костеръ. На сотомъ убійствѣ она изнемогла, не въ силахъ была дальше рубить; тогда оставшіеся въ живыхъ раздѣлилися на пары и вонзали другъ другу мечи въ сердца. Наконецъ, въ

живыхъ остался одинъ князь Маргеръ съ женою; они дождались, когда рыцари ворвались въ городъ, и на глазахъ у нихъ вошли на костеръ; князь убилъ княгиню, потомъ себя, и оба они умерли съ своими подданными, не отдавшись живыми въ руки побѣдителей!»—«А ты зачѣмъ здѣсь?» грозно воскликнулъ жрецъ, взглядомъ поражая и безъ того горемъ убитаго, растерзаннаго, измученнаго разсказчика.—«Мнѣ пары не нашлось»,—смиренно отвѣчалъ онъ.—«Я лежалъ раненый, въ своей хатѣ, у самой городской стѣны, и выбрался въ проломъ, сдѣланный рыцарями, какъ только пришелъ въ чувство и увидѣлъ, что они разбрелись по горящимъ развалинамъ». Тутъ опять вступилась княгиня. Съ разрѣшенія супруга, она приказала проводить несчастнаго на свою половину и поручила своимъ придворнымъ лѣчить его и ухаживать за нимъ. А Гедининъ въ томъ же совѣтѣ сталъ дѣлать распоряженія, собирать свои побѣдоносные полки, чтобы двинуться на рыцарей вмѣстѣ съ своими сыновьями, рѣшивъ напрячь всѣ силы и навсегда вытѣснить ихъ изъ своего сосѣдства. Въ этой борьбѣ Литвы съ ея злѣйшими врагами,—прусско-тевтонскими рыцарями,—длившейся нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, погибъ великій Гедининъ, послѣ славнаго 25-ти лѣтняго княженія.

Неподалеку отъ западной границы Литвы и Жмуди, на правомъ берегу Нѣмана стоялъ крѣпкій литовскій замокъ Велона. Онъ защищалъ страну отъ постоянныхъ набѣговъ рыцарей Тевтонскаго ордена. Силою нѣмцы не могли его взять и рѣшились заморить голодомъ. Чтобы достигнуть своей цѣли, они возвели по близости два замка, изъ которыхъ и вели свою осаду. Провѣдалъ объ этомъ Гедининъ, устре-

мился съ своими сыновьями спасать литовскую твердыню и, въ свою очередь, осадилъ нѣмецкіе замки. На горе Гедимину, нѣмецкій гарнизонъ былъ снабженъ новоизобрѣтенными огнестрѣльными орудіями, неизвѣстными еще литовцамъ. Пули казались имъ стрѣлами самого Перуна-громовержца. Такая-то пуля и унесла славнаго князя! Поразилъ его на смерть выстрѣлъ изъ ружья, самаго неуклюжаго, первобытнаго устройства, въ 1341 г.

Умеръ мудрый Гедиминъ, князь литовскій, собиратель западной Руси, покровитель православія, заклятой врагъ нѣмецкихъ рыцарей и ихъ жестокаго, насильственнаго обращенія въ латинство не только язычниковъ, но и православныхъ русскихъ и литовцевъ.

Тѣло доблестнаго вождя, павшаго за родину, за подданныхъ, перенесли въ Вильну, его любимую столицу, имъ же основанную и разукрашенную.

Около города, въ долинѣ Свенторога, мѣстѣ сожженія труповъ литовскихъ правителей, надъ могилою, глубиною въ полтора человѣческихъ роста, былъ сложенъ высокій костеръ изъ сухого дерева. На него, въ княжескихъ доспѣхахъ, положили тѣло Гедимина, поставили при немъ вѣрнаго слугу—лучшаго боевого коня, трехъ плѣнныхъ нѣмецкихъ рыцарей, много добычи, пару борзыхъ и пару лягавыхъ собакъ, положили рысью и медвѣжью лапы и охотничью трубу.— Криве-Кревейто воспѣлъ подвиги великаго вождя литовскаго народа. Вайделоты зажгли костеръ, вспыхнуло смолистое дерево и поднявшееся къ небу яркое пламя, при горькихъ вопляхъ опечаленнаго народа, уничтожило дорогіе останки славнаго литвина. Сыновья его присутствовали при народномъ обрядѣ, а неутѣшная супруга, княгиня Ева, съ дочерьми,

молилась въ церкви св. Николая, изливая передъ престоломъ Божіимъ великую скорбь своей неутѣшной души. Она вымаливала у Милосердаго Господа прощеніе грѣховъ супругу, хотя и язычнику, но всегда милостивому, справедливому покровителю православной вѣры и ея смиренныхъ послѣдователей,—русскихъ и литовцевъ.

Границы великаго княжества Литовскаго при Гедиминѣ соприкасались на сѣверѣ съ владѣніями Ливонскаго ордена, по границамъ Корси и Ливоніи. Затѣмъ, перейдя западную Двину выше Динабурга, граница шла вдоль южныхъ предѣловъ псковской земли, до рубежа смоленскаго княжества. Восточную границу составляли, по теченію Днѣпра до устья Припети, сѣверскія и черниговскія земли. На югѣ южнѣе Припети, границы соприкасались съ сѣверными предѣлами кіевской и волынской земли, до западнаго Буга. На западѣ вдоль Буга, по Нѣману гродненская область граничила съ Польшей, Мозовіей до самыхъ владѣній прусскихъ крестоносцевъ. Такимъ образомъ Литва временъ Гедимина захватывала безъ малаго почти весь юго-западъ Россіи.

Это—такъ называемое—Русско-Литовское государство составилось постепенно: 1) счастливыми войнами, 2) удачными браками дѣтей Гедимина и 3), главное, полнымъ ослабленіемъ разрозненныхъ, измельчавшихъ русскихъ пограничныхъ княжествъ. Они искали единенія съ сильнымъ сосѣдомъ, чтобы спастись отъ своихъ распрей, междоусобицъ, главнымъ же образомъ отъ страшнаго татарскаго ига, придавившаго весь славянскій Востокъ. Тогдашняя Литва,—по своему государственному строю, по православному вѣроученію, котораго держалось большинство населенія, по

русскому строю боевыхъ силъ, которыя состояли большею частью изъ чисто русскихъ людей, по языку, употреблявшемуся и князьями, и народомъ, и въ судахъ, и въ законодательствѣ всей страны,—было вполнѣ русское княжество.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Иловайскій.* Исторія Россіи. Т. II.
2) *Брянцевъ.* Исторія Литовскаго государства.
3) *Чешихинъ.* Исторія Ливоніи.

Плѣнъ Кейстута.

1361 г.

ПОКОЯ не давали католическому Западу языческія страны, лежавшія на сѣверо-востокъ отъ нихъ, на пути къ православной Русской землѣ. Крестовые походы въ Палестину развили и безъ того воинственный духъ предпріимчивыхъ германцевъ. То тотъ, то другой лихой наѣздникъ набиралъ подходящихъ друзей-товарищей, составлялъ отряды такихъ же удальцовъ и, подъ благочестивымъ предлогомъ распространенія христіанства среди язычниковъ, старался съ ними вооруженною рукою помогать державцамъ Мозовіи, Куявіи и теперешней Холмской Руси. Случалось частенько и такъ, что они вполнѣ самостоятельно нападали на угрюмыхъ, дикихъ пруссовъ, упрямо прятавшихся, какъ и наши сосѣди-латыши, емь и ливы, за свои родные лѣса да болота. Часто язычникамъ удавалось прогонять ненавистныхъ находниковъ, тревожившихъ такъ назойливо ихъ мирное житье. Но еще чаще на-

стойчивые, ловкіе, предпріимчивые нѣмцы брали верхъ, захватывали въ свои цѣпкія руки удобныя мѣстности по теченію и при сліяніи рѣкъ, особенно Вислы; строили замки, обводили ихъ надежными стѣнами и, уже усѣвшись крѣпко въ мѣстности, шагъ за шагомъ твердо двигались впередъ.

Римъ поддерживалъ ихъ, называлъ крестоно́сцами, давалъ одинаковыя права съ рыцарями, отправлявшимися въ Палестину. Изрѣдка случалось, что нѣмецкіе воины-проповѣдники, встрѣчали сочувствіе и между зажиточными пруссами, считавшимися князьями среди своихъ. Они добровольно соглашались принимать христіанство, даже дарили полюбившимся пришельцамъ свои земли, отдавали богатства во славу католической церкви. Тогда нѣмцы воздвигали богатые монастыри на подаренныхъ и отвоеванныхъ земляхъ, созывали съ запада монаховъ во вновь воздвигнутыя роскошныя твердыни, и множились одинъ за другимъ оплоты находниковъ, двигавшихся на востокъ.

Но бывало и такъ, что освирѣпѣвшіе язычники въ свою очередь предпринимали походы противъ нѣмцевъ, осаждали, даже сжигали ненавистныя твердыни. Ужасы кровавой междоусобицы, или лучше партизанской войны, вездѣ предшествовали насажденію христіанства у нашихъ языческихъ сосѣдей. Дѣло проповѣди среди пруссовъ двигалось, но все же медленнѣе, чѣмъ у ливовъ, нашихъ данниковъ по берегу Балтійскаго моря.

Завидовали нѣмецкіе рыцари своимъ собратьямъ-меченосцамъ. Они стали придумывать средства отличиться и рѣшились справиться съ тѣми язычниками, которые производили яростные натиски на обратившіяся въ католичество части Мозовіи, Куявіи, кульм-

ской земли и плоцкой епископіи. Давно, еще въ 1222 году, мазовскій князь Конрадъ и плоцкій епископъ Гюнтеръ обращались съ просьбой о помощи къ магистру Тевтонскаго ордена, знаменитому Генриху Зальца. Но тому было не до нихъ. Онъ сопутствовалъ, со своими храбрыми полками, императору Фридриху II Побѣдоносному, въ его походѣ въ Палестину. Только вернувшись въ 1229 г. и помиривъ своего друга-императора съ папой Григоріемъ IX, умный магистръ нашелъ возможнымъ вникнуть въ прусскія дѣла.

Осторожный, предусмотрительный, онъ обставилъ очень независимо свой Орденъ на берегахъ Вислы. Недальновидный Конрадъ мазовецкій отдалъ ему въ полное владѣніе часть своей прадѣдовской отчины, всю кульмскую землю. Рыцари же обѣщали сдерживать язычниковъ, защищать христіанъ. Огнемъ, мечемъ, страхомъ и трепетомъ принялись они распространять евангельское ученіе среди пруссовъ. Ихъ начальникомъ былъ магистръ Ордена, вовсе не подчиненный мѣстнымъ епископамъ. Они, вмѣстѣ съ нимъ, склоняли свои гордыя головы только передъ св. отцомъ всѣхъ католиковъ,—римскимъ папою.

Григорій IX издалъ буллу, въ которой ясно объявилъ всему христіанскому міру, что князь Конрадъ мазовецкій принесъ въ даръ Тевтонскому ордену кульмскую землю съ другими городами.—Магистръ же, обязуясь защищать Конрада и его владѣнія отъ языческихъ набѣговъ, будетъ покорять дикихъ пруссовъ только подъ власть своего Ордена. Заручившись такими правами и договорами, Зальца отправилъ въ Мозовію, къ берегамъ Вислы, значительный отрядъ рыцарей, подъ начальствомъ Германа Балка, перваго магистра Тевтонскаго ордена въ Пруссіи. Искуснѣй-

шій правитель и беззавѣтно храбрый воинъ Германъ взялся энергично за излюбленное Западомъ дѣло просвѣщенія восточныхъ язычниковъ и онѣмеченія ихъ родовыхъ земель. Получивъ отъ Конрада городокъ Нессау, съ округою, по куявской границѣ, онъ сталъ твердою ногою на берегу Вислы, въ мѣстечкѣ, прозванномъ рыцарями «Фогельзангъ», и укрѣпилъ его на славу. Отсюда начались походы тевтоновъ, или вѣрнѣе ихъ набѣги, какъ въ партизанскихъ войнахъ, на мѣстныхъ жителей,—пруссовъ. Постепенно двигаясь на востокъ, находники строили свои орденскія твердыни—Торунъ, Хельмно, Кульмъ, Маріенверденъ, Эльбингъ,—и, день за днемъ, шагъ за шагомъ, напирали, отнимая родную почву изъ подъ ногъ мѣстныхъ уроженцевъ. Тѣ, скрываясь за прадѣдовскими лѣсами и болотами, не легко уступали свое исконное достояніе, свои преданія, вѣрованія отцевъ!

Во второй половинѣ XIII вѣка, послѣ того, какъ въ Палестинѣ турки одержали верхъ надъ христіанскими войсками, рыцарямъ негдѣ было выказать свою удаль и страсть къ воинскимъ подвигамъ. Они фанатично ринулись на Пруссію, чтобы съ корнемъ истребить язычество. Дѣлали облавы на мѣстныхъ жителей, какъ на дикихъ звѣрей, съ полною вѣрою, что этими подвигами пріобрѣтаютъ отпущеніе грѣховъ еще при жизни и райскія отрады послѣ смерти. Во многихъ мѣстахъ, во вновь завоеванныхъ земляхъ тевтоны воздвигали священныя убѣжища, въ родѣ монастырей или пріютовъ, для молитвеннаго отдохновенія ихъ многочисленныхъ благочестивыхъ гостей съ запада, и прозвали ихъ малыми Іерусалимами. Помолившись, ознакомившись съ мѣстными условіями, паломники шли дальше подкрѣпленные и обновлен-

ные. Подвигаясь вглубь страны, даже за Нѣманъ, они все сильнѣе и упорнѣе напирали на Литву,—тогда еще вполнѣ языческую.

Одинъ изъ такихъ набѣговъ на Пилленъ, который такъ отчаянно пробовалъ защитить храбрый князь Маргеръ, мы изобразили въ предшествующемъ разсказѣ.

Съ 1340 года смѣняются дѣйствующія лица въ исторіи восточной Европы. Во главѣ Тевтонскаго ордена является великій магистръ Рудольфъ Кенигъ Ванцау, во главѣ Ливонскаго—Боргардъ Дрейлевенскій. Оба они воодушевлены были вѣковыми преданіями своихъ предшественниковъ, прежними задачами своихъ орденовъ: съ одной стороны,—завладѣть Жмудью и Литвою, а съ другой—тѣснить, насколько возможно, Псковъ, отнимать постепенно у Новгорода, одну за другою, его пятины. Противъ нихъ, съ востока, поднимались во всеоружіи своей народной правоты и силы наслѣдники двухъ великихъ державцевъ: московскаго—Іоанна Калиты и литовскаго—Гедимина. Они свято хранили преданія славныхъ родителей! Твердо, разумно шли по намѣченному пути—собиранія восточной и западной Россіи въ обширныя, сильныя величины.

Мѣсто Калиты на московскомъ престолѣ занялъ сынъ его Симеонъ, по прозванію Гордый. Наслѣдіе Гедимина осталось въ рукахъ его сыновей, изъ которыхъ особенно выдѣлялись два брата—друга: Ольгердъ и Кейстутъ. Рожденные отъ одной матери, связанные самой крѣпкой, теплой дружбой, они пополняли другъ друга. Умный, предусмотрительный, осторожный Ольгердъ былъ надежной опорой безумно-храбраго, честнаго, способнаго полководца—Кейстута.

Живя въ своей столицѣ—Трокахъ, правя Жмудью, частью Черной Руси съ Городней и Берестьей, онъ стоялъ какъ бы на стражѣ литовскихъ интересовъ, защищая ихъ отъ захватовъ тевтонскихъ рыцарей. Ольгердъ владѣлъ другою частью Литвы съ городомъ Крево и витебскимъ княжествомъ, доставшимся ему отъ православнаго его тестя.

Узнавъ въ 1345 году, что къ рыцарямъ пришла громадная помощь съ запада, и они собираются напасть на Вильну, оба друга, соединенными силами, удалили оттуда младшаго своего брата, слабаго Явнута, дали ему въ кормленіе Заславль Литовскій, а Ольгердъ сѣлъ твердо на виленскомъ столѣ. Это удобное перемѣщеніе очень укрѣпило оборонительныя дѣйствія обоихъ князей—братьевъ. Несмотря на всѣ усилія, рыцари не могли одолѣть ихъ стойкую оборону. Какъ ни старались жадные нѣмцы, имъ не удавалось, ни на шагъ, раздвинуть свои владѣнія на счетъ литовскихъ земель. Въ этой тяжелой постоянной борьбѣ, предводимые своими удалыми героями-князьями, литвины стояли твердо передъ врагомъ. Ожесточенно нападали они на рыцарскіе замки: жгли, грабили, убивали все, что попадало подъ руку. Подъ-часъ имъ приходилось и платиться за свою удаль. Такъ, однажды, въ 1361 году неукротимый Кейстутъ Гедиминовичъ, въ челѣ отважной дружины, пробовалъ пробраться черезъ орденскую границу. Подъ мракомъ ночи онъ думалъ добраться до самаго Маріенбурга, гдѣ, по дошедшимъ до него вѣстямъ, пировали тевтоны съ наѣхавшими къ нимъ именитыми гостями. Родимый вѣтеръ уныло завывалъ, щедрая Литува не скупилась поливать лѣсную глушь обильными потоками дождя съ хмураго литовскаго

неба. Казалось, природа любовно покровительствовала родному герою. А вышло не такъ. На первой же проталинкѣ, въ самой топкой грязи, его отрядъ окружили не подмѣченные враги. Какъ злыя тѣни, отдѣлились отъ березовыхъ пней вооруженные латники, схватили подъ устцы испуганныхъ коней и вцѣпились въ литовскихъ всадниковъ. Ожесточенно бились съ обѣихъ сторонъ. Литовцы не сдавались живыми,—противники рѣшили никого не выпускать изъ рукъ. И тьма, и дождь, и топкая почва—все обрушилось на Кейстута! Его товарищей, уже мертвыхъ, или замертво поверженныхъ, оставили въ лѣсу; а его связаннаго, раненаго, истекающаго кровью, взвалили на его же добраго товарища-коня и безъ чувствъ увезли, какъ блестящую, нежданую-негаданую, драгоцѣнную добычу!

Съ дикимъ восторгомъ вскочили изъ-за столовъ пировавшіе, когда услышали лязгъ цѣпей спускаемаго моста у крѣпостной стѣны, конскій топотъ и крики побѣды обрадованныхъ часовыхъ.—«Живой или мертвый онъ нашъ!» кричали тевтоны.—«Нашъ онъ, и мы его теперь не выдадимъ! не увидятъ больше ненавистные литовцы даже трупа своего любимаго вождя!»—«Литва теперь наша! вивать!» кричали другіе, поднимая заздравные кубки, чуть не считая себя уже обладателями Жмуди.

Безъ чувствъ, за-мертво лежалъ связанный Кейстутъ на полу той же залы пира. Его, виновника своей радости, рыцари даже забыли. Прислужники же, кнехты, и не замѣчали. Только изъ темнаго угла, изъ-за двери, точно огоньки, свѣтились два глаза, слѣдя за брошеннымъ героемъ. Начинало уже свѣтать; рыцари, постарше, вспомнили, что пора на по-

кой. Тогда поднялась веселая ватага и, проходя, одинъ да другой, разсѣянно задѣвали за безчувственное тѣло.—«Выбросить его!»—ругнулся кто-то изъ храбрецовъ. Двинулись кнехты, съ ними изъ-за дверей показался и старикъ.—«А если онъ еще не умеръ?» спросилъ онъ почтительно господъ рыцарей.—«Тогда бери его къ себѣ, за крѣпкіе запоры, да смотри, не зѣвай!—головой своей отвѣтишь за него».—Старикъ презрительно усмѣхнулся, крутя свой длинный сѣдой усъ.—«У меня и живые ни разу еще не уходили, а тутъ совѣтуютъ беречь чуть не мертваго! Онъ мой теперь! Я съ нимъ развѣдаюсь по своему». И по голосу, по манерѣ, и по тому, какъ небрежно, повидимому, взялъ онъ за голову то, что еще звали Кейстутомъ, можно было подумать, что это его злѣйшій врагъ. Прислужники помогли отнести безчувственное тѣло въ замковую тюрьму. Имъ вслѣдъ слышались злорадные возгласы. Рыцари собирались послать въ Римъ гонца съ радостною вѣстью, что Жмудь уже полонена.

Въ мрачномъ подземельи, вдали отъ глазъ людей, на сколоченныя доски положили великаго литвина. Кругомъ все тихо, сыро, холодно, точно въ могилѣ. Тускло мерцаетъ въ углу свѣтильникъ. Ушли рыцарскіе кнехты, одинъ остался старый Альфъ. Онъ прислушался къ послѣднимъ звукамъ удалявшихся шаговъ и тогда, спѣшно снявъ обувь, неслышно бросился самъ въ проходъ, откуда скорешенько вернулся, неся въ охапкѣ солому, медвѣжьи шкуры, покрывало. Кейстутъ не шевелился. Старикъ опять исчезъ, опять вернулся съ какимъ-то ковчежцемъ, склянками и мелкими вещами. Прибавивъ масла въ свѣтильникъ, онъ поставилъ его ближе къ страдальческому ложу.

Потомъ осторожно, даже нѣжно, сталъ раздѣвать израненнаго воина. Протяжный, душу раздирающій стонъ заставилъ его остановиться. Кейстутъ открылъ глаза, но, видимо, ничего не понималъ. Даже, когда Альфъ влилъ ему въ ротъ нѣсколько капель живительной влаги, онъ не очнулся. Казалось, еще съ большей осторожностью торопился старикъ высвободить изъ одежды израненое тѣло. Больной стоналъ, приходилъ въ себя, потомъ опять забывался, пока опытная, любовная рука обмывала и перевязывала раны. Подъ страдальца, на доски, была подложена солома, на ней разостланы медвѣжьи шкуры; тогда, при слабомъ свѣтѣ ночника, Альфъ вынулъ какія-то снадобья изъ ларца, налилъ въ приготовленный кубокъ и подалъ раненому, прося все выпить. Послушно проглотилъ плѣнникъ лѣкарство. Выходило, что явный тюремщикъ Кейстута—былъ тайный его другъ, врачъ, и пестунъ; онъ не отходилъ отъ страдальца ни днемъ, ни ночью. Наконецъ, его труды увѣнчались успѣхомъ. Однажды, подъ утро, когда трепещущіе лучи зажигавшейся зари трусливо заглянули сквозь узкое оконце въ мрачное подземелье, Кейстутъ открылъ глаза и вздохнулъ свободно, полной грудью. Спавшій на полу около него Альфъ перекрестился и радостно забормоталъ молитвы. Крестное знаменіе не было чуждо Кейстуту. Онъ приподнялся на локоть:—«Меня плѣнили?»—ясно, относительно твердо, спросилъ онъ своего тюремщика, сразу понявъ въ немъ друга.—«Воздай, князь, славу Богу! ты спасенъ!» радостно воскликнулъ тотъ.—«Спасенъ отъ смерти, но не отъ срама! Зачѣмъ, старикъ, ты спасъ меня?» И въ голосѣ слышалось безграничное отчаяніе.—«Выздоравливай толь-

ко скорѣе, и не будетъ никакого срама, князь любимый!» внушительно твердилъ старикъ.

По мѣрѣ того, какъ выздоравливалъ князь, тюремщикъ разсказывалъ, какъ онъ вызвался стеречь его въ замковой тюрьмѣ и помѣстилъ именно въ той кельѣ, гдѣ ему была извѣстна трещина въ наружной стѣнѣ. Во время болѣзни узника, онъ самъ тщательно ее расширялъ, а чтобы работа не была замѣтна, развѣсилъ по тому мѣсту всѣ доспѣхи своего великаго плѣнника; камни же и штукатурку осторожно выносилъ по ночамъ и пряталъ въ темные низкіе проходы. Дни шли за днями. Рыцари рыскали по сосѣднимъ лѣсамъ, творя свои обычныя облавы на мѣстныхъ горемыкъ, убѣжденные, что злостный тюремщикъ, дикообразный Альфъ бдительно сторожитъ ихъ драгоцѣнную добычу. Онъ, дѣйствительно, былъ очень бдителенъ, даже догадливъ. Узнавъ навѣрное, какъ далеко и въ какую именно сторону уѣхали его повелители, онъ осторожно принесъ въ тюрьму бѣлый рыцарскій плащъ съ нашитымъ на немъ чернымъ крестомъ. Вздрогнулъ Кейстутъ, вся кровь закипѣла. Вернувшіяся силы заволновались.—«Къ чему это вражье одѣяніе?»—брезгливо спросилъ онъ.—«Не сѣтуй, княже мой великій! Самъ Господь повелѣваетъ намъ быть мудрыми, оберегать Имъ же намъ дарованную жизнь. Укрытый этимъ плащемъ, ты, не узнанный, пройдешь по вражьиму стану, и тебя не примѣтятъ! Одѣнь его, прошу тебя именемъ твоей любимой княгини, молю именемъ моего Господа Вседержителя, Всемогущаго!» Не легко было честному литвину укрыться плащемъ своихъ злѣйшихъ враговъ. Но и влачить дни въ постыдномъ заточеніи было невыносимо славному герою. Надѣвъ кольчугу,

опоясавъ свой побѣдный мечъ, Кейстутъ, съ помощью Альфа, вылѣзъ изъ отверстія, спустился по стѣнѣ, укутался въ бѣлый плащъ, и оба вмѣстѣ, вскочивъ на приготовленныхъ заранѣе скакуновъ самого командора, никѣмъ не остановленные, не узнанные часовыми, благодаря спасительной тьмѣ, выѣхали изъ замка. Начинала уже заниматься заря, они увидали вдали встрѣчнаго всадника-рыцаря. Догадливый Альфъ, поровнявшись съ княземъ, показалъ ему условный знакъ, которымъ рыцари привѣтствуютъ другъ друга.—Чуть-чуть не опоздалъ! Для виду, онъ началъ оправлять лошадиную уздечку. Ничего не подозрѣвая, встрѣчный рыцарь обмѣнялся съ Кейстутомъ братскимъ привѣтомъ и поѣхалъ дальше. Нашъ же герой съ своимъ спутникомъ-спасителемъ пришпорили прекрасныхъ скакуновъ и направились въ самую чащу сосѣднихъ лѣсовъ. Тамъ отдохнули въ надежномъ убѣжищѣ, а запасливый Альфъ подкрѣпилъ силы князя. Съ наступленіемъ ночи они снова пустились въ путь, направляясь къ Мозовіи, гдѣ княжилъ Янушъ, зять Кейстута.

Подъ надежнымъ, родственнымъ кровомъ, любимый князь литовскій братски благодарилъ вѣрнаго Альфа.—«Не меня, княже любимый, благодарить надо. Я ничтожный рабъ, недостойный служитель Бога правды, добра, милосердія. Его, Всемогущаго, надо ежечасно благодарить со смиреніемъ, любовью и вѣрою. Онъ благословилъ твой исходъ, спасъ отъ рукъ злыхъ, кровожадныхъ недруговъ.»—Горячая рѣчь христіанина озадачила Кейстута. Въ глубокую думу погрузился храбрый воитель, головою поникъ и долго молчалъ. Видимо, душа боролась подъ наплывомъ противоположныхъ чувствъ—«Нѣтъ!» вырвалось наконецъ

Кейстутъ спасается изъ плѣна. *(Къ стр. 130.)*

изъ его мощной груди,—«не могу поклоняться Богу рыцарей, мучителей моей родины!» Потомъ, глубоко передохнувъ, махнулъ рукою и проговорилъ: «А до русскаго, добраго Бога мнѣ не добраться. Я долженъ сторожить родную окраину, мое мѣсто здѣсь, не на Руси!»—Грустно слушалъ Альфъ своего любимаго державца. Онъ не былъ краснорѣчивъ отъ природы. Умѣлъ преданно любить, вѣрить, молиться, твердя слова теплыхъ молитвъ, затверженныхъ еще въ домѣ матери, русской по вѣрѣ и народности. Онъ понялъ, что не ему вліять на могучаго правителя, и удалился въ Вильну, гдѣ могъ безпрепятственно молиться, по греческому обряду, въ православныхъ, русскихъ церквахъ.

Кейстутъ же, возвращая магистру взятыхъ у него коней, письменно, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, благодарилъ его за прекрасную пищу и помѣщеніе, прибавляя, что, если милосердые боги помогутъ ему поймать самого магистра или кого-нибудь изъ орденскихъ сановниковъ, то онъ, Кейстутъ, такъ же хорошо будетъ содержать своего плѣнника, какъ и его содержали въ замкѣ Ордена, только покрѣпче будутъ стѣны, да понадежнѣе слуги.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. Т. II.
2) *П. Д. Брянцевъ.* Исторія Литовскаго государства.

Православные мученики въ Вильнѣ.

1347—1364 гг.

НЕПРОГЛЯДНО-ТЕМНАЯ ночь спустилась надъ замковой горою въ Вильнѣ, столицѣ литовскаго княжества, окутывая своимъ непроницаемымъ покровомъ и теремъ княжескій, и дворъ, а за стѣною вѣковую дубовую рощу, языческое святилище «Ромове». Густыя облака повисли низко надъ землею, точно хотѣли придушить ее своимъ таинственнымъ покровомъ. Всѣ уже покоились сладкимъ сномъ въ княжескихъ палатахъ, только въ открытыхъ стрѣльчатыхъ окнахъ верхняго терема свѣтился еще огонекъ, напоминая, что не всѣмъ дано, вмѣстѣ съ природой, отдохнуть въ эту темную лѣтнюю ночь.— Душно литовскому князю Ольгерду въ его опочивальнѣ; ночной воздухъ, пропитанный благоуханіемъ цвѣтовъ, ничуть не освѣжаетъ его пасмурнаго чела. Сидитъ онъ одинъ въ просторной, продолговатой горницѣ. Ея стѣны обиты разноцвѣтными тканями, а по мѣстамъ пушистыми медвѣжьими шкурами, поверхъ которыхъ

красиво развѣшено дорогое оружіе: самопалы нѣмецкіе, луки, стрѣлы половецкія, мечи русскіе, сабли польскія. Противъ двери стоитъ божница, въ ней до самаго верха помѣщаются св. иконы. Всѣ онѣ въ ризахъ, блестящихъ серебромъ, золотомъ, камнями самоцвѣтными. Красивыя лампады висятъ передъ ними, и привѣтно теплятся ихъ огоньки, озаряя темные лики св. угодниковъ. Видна заботливая рука покоïной княгини Маріи, которая оставила, умирая, свои родныя святыни охранять любимаго супруга въ его тревожной, тяжелой жизни. Рядомъ съ кіотой стоитъ столъ, на немъ свѣтильники ярко освѣщаютъ кипы исписанныхъ хартій. а за столомъ, низко опустивъ свою умную голову на скрещенныя руки, сидитъ самъ князь Ольгердъ въ разстегнутомъ парчевомъ полукафтаньи. Тяжко ему въ эту душную, жаркую ночь. Темными пятнами смотритъ она въ его опочивальню чрезъ открытыя узкія окна, пропуская струи легкаго ночного вѣтерка. Какъ ни нѣжно играетъ онъ прекрасными слегка сѣдѣющими кудрями героя, какъ ни сладко—благоуханіе цвѣтовъ заснувшаго сада, ничто не можетъ разсѣять невеселыя думы мудраго литовскаго владыки. Преслѣдуютъ его угрызенія совѣсти, не съ кѣмъ подѣлиться тяжелыми думами.... Нѣтъ уже княгини Маріи Ярославны, рожденной витебскоï княжны, кроткой, разумноï подруги! Все рѣже да рѣже заглядываетъ въ княжьи палаты недовольный, скорбный ея духовникъ, о. Несторъ! Послѣдній завѣтъ умершей подруги князя не покидаетъ его сердца. Какъ умоляла она своего царственнаго супруга заступиться за южную Русь, облегчить участь православныхъ, стенавшихъ подъ ненавистнымъ игомъ татаръ! А ему приходится тутъ, въ Вильнѣ, бороться съ лютостью кровожадныхъ жрецовъ. Вотъ они подня-

лись съ новою силою. Съ утра являлись цѣлой толпой, назоïливо, громко требуя казни отступниковъ отъ вѣры отцовъ, его любимыхъ бояръ-христіанъ, которыхъ онъ, поддавшись ихъ первымъ требованіямъ, годъ тому назадъ заключилъ въ темныя подземелья своего замка. Тамъ ихъ пытали, подвергали ужаснымъ мученіямъ; они же непоколебимо твердо продолжали исповѣдывать единаго истиннаго Бога. Тогда самъ князь призвалъ страдальцевъ, прося хоть для него поступиться лишь одними внѣшними проявленіями христіанства: не отпускать волосъ, не постничать, какъ полагается у православныхъ.

Куменецъ,—по-христіански Антоній,—вернулся въ свое заточеніе, на новыя пытки, не желая и слушать увѣщаній. Нежило же,—Іоаннъ въ св. крещеніи,—не устоялъ передъ просьбами любимаго князя. Оставаясь въ душѣ вѣрнымъ христіаниномъ, онъ остригъ волосы и при постороннихъ сталъ употреблять въ пищу мясо. Ольгердъ началъ уже успокоиваться, жрецы пріумолкли. Но о. Несторъ и братъ мученикъ подняли голосъ, совѣсть вторила имъ, и Іоаннъ не долго могъ выдержать двуличное поведеніе. Онъ вымолилъ прощеніе брата и духовника и, мужественно представъ предъ Ольгердомъ, выразилъ желаніе снова подвергнуться всѣмъ ужасамъ мученій. За личную обиду принялъ князь поступокъ любимца и приказалъ крѣпко держать его подъ стражею.

Съ радостью принялъ Антоній своего брата, когда тотъ вернулся къ нему въ тяжелыхъ оковахъ, съ успокоенной совѣстью, счастливый, что можетъ снова раздѣлить страдальческую участь родного брата. Народъ сталъ проникаться благоговѣніемъ къ такому подвигу. Тюрьма христіанскихъ мучениковъ обратились въ

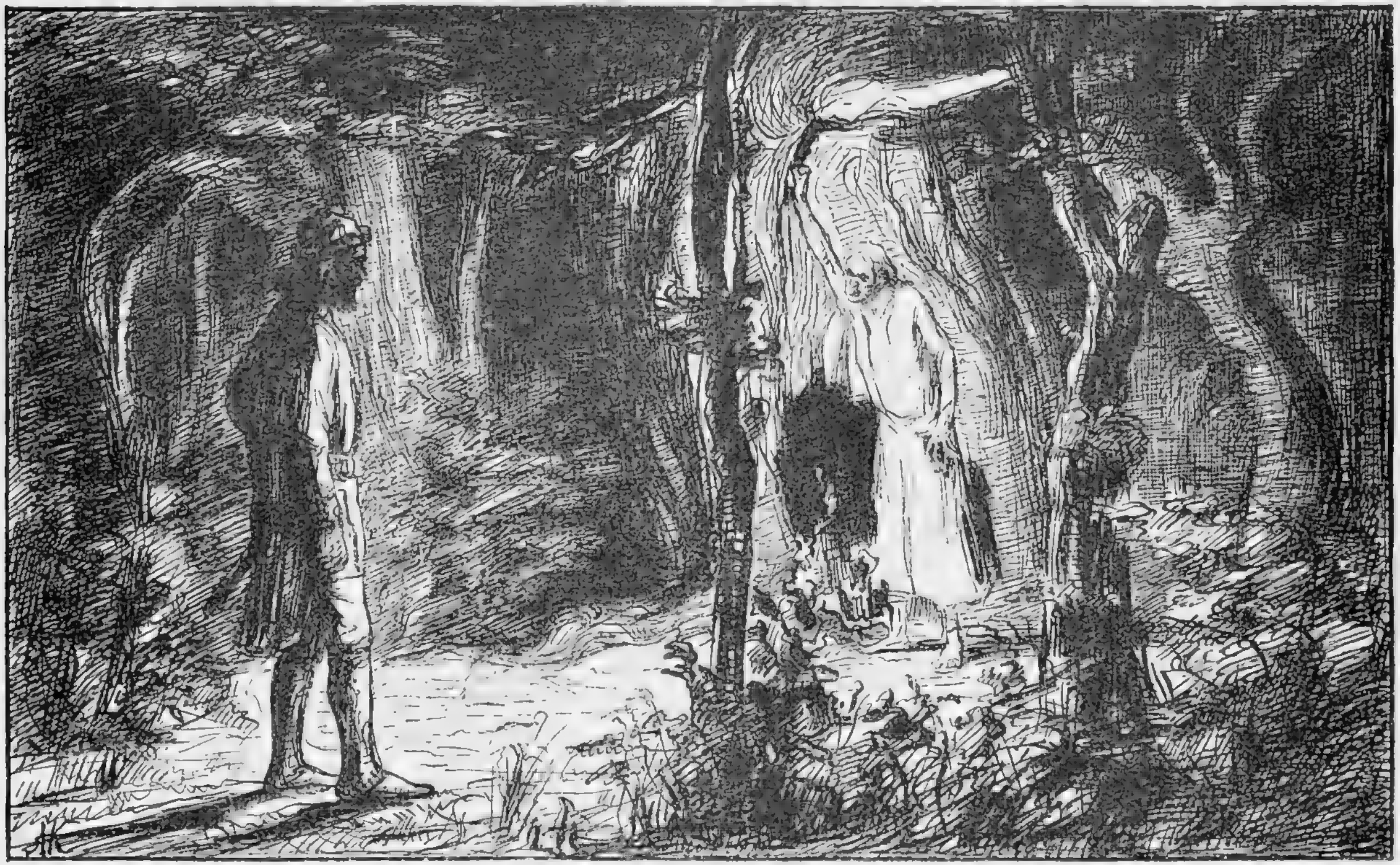
мѣсто проповѣди. Толпы собирались подъ ея окнами, привлекаемыя удивленіемъ и сочувствіемъ къ страдальцамъ. Многіе возвращались домой убѣжденные, вѣрующіе въ единаго истиннаго Бога, проповѣдуемаго православными христіанами. Послѣдовали новыя обращенія, запечатлѣваемыя свѣтомъ крещенія. Жрецы взволновались пуще прежняго. Пытокъ, казни повѣшенія, поруганія изступленно требовали они; грозились поднять преданную имъ чернь, вернуть на виленскій столъ своего любимца Явнута. Не понимали они въ своей безумной ярости, что тѣмъ самымъ неминуемо открываютъ путь въ столицу прирожденнымъ врагамъ родины,—нѣмецкимъ рыцарямъ. При одномъ этомъ соображеніи, Ольгердъ содрогнулся. Мысль: «а что сказала бы на это его Марія, его православная княгиня?» заставила его взглянуть на образа. Горько, болѣзненно вздохнулъ мудрый князь литовскій и взялся за кипы бумагъ, лежавшихъ передъ нимъ.—«Ну, что-то пишетъ братъ Кейстутъ изъ своихъ любимыхъ Трокъ?»—поставилъ онъ себѣ мысленно вопросъ. «И онъ безпокоится участью моихъ бояръ! И онъ изъ двухъ христіанскихъ ученій предпочитаетъ вѣру восточную. Вонъ пишетъ, что и жмудь и литовцы охотнѣе уживаются съ греческой вѣрой! Противъ латинскихъ грабителей возстаетъ мой великій братъ! Ему стало извѣстно, что ихъ монахи опять, тайкомъ, селятся въ моей Вильнѣ. Онъ предупреждаетъ, что это—хищные ястребы, что ихъ надо уничтожать, жилища ихъ стереть съ виленской земли! А что я подѣлаю, когда меня не слушаютъ жрецы, подтачиваютъ любовь и довѣріе ко мнѣ народное?»

Измученный думами, онъ, наконецъ, оттолкнулъ хартіи, потушилъ свѣтильники, всталъ и, при слабомъ мерцаніи лампадъ, направился къ широкой ле-

жанкѣ, гдѣ изъ пушистыхъ звѣриныхъ шкуръ было приготовлено ему роскошное ложе. Высоко взбиты лебединыя подушки, раскинуто красивое одѣяло изъ краснаго бархата, подбитое горностаемъ. Но покоя не могъ найти онъ и на пышномъ ложѣ! Ужъ слабый свѣтъ зари начиналъ пробиваться сквозь тучи, а сонъ все бѣжалъ очей Ольгерда; думы, одна другой тревожнѣе, такъ и тѣснились въ его головѣ. Вдругъ онъ вскочилъ,—точно что-то вспомнилъ,—застегнулся, взялъ мечъ, шапку и вышелъ спѣшно, не оглядываясь, даже не перекрестясь, въ узкій, еще совсѣмъ темный проходъ. Спустясь по тіунову *) крыльцу, прошелъ дворомъ и, вынувъ изъ-за пазухи ключъ, отперъ имъ потайную дверь, продѣланную въ стѣнѣ, чтобы можно было изъ княжескихъ палатъ незамѣтно проходить въ священную рощу, къ языческому капищу. Торопливо, хотя чуть не ощупью, пробрался онъ по извѣстной тропинкѣ, терявшейся между вѣковыми дубами. Точно крадучись, тайкомъ, спѣшилъ храбрый витязь въ логовище невѣрныхъ. Въ немъ еще разъ сказался язычникъ! Въ жаждѣ найти рѣшеніе своимъ сомнѣніямъ, покой своимъ мыслямъ, онъ забылъ молитву, отвернулся отъ св. иконъ, и теперь несся, точно на преступленіе, къ жилищу языческой колдуньи.

Вотъ и оврагъ, заросшій густымъ кустарникомъ. Спустившись на дно, онъ подвигался все съ бо́льшимъ трудомъ, раздвигая сплетавшіеся сучья. Запыхавшись, добрелъ, наконецъ, до подножія величаваго дуба, на верхушкѣ котораго виднѣлось опустѣлое гнѣздо аиста. Внизу, подъ дубомъ, сидѣлъ черный воронъ, спрятавъ въ перья свой толстый клювъ. Заслышавъ шаги, хотя и очень осторожные, пернатый стражъ встрепенулся,

*) Для прислуги или воиновъ.



Ольгердъ въ языческой священной рощѣ. (*Къ стр. 137.*)

отчаянно каркнулъ и взлетѣлъ на самую высокую вѣтку лѣсного великана, а изъ ствола послышался хриплый голосъ и литовская рѣчь.—«Кто до зари тревожитъ покой бѣдной старухи? Лютый звѣрь, иль лихой человѣкъ?»—«И не лютый звѣрь, и не лихой человѣкъ говоритъ съ тобою!»—Сперва показалась изъ-за дуба, точно выросла изъ-подъ земли, голова. потомъ появилась рука съ зажженой головней, и послѣ того выступила сгорбленная старуха, покрытая лохмотьями.—«Здравствуй, князь литовскій! зачѣмъ пожаловалъ? Аль запамятовалъ, что я не христіанская жрица, не монахиня, какъ ихъ тамъ называютъ! Пѣть молебновъ не умѣю!.. Да ужъ не извести ли ты меня собрался? Ну, не великъ почетъ славному воину, князю великому, упиться кровью нищей, одинокой старухи!»—«Кто говоритъ о твоей крови?» въ сердцахъ отвѣтилъ Ольгердъ.—«Пришелъ я къ тебѣ узнать, какимъ бы способомъ успокоить Криве-Кривейто и всѣхъ единомышленныхъ ему жрецовъ,—уговорить, чтобы не требовали бояръ изъ темницы, изъ-подъ стражи, а отперли бы двери своего капища да перестали возмущать народъ.»—«Зачѣмъ же съ такимъ дѣломъ идешь ты ко мнѣ?» рѣзко крикнула вѣдьма, «шелъ бы самъ въ подземелье къ своимъ соглядатаямъ—Куменцу и Нежилѣ—или къ ихъ названному отцу, старому Нестору. Пусть они разсудятъ, посовѣтуютъ тебѣ, какъ править Литвою, мирить своихъ подданныхъ».—«Нечего мнѣ спрашивать у нихъ,—зачѣмъ Криве-Кривейто запирается въ своемъ Ромове?»—огрызнулся Ольгердъ.—«Хочу я отъ тебя знать, что сбудется вскорѣ со мною? Ты—колдунья, знаешься съ нечистымъ, можешь сказать мнѣ всю правду».—«Зачѣмъ нечистаго звать?—его я не знаю. А вотъ вѣрный мой другъ, правдивый вѣщунъ!» гово-

рила старуха, указывая на ворона, который отчаянно каркалъ на всю рощу. «Не разъ и не два проситъ онъ крови, давно ждетъ себѣ въ пищу христіанскія тѣла!»—«Такъ что-жъ? отдаться мнѣ на съѣденіе твоему ворону, что ли?» крикнулъ все болѣе раздражавшійся князь.—«Зачѣмъ тебѣ? О, нѣтъ! повелитель литовскихъ земель, живи, воюй, одолѣвай враговъ родины! Но, чу! слышишь? онъ опять, мой воронъ дорогой, свое все кричитъ! Дай ты ему своихъ вельможъ! Пусть вайделоты заколютъ Куменца и Нежилу во славу боговъ, тѣла же ихъ отдадутъ моему ворону! О, тогда, князь, смѣло подчиняй себѣ всѣхъ враговъ родины! не одолѣть имъ твоей Литвы!»—Съ этими словами колдунья исчезла за дубомъ, какъ и пришла, точно сквозь землю провалилась. Воронъ же слетѣлъ на плечо Ольгерда, каркнулъ ему прямо въ ухо еще разъ: «крови, крови!» и усѣлся въ травѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ явилась колдунья.

Оставшись одинъ, Ольгердъ стоялъ, точно ждалъ еще чего-то особеннаго, рѣшающаго. Отвѣты старой колдуньи пуще прежняго взволновали его измученную душу. Уныло поникнувъ головой, тихо брелъ онъ по священной рощѣ, куда привлекло его суевѣріе окружающей среды, и откуда онъ не выносилъ ни одной путеводной мысли. Привязанность мудраго правителя къ честнымъ, надежнымъ боярамъ, христіанамъ, боролась со страхомъ потерять власть. Призракъ рыцарей, водворяющихся въ его родномъ гнѣздѣ, приводилъ его въ трепетъ. Далеко отбѣгали, завидя хмураго князя, вайделоты и вайделотки, боясь попасться на глаза сердитому владыкѣ. Онъ же брелъ, шепча себѣ подъ носъ: «Купить покой, удовлетворить злыхъ ненадежныхъ служителей мнимыхъ боговъ цѣною

жизни вѣрныхъ, доблестныхъ христіанъ? Нѣтъ, не могу, не хочу!» Съ этимъ не мирилась его честная душа!—«А благо родины? А спокойствіе всей Литвы, которую такъ тѣснятъ кровожадные рыцари? Если еще зашевелятся поляки, провѣдавъ, что языческую чернь возбуждаютъ противъ меня жрецы?—Тогда,—все равно,—пропадетъ мое княжество и съ нимъ восточное христіанство! Латинство одолѣетъ! Или Явнутъ, или рыцари! Пожалуй и Кейстуту не помочь!»

Въ эту минуту медленно, величаво подошелъ къ нему Криве-Кривейто и, поклонившись чуть не до земли, промолвилъ таинственно, что знаетъ о его внутренней борьбѣ, о мученіяхъ.—«А! колдунья успѣла донести!»—«Нѣтъ, князь, ошибаешься: боги отцовъ послали меня къ тебѣ!»—«Ну, старикъ! О богахъ, ихъ всевѣдѣніи и силѣ говори невѣжественной толпѣ, а со мной не лукавь!» Еще ниже поклонился жрецъ. Сталъ восхвалять мудрость Ольгерда, но, какъ и колдунья, грозилъ смутой, бѣдой, если великій правитель не поступится своимъ сердечнымъ влеченіемъ къ христіанскимъ узникамъ.—«Княжескій столъ твой хочу поддержать, славный князь Литвы и Руси!»—восклицалъ языческій жрецъ.—«Побереги отчее наслѣдіе, священные курганы предковъ, достояніе дѣтей и внуковъ—изъ рода въ родъ!»

Измученный сомнѣніями, угрызеніями совѣсти, какъ затравленный звѣрь, Ольгердъ потерялъ голову и, наконецъ, согласился на казнь своихъ любимцевъ. Торжествовалъ злобный жрецъ! Онъ поставилъ на своемъ, сломилъ волю строптиваго повелителя, забралъ въ свои кровожадные когти ненавистныя жертвы. Но, какъ хитроумный царедворецъ, онъ прикинулся безпристрастнымъ, правдивымъ судіею въ глазахъ Ольгерда. Сдѣлалъ еще одну лишнюю попытку—уго-

ворить мучениковъ отказаться отъ православія и возвратиться къ вѣрѣ отцевъ. Святые страстотерпцы остались, конечно, непреклонны, и тогда уже, точно вынужденный ихъ упорствомъ, ловкій жрецъ предалъ своихъ враговъ страшнымъ истязаніямъ, а потомъ и смерти.

На концѣ города, на взгорьѣ росъ огромный дубъ,—на немъ обыкновенно вѣшали преступниковъ. Жрецы рѣшили на немъ же повѣсить и христіанскихъ мучениковъ, бояръ-братьевъ Іоанна и Антонія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на томъ же мѣстѣ пострадалъ и ихъ родственникъ, бывшій прежде вайделотомъ, Евстаѳій, обвинявшійся жрецами въ исповѣданіи русской вѣры и совращеніи въ нее другихъ литвиновъ. Всѣ три первые великіе страдальца за православіе въ литовскомъ княжествѣ были съ благоговѣніемъ преданы землѣ единовѣрными христіанами близъ церкви святителя Николая, какъ гласитъ русская лѣтопись, въ 1347 г.

Но торжество язычества въ Вильнѣ продолжалось не долго. Въ 1349 году Ольгердъ женился вторично, опять на православной княжнѣ, Іуліаніи, дочери тверскаго князя Александра Михаиловича. По этому браку, онъ породнился съ великимъ княземъ московскимъ Симеономъ Іоанновичемъ *).

Дворъ молодой княгини въ Вильнѣ сдѣлался снова средоточіемъ и опорою православія. Ея дѣти воспитывались не только въ русскихъ нравахъ, но и въ вѣрованіяхъ православной Церкви. Подъ сомнѣніемъ остается только старшій княжичъ,—Ягайло. Еще очень

*) Симеонъ Гордый былъ женатъ въ первый разъ (1332 г.) на дочери Гедимина—Авгу́стѣ, во святомъ крещеніи Анастасіи; послѣ ея кончины, въ 1345 году женился на смоленской княжнѣ Параскевіи, а въ 1347 году—на княжнѣ тверской Маріи Александровнѣ; ея сестра—Іуліанія Александровна—вышла за Ольгерда литовскаго.

свирѣпствовали жрецы во время его малолѣтства. Но мало-по-малу умная, сердечная Рюриковна покорила совершенно сердца своихъ угрюмыхъ подданныхъ. Окруженная дѣтьми, роднею, боярами, слугами, Іуліанія Александровна вела жизнь дѣятельную, благочестивую въ своемъ роскошномъ виленскомъ за́мкѣ. Есть у насъ свидѣтельство одного рыцаря-нѣмца, навѣстившаго Ольгерда въ тѣ времена. Онъ пришелъ въ восторгъ, увидя, какъ мудро воспитывала русско-литовская княгиня своихъ дѣтей, какъ усердно занималась душеспасительнымъ чтеніемъ и полезными, весьма изящными работами среди своихъ боярынь и боярышень.

Князь показывалъ гостю и свою придворную церковь и православное богослуженіе. Латынянинъ обратилъ вниманіе на большую галлерею, отдѣленную отъ церкви повѣшенною занавѣсью изъ зеленой матеріи. За нею, вмѣстѣ съ княгинею, молился ея многочисленный придворный штатъ, но видѣть можно было только однѣ ихъ тѣни.

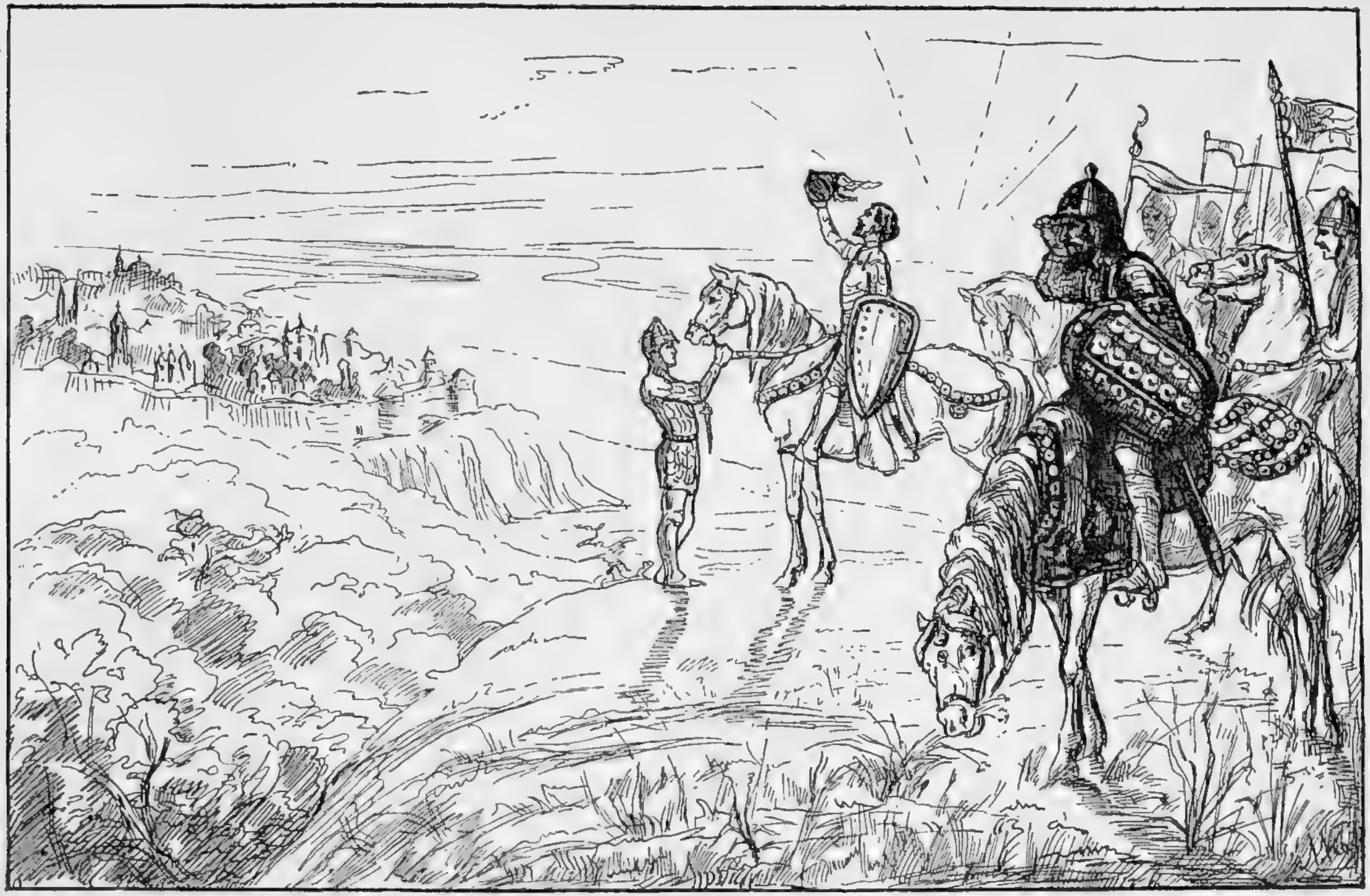
Такъ шли года. Благочестивая Іуліанія поднимала своихъ сыновей, строила православныя церкви въ Вильнѣ и хотя никогда не упрекала своего августѣйшаго супруга за попустительство, оказанное имъ извергамъ-жрецамъ, но въ душѣ не могла не плакать объ участи невинно-замученныхъ страдальцевъ. Слѣдя за жизнью Русской земли, она скорбѣла о тяжеломъ гнетѣ, давившемъ родину. Весь югъ православный стоналъ подъ игомъ лютой татарщины, и если ея родичи, московскіе князья, старались укрѣпляться противъ дикарей, собирая во едино подъ свою руку сѣверъ Руси православной,—ея душа рвалась поддерживать въ князѣ-супругѣ его мечты—объединить,

укрѣпить, поддержать православный югъ. Имя Ольгерда, покрытое славою, внушало довѣріе. Его собственная совѣсть подсказывала ему необходимость искупить великій грѣхъ борьбы съ вѣрою православною, которую исповѣдали такъ неустрашимо первые виленскіе мученики.

Сначала ему пришлось вступиться за своихъ тверскихъ родственниковъ, въ 1359 году, и воевать счастливо съ Москвою. Онъ одолѣлъ ея союзника, смоленскаго князя, и взялъ отъ него Мстиславль, Брянскъ, Ржевъ, т. е. западныя земли, которыя съ тѣхъ поръ уже не отдѣлялись отъ Литвы. Въ Ржевъ, на княженіе, Ольгердъ перевелъ изъ Полоцка сына своего Андрея; самъ же, собравъ многочисленное войско, подручныхъ князей и всѣ свои прекрасно обученныя рати, въ рядахъ которыхъ русскихъ бойцовъ было не менѣе литовцевъ, пошелъ на югъ. Туда влекли его укоры совѣсти, стремленіе спасти православіе отъ татарскаго ига и молитвенное благословеніе любимой супруги—ревностной христіанки Іуліаніи. На его счастье, смуты поднялись въ Золотой Ордѣ,—самомъ сердцѣ татарскаго величія. Междоусобныя распри подтачивали силы мощнаго врага, облегчая литовскому князю дѣло освобожденія православныхъ обитателей юго-западной Руси. Побѣдоносно дошелъ онъ до берега Днѣпра и достигъ, наконецъ, величавой колыбели русской государственности,—древняго Кіева,—матери городовъ русскихъ, полоненнаго его отцомъ, славнымъ Гедеминомъ въ 1321 году *).

Широко раскинулась на живописныхъ холмахъ древняя русская столица, вся разукрашенная золо-

*) Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнихъ временъ. Т. 3, гл. 5, стр. 932. Изданіе общества «Польза».



Восторженный, восхищенный стоялъ Ольгердъ передъ Кіевомъ. *(Къ стр. 143.)*

тыми главами своихъ многочисленныхъ церквей. Ни кровавыя распри междоусобицы, ни погромы печенѣговъ, ни огонь и мечъ татарскихъ разореній не могли умалить величавой красоты православной святыни. Печерская обитель, храмы и терема княжескіе возростали изъ пепла, чтобы свидѣтельствовать изъ рода въ родъ о величіи православнаго вѣроученія, о силѣ, никѣмъ и ничѣмъ не уничтожаемой, благодушнаго, подъ часъ и слабаго, но искренно, безхитростно вѣрующаго, православнаго русскаго народа.

Восторженный, восхищенный стоялъ литовскій князь-полуязычникъ, уничтоженный въ своей гордынѣ величіемъ памятниковъ православія и русской народности. У ногъ его бурлилъ широкій Днѣпръ, его сѣдыя волны шумѣли, воспѣвая минувшую славу и память героевъ, сражавшихся на его крутыхъ берегахъ. Душа героя рвалась къ молитвѣ, покаянію у этой святыни православной Церкви. Но долгъ полководца и правителя тянулъ его дальше—очищать земли христіанскія отъ нечестивыхъ угнетателей. Онъ оставилъ въ Кіевѣ своего сына Владиміра, а самъ, преслѣдуя уходившаго врага, дошелъ до Синихъ Водъ, гдѣ разбилъ окончательно татарскія силы, предводимыя Котлубеемъ и Хаджибеемъ, и, дошедъ до самаго Чернаго моря, присоединилъ освобожденныя имъ православныя земли къ великому княжеству Литовскому.

Съ восторгомъ встрѣтила Вильна своего державнаго героя. Христіанскіе подданные Ольгерда съ княгиней Іуліаніей благословили освободителя христіанъ, ихъ доблестнаго защитника. Къ общей радости супруги, семьи и многочисленной части вѣрныхъ подданныхъ, Ольгердъ приказалъ исполнить завѣтнѣйшее желаніе своего сердца—уничтожить дубовую рощу, притонъ

вайделотовъ и Криве-Кривейто, требище языческаго идола Перкуна, передъ которымъ, на жертвенникѣ, неугасимо теплился священный огонь Зничъ. Рухнуло языческое святилище, и на его мѣстѣ былъ воздвигнутъ храмъ во имя Св. Троицы. Зданіе было такъ искусно заложено, что престолъ главнаго алтаря поставили какъ разъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ дубъ, на которомъ приняли мученическую смерть св. страдальцы. Кругомъ церкви поселились православные съ ихъ любимымъ духовнымъ пастыремъ, кіевопечерскимъ архимандритомъ Давидомъ, духовникомъ княгини Іуліаніи. Тогда же было положено основаніе и Свято-Духову монастырю. Князь Ольгердъ, его бояре, подручные князья жертвовали на украшеніе храма всѣ сокровища, привезенныя ими изъ похода. Рядомъ съ монастыремъ воздвигнуты были великолѣпныя деревянныя стрѣльчатыя ворота *), и надъ ними водружена, въ знакъ благословенія всѣмъ идущимъ и ѣдущимъ чрезъ нихъ, по русскому обычаю, св. икона Божіей Матери Одигитріи,—Путеводительницы. Это былъ даръ благочестивыхъ иноковъ изъ Корсуня, въ память всѣмъ вѣкамъ, что, благодаря побѣдоносному оружію Ольгерда, вся Русская земля, отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Западнаго Буга до верховьевъ Оки, признала его своимъ княземъ избавителемъ отъ ига язычниковъ и охранителемъ отъ находниковъ—нѣмцевъ.

Московскій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской, въ знакъ своей дружбы съ Ольгердомъ, прислалъ къ нему въ Вильну, въ 1364 году, митрополита Алексія.

Такъ какъ русско-литовская церковь зависѣла тогда отъ московской митрополіи, то первосвятитель всей право-

*) Острая брама.

славной Русской земли самъ привезъ грамоту восточныхъ патріарховъ о причисленіи къ лику святыхъ—трехъ виленскихъ мучениковъ: Антонія, Іоанна и Евстаѳія, указавъ чтить ихъ св. память 14-го апрѣля, день мученической смерти Антонія.

Съ тѣхъ поръ, несмотря на безчисленныя гоненія, злобу католиковъ, ухищренія уніатовъ, мощи св. виленскихъ мучениковъ служили и служатъ вѣрнымъ оплотомъ православія, нерушимою святыней прекрасной Вильны, утѣшеніемъ, надеждой и укрѣпленіемъ всѣхъ притекающихъ съ молитвою и вѣрою къ ихъ цѣлительной помощи.

ИСТОЧНИКИ:

1) *П. Д. Брянцевъ.* Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ.

2) *П. Н. Батюшковъ.* Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ.

3) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. Ч. 2.

Смерть великихъ литвиновъ.

1377 † г., 1382 † г.

МУДРЪ былъ Ольгердъ, литовскій князь, говорившій на многихъ языкахъ, превзошелъ всѣхъ сосѣднихъ державцевъ саномъ и властью, воздерживался отъ всякихъ увеселеній, празднествъ, развлеченій,—посвящая дни и ночи заботамъ о своемъ государствѣ. Ни вина, ни пива, ни меда не пилъ онъ. Чувствовалъ отвращеніе отъ пьянства, оттого и отличался обширнымъ умомъ, свѣтлымъ взглядомъ на государственныя дѣла и твердою волею. Мудро собиралъ подъ свою власть многочисленные города, земли, цѣлыя княжества, усиливая, расширяя свои владѣнія. Такими не были ни его отецъ, ни дѣдъ!

«У него былъ обычай—никогда ни съ кѣмъ не дѣлиться своими намѣреніями. Ни родичи, ни дружинники, ни гости не знали, куда и зачѣмъ онъ ведетъ свои побѣдоносные полки, и это давало ему преимущество надъ врагами, славу среди друзей, могущество въ государствѣ»,

Такъ отзываются о литовскомъ владыкѣ враждебные ему русскіе лѣтописцы.

Постоянно занятый своими отношеніями къ сосѣдней Россіи, расширяя, увеличивая, обогащая родную Литву за счетъ захудалыхъ русскихъ державцевъ, онъ упорно стремился прочно утвердить среди нихъ свой непоколебимый авторитетъ. Умѣло вмѣшивался въ дѣла Пскова, Новгорода, Смоленска; удачно поддерживалъ своихъ свойственниковъ,—тверскихъ князей,—въ борьбѣ съ Москвою; присоединилъ къ своей державѣ Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Кіевъ, Подолію; счастливо велъ борьбу съ Польшей, изъ-за Волыни. Никого не щадилъ, лишь бы его Литва крѣпла, цвѣла и ширилась. Всѣ друзья и недруги преклонялись передъ обаяніемъ его величія.

Что же должны были почувствовать литовцы, когда, изъ конца въ конецъ ихъ обширной державы, разнеслась горестная вѣсть о болѣзни великаго князя! Вильна въ горѣ! Христіане и язычники съ одинаковымъ отчаяніемъ готовятся къ незамѣнимой утратѣ. Боленъ, умираетъ русско-литовскій великій князь Ольгердъ Гедиминовичъ. Жрецы собираютъ за городомъ своихъ вѣрныхъ сыновъ, чтобы по возможности торжественно почтить память мудраго правителя, обогатившаго, укрѣпившаго, расширившаго предѣлы своего родного княжества. Они давно простили ему его православіе. Мирились съ распространеніемъ кроткаго, не властнаго христіанскаго ученія. Только католичество оставалось имъ неизмѣнно чуждо, враждебно.

Лѣтъ за десять до рокового 77-го года, одинъ изъ бояръ, близкій, любимый княземъ, Гоштольдъ, женившись на католичкѣ, вздумалъ поселить около своего дома ненавистныхъ литовцамъ францисканскихъ мо-

наховъ. Народъ, не сочувствовавшій своимъ роднымъ жрецамъ, убившимъ православныхъ бояръ—Іоанна, Антонія и Евстаѳія, очень возбужденно косился, глядя на водвореніе въ своей столицѣ западныхъ черне-цовъ, такъ схожихъ съ рижскими монахами. Не успѣлъ тогда Ольгердъ уйти въ походъ, а съ нимъ, конечно, и Гоштольдъ, какъ яростныя толпы напали на мона-стырь, убѣжище францисканцевъ. Семерыхъ изъ нихъ убили на мѣстѣ, а другихъ, бѣжавшихъ, поймали въ горахъ, на берегу Веліи, неистово мучили, потомъ пригвоздили къ крестамъ и пустили, внизъ по тече-нію рѣки, приговаривая: «Вы пришли къ намъ съ за-ката солнечнаго, на западъ же и ступайте!» Та масса населенія, которая не обнаруживала и тѣни вражды къ православнымъ мученикамъ, скорѣе даже сочувственно относившаяся къ невиннымъ жертвамъ своихъ жре-цовъ, теперь поднялась сама, безъ ихъ вѣдома, выгнала и неистово мучила не полюбившихся ей латинянъ. Видимо, католическое исповѣданіе продолжало быть для литовцевъ ненавистною нѣмецкою вѣрою. Русскіе же, православные сосѣди считались какъ бы единопле-менниками. Незамѣтно для самихъ себя, оба народа.—литовцы и русскіе,—сливались въ одно государство.

Когда разнеслась тяжелая вѣсть,—горе литовцевъ было неутѣшно. Въ палатахъ же княжескихъ царило полное отчаяніе. Врачи тѣла уже не могли найти средствъ помочь державному страдальцу. Наука без-молвствовала! Человѣческій умъ не могъ отвѣтить на сердечные вопросы близкихъ. Въ пламенной молитвѣ у подножія святыхъ иконъ искала набожная княгиня Іуліанія помощи своей любящей душѣ. Врачи были безсильны измѣнить смертельный ходъ недуга. Ея супругъ долженъ умереть! Ей же такъ пламенно

хотѣлось видѣть его примиреннымъ вѣрою, любовью, готовымъ къ переходу въ вѣчность. Помощи православной Церкви просила ея душа болѣющему другу! Какъ заговорить съ нимъ? Есть ли у него достаточно силы понять ея рѣчи? Бывало, она пользовалась своимъ безграничнымъ на него вліяніемъ! Іуліанія перекрестилась. Ей вспомнилось, какъ еще недавно, она, вопреки праву и обычаю, дѣйствовала въ пользу своего сына, въ ущербъ старшихъ князей. Среди ночной тишины послышались тяжелые вздохи.—Одинъ, другой, легкій шорохъ, и плачущая супруга стояла уже у изголовья больного, держа въ рукахъ свѣтильникъ, стараясь улыбнуться сквозь слезы. Какъ измѣнился могучій князь литовскій! Какъ похудѣло, осунулось его прекрасное лицо! Глаза потускнѣли, щеки ввалились, голосъ упалъ. Любовно вслушивалась княгиня.—«Хочу видѣть о. Давида. Тянетъ душу облегчить».—Она шевельнулась. Больной продолжалъ: «только согласится ли? Я такъ много согрѣшилъ». Отъ радости, не сразу сообразила она,—старалась понять! Вдругъ все лицо ея преобразилось, счастьемъ блеснули глаза.—«По обычаю русскихъ князей, желаешь принять ангельскій образъ, супругъ ты мой любимый?» воскликнула Іуліанія, крестясь и крестя дорогого больного. «Господь грѣшниковъ милуетъ. Пріемлетъ всѣхъ, прибѣгающихъ къ Нему съ вѣрою и надеждою! Разбойника, покаявшагося на крестѣ, тутъ же простилъ». Больной перекрестился, благодарно глядя на любимую спутницу своей долгой, трудовой жизни, и опустился на подушки. Но глаза блестѣли радостью, точно въ нихъ загорались новыя силы, новая жизнь.

Въ сосѣднихъ покояхъ съ сыновьями и ближайшими друзьями, соратниками литовскаго князя, нахо-

дился и духовникъ его супруги, архимандритъ Давидъ, только что отслуживший заздравную литургію въ придворной церкви. Всѣхъ ихъ до боли угнеталъ приговоръ врачей.—«Господь да пошлетъ ему облегченіе», говорилъ инокъ.—«По всей дорогѣ видѣлъ, какъ православный людъ наполняетъ храмы, молясь день и ночь за князя-отца», сказалъ кіевскій державецъ Владиміръ.—«Въ Трокахъ язычники идутъ въ свои капища, приносятъ жертвы», сквозь слезы вымолвилъ старый Кейстутъ.—«А я въ окно видѣлъ францискан-цевъ, спѣшившихъ въ свой монастырь!» громогласно заявилъ юный Явнутъ. На него—не то враждебно, не то небрежно—руками замахали.

Княгиня, вся въ слезахъ, но, точно окрыленная какимъ-то внутреннимъ чувствомъ, показалась въ дверяхъ и направилась прямо къ архимандриту подъ благословеніе, со словами: «Онъ зоветъ тебя къ себѣ. святой отецъ». Инокъ двинулся. Но Іуліанія властно остановила его.—«На святой Руси князья соблюдаютъ обычай отцевъ, — принимаютъ великій, ангельскій образъ?» Вопросъ, мольба, оттѣнокъ сильнаго, властнаго желанія послышался въ этихъ немногихъ словахъ. Слезы полились рѣкою по грустному лицу. На образъ поднялъ глаза служитель Божій,—ища вразумленія, какъ и что отвѣчать.—«Да почіетъ надъ всѣми нами воля Царя Небеснаго», послышался его задушевный отвѣтъ. И онъ пошелъ въ опочивальню болящаго правителя. Княгиня крестилась. Пасынки подошли къ ней и, что рѣдко случалось съ ними, почти нѣжно выражали ей свою благодарность за доброе ея вліяніе на душевное настроеніе любимаго отца. Вся изнемогая отъ внутренняго волненія, благочестивая Іуліанія направилась къ себѣ, прося всѣхъ ихъ молиться,

чтобы Господь умилосердился надъ горюющей княжескою семьею.

По чину православныхъ службъ полагается, прежде чѣмъ исполнить сердечное желаніе мірянина—облечься въ ангельскій образъ, подвергнуть его испытанію подъ руководствомъ старца-наставника, для упражненія въ подвигахъ молитвы и покаянія. И только по истеченіи извѣстнаго времени искуса, убѣдившись, что ученикъ достоинъ воспринять иноческій образъ, старецъ объ этомъ докладывалъ настоятелю монастыря и допускалъ его до облаченія въ мантію и клобукъ. Затѣмъ слѣдуетъ второй, строжайшій искусъ, и уже тогда, если наставникъ отвѣчаетъ за покаянное настроеніе своего ученика, его признавали достойнымъ принятія малаго, а потомъ уже и великаго ангельскаго чина, называемаго схимою.

Конечно, весь этотъ освященный Церковью духовный порядокъ прекрасно знала княгиня Іуліанія и ея пасынки, православные правители литовскихъ земель. Многіе изъ ихъ предковъ, по матерямъ и бабкамъ, кіевскіе, черниговскіе, смоленскіе Рюриковичи, свято держались этого святого обычая и, чувствуя болѣзнь, приближеніе смерти, смиренно молили православныхъ пастырей удостоить ихъ ангельскаго чина.

Какъ поступитъ Ольгердъ? Не обыченъ онъ Евангельскому смиренію, да и ослабъ сильно отъ тяжкаго недуга. Врачи уже приговорили его къ переходу въ вѣчность. Какъ поступитъ о. архимандритъ, всегда мудрый, сердечный, милостивый?

Долго оставался служитель Божій въ опочивальнѣ, наединѣ съ кающимся княземъ, смиренно прибѣгавшимъ къ заступничеству, утѣшенію Церкви православной. Всегда скрытный, молчаливый, сдержанный. Оль-

гердъ приступилъ къ святой исповѣди съ полнымъ умиленіемъ смиренно кающагося христіанина. Всѣ религіозныя сомнѣнія, всѣ грѣховныя движенія души,— нечистоты чувствъ и помышленій открылъ онъ своему внимательному, но и строгому духовнику. Конечно, никто никогда не узналъ хода собесѣдованія. Можно предполагать, что только послѣ горячихъ, продолжительныхъ моленій Ольгердъ получилъ желаемое разрѣшеніе. О архимандритъ, суровый инокъ, но полный христіанской любви, милосердія, Евангельской мудрости, принялъ искреннее, пламенное покаяніе умирающаго князя-страдальца и благословилъ его облечься въ рясу.

Такъ подумали всѣ, когда медленно пріотворились двери опочивальни, и духовникъ, подозвавъ своего келейника, негромко далъ ему нѣсколько приказаній.

Младшій княжичъ, съ юношескимъ любопытствомъ, сумѣлъ подслушать слова: «ризничій, власяница, Святые Дары!» и побѣжалъ передать ихъ матери. Лучъ надежды блеснулъ въ глазахъ княгини. Набожно, вся въ слезахъ, она преклонила колѣни передъ божницею.— По улицамъ же Вильны, къ палатамъ княжескимъ торопливою смиренной походкой шли старцы Духова монастыря.

И въ замкѣ и во всей Вильнѣ православный людъ провелъ въ постѣ и молитвѣ эту многознаменательную ночь. Смолкли даже язычники, притихли латыняне, проникнутые уваженіемъ къ благочестивому рѣшенію любимаго вождя. Казалось, вся природа въ торжественномъ спокойствіи ожидала великаго событія. Чуть началъ заниматься день, зазвонили церковные колокола, и понеслись къ престолу Вседержителя теплыя молитвы о подкрѣпленіи силъ умираю-

Смерть Ольгерда, въ иноческой схимѣ брата Алексія. *(Къ стр. 153.)*

щаго князя, пожелавшаго отбросить все мірское величіе и въ смиренномъ ангельскомъ образѣ предстать на судъ Всемилостиваго, Благого Судіи царей и народовъ.

Духовенство съ образами, хоругвями, зажженными свѣтильниками направилось крестнымъ ходомъ въ палаты русско-литовскихъ князей. О. архимандритъ благоговѣйно совершилъ надъ умирающимъ обрядъ посвященія въ великій ангельскій образъ. Умилительна была служба. Весь преобразившійся, сосредоточенный лежалъ, обложенный подушками, великій вождь Русско-Литовской земли. Онъ вполнѣ отрѣшился отъ земныхъ заботъ, волненій. Умъ его витalъ уже высоко. Съ глубокою вѣрою и любовью отвѣчалъ онъ на вопросы, предлагаемые ему предстоящимъ Божымъ служителемъ и вполнѣ сознательно слѣдилъ за обрядомъ. Глубокая тишина царила кругомъ. Слышались только вздохи, видны земные поклоны. На св. Евангеліи лежатъ ножницы. Настоятель беретъ ихъ, любовно склоняется передъ больнымъ братомъ съ тихимъ вопросомъ, потомъ на крестъ отрѣзаетъ сѣдые волосы. Клиръ продолжаетъ пѣть, а настоятель снова говоритъ и, послѣ должныхъ отвѣтовъ, съ помощью старцевъ, облачаетъ больного въ одежды схимника, неустанно читая положенныя молитвы.

По окончаніи обряда, о. архимандритъ и всѣ старцы даютъ братское цѣлованіе вновь посвященному брату Алексѣю, пріобщаютъ его Св. Даровъ, и тогда уже вся семья, всѣ близкіе прощаются съ нимъ, такъ какъ онъ для нихъ, для всего земного пересталъ уже существовать. У изголовья остался лишь духовникъ княжескій. Княгиня, князья съ маститымъ Кейстутомъ во главѣ, и вся благоговѣйная толпа, запружавшая хоромы кня-

жескія, дворъ и улицу кругомъ зáмка, стали расходиться по домамъ, благодаря Бога, что Онъ сподобилъ умирающаго достойно приготовиться къ отходу въ вѣчность и въ чинѣ ангельскомъ предстать предъ престоломъ Всевышняго Судіи.

Скончался русско-литовскій князь Ольгердъ Гедиминовичъ, въ схимѣ братъ Алексѣй, и, только благодаря честности его брата Кейстута, не сразу загорѣлись семейные раздоры въ любимой ими Вильнѣ. Образованный, человѣколюбивый, честный, онъ былъ выше по уму и сердцу всѣхъ своихъ родичей. «Кейстутъ былъ мужъ воинственный, правдивый.—Если онъ заключалъ миръ. то соблюдалъ его крѣпко». Такъ отзываются о трокскомъ князѣ лѣтописцы даже вражьяго стана. Они не стѣсняются передавать потомству и тѣ случаи, когда онъ своей честностью превосходилъ рыцарей. И такого-то князя обошелъ Ольгердъ, передавшій незадолго до своей смертной болѣзни виленскій великокняжескій столъ Ягайлѣ, неопытному, безпечному юношѣ, своему сыну отъ брака съ княгиней Іуліаніей.

Князь Андрей, державецъ кіевскій, возмутился. Но великій литвинъ остался вѣренъ себѣ. Онъ безусловно покорился волѣ почившаго. Продолжалъ, какъ и при немъ, мирно поддерживать славу, спокойствіе, неприкосновенность русско-литовскаго княжества. Зорко слѣдилъ за сосѣдями. Горе рыцарямъ—нѣмцамъ, когда они вторгались въ предѣлы Литвы! Предупредивъ, по древнему славянскому обычаю, что идетъ бить врага, онъ выступалъ и геройски отражалъ находниковъ.

Трусливый, лѣнивый Ягайло былъ равнодушенъ къ судьбамъ родины. Пожалуй, самъ онъ и готовъ бы былъ предоставить славному дядѣ борьбу съ врагами,

для защиты Литвы, даже участіе въ управленіи страною. Охотно являлся въ Вильну маститый герой и вмѣстѣ съ старыми совѣтниками почившаго брата думалъ и судилъ о дѣлахъ правленія. Но это вмѣшательство дяди было не по душѣ молодымъ любимцамъ великаго князя. Старики загораживали имъ дорогу къ власти,—молодежь же этого не допускала ни въ какія времена. Кромѣ того, Ягайло согласился на бракъ своей сестры Маріи съ нѣкіимъ Войдылло. Этотъ человѣкъ самаго низкаго происхожденія былъ любимецъ князя, породнившись же съ нимъ, онъ сдѣлался всемогущъ. Кейстутъ возмутился и бракомъ племянницы съ «холопомъ», какъ онъ выражался, и заносчивостью Войдылло. Временщикъ поклялся отомстить за обидныя слова. Его, дѣйствительно, холопская душа не могла понять величія геройской души Кейстута. Не могла цѣнить его значенія для счастья родины. Рыцари же поняли Войдылло. Трокскій князь былъ имъ рѣшительно невыносимъ. Они ясно понимали, что,—пока онъ живъ,—имъ не справиться съ языческой Жмудью, не уничтожить послѣднихъ идоловъ въ Литвѣ, не выполнить велѣній святѣйшаго отца и желаній всего католическаго міра! Монашествующіе воины, между заздравнымъ кубкомъ и молитвеннымъ гимномъ, среди своихъ пировъ и воинственныхъ прогулокъ по сосѣднимъ землямъ, рѣшили дѣйствовать не прямо, открыто, а обходцемъ, тайкомъ.

Самъ великій командоръ, Вильгельмъ Гельфенштейнъ взялся за перо и настрочилъ вдовствующей великой княгинѣ Іуліаніи, матери Ягайло, очень трогательное письмо, въ которомъ восхвалялъ всѣ доблести ея сына и изъ особенной преданности, по сердечной дружбѣ, предупреждалъ ее объ опасности,

грозившей бѣдному Ягайлѣ отъ его сердитаго дяди, котораго не иначе звалъ, какъ «бѣшеной собакой». Переполошился виленскій дворъ. Юный князь еще слабою, неокрѣпшею рукою держалъ бразды правленія, дядя же былъ силенъ опытомъ, страшенъ врагамъ, даже друзьямъ! Да какъ еще считались сосѣди съ литовскимъ великаномъ! Не малодушному князьку схватиться съ нимъ въ единоборствѣ! Нельзя ему разсчитывать на преданность народа! Кейстутъ безусловно любимъ всею Литвою. Ему слѣпо преданы и вѣрятъ безъ разбора и христіане и язычники! Противъ него нужна не только сила, но и умѣнье! За кого же браться въ такомъ опасномъ дѣлѣ, какъ не за друзей, пріятелей, такъ ласково предупреждающихъ о бѣдѣ?

Никто изъ совѣтниковъ Ягайлы, ни онъ самъ, ни на минуту не остановились на мысли:—да зачѣмъ же рыцари, такъ яро ненавидимые всею Литвой, протягиваютъ дружескую руку литовскому же князю? Никому изъ нихъ не приходилъ на умъ весь вредъ, который они наносили родинѣ дружбою съ ея прирожденными врагами. Только мести жаждалъ Войдылло! Защиты отъ своего охранителя искалъ Ягайло! Историческія преданія, интересы и чувства народныя—все было принесено въ жертву личному самодурству. Литовскій великій князь и недруги его подданныхъ съѣхались, какъ бы на пиръ, на веселую охоту, а для отвода глазъ пригласили съ собою сына и внука трокскаго державца: князей Витовта и Ивана.

Весело жилось подъ Давидишками. Сказочные, роскошные пиры слѣдовали за блестящими охотами. Великій командоръ съ рыцарями такъ и рвались доказать свою безграничную дружбу литовскимъ князь-

ямъ: довѣрчиво, беззаботно братались бывшіе недруги, закрѣпляя безконечными клятвами новую дружбу, не затуманенную никакими дѣловыми заботами.

Не то творилось въ отдаленныхъ покояхъ рыцарскаго за́мка. Схоронившись отъ шумнаго веселья, отъ смѣтливыхъ, пожалуй, и нечаянныхъ взглядовъ, сидѣли воинствующіе братья Ордена. Сосредоточенъ ихъ видъ, нахмурены лица. Они внимательно слушаютъ холопскія разглагольствованія Войдылло. Злобой дышетъ преступный литвинъ! Непонятенъ его низкой душѣ весь ужасъ предательскихъ рѣчей! Союзъ съ врагами родины устраиваетъ его недальновидный умъ. Монахи же все взвѣшиваютъ, все подсчитываютъ, изъ всего извлекаютъ для себя выгоды. Пока князь Витовтъ съ сыномъ летаютъ, въ погонѣ за звѣремъ, по полямъ и лѣсамъ своихъ же прежнихъ земель, или осушаютъ кубки средь братскихъ изліяній дружбы съ родичемъ Ягайлой и командоромъ рыцарскаго Ордена,—ихъ отца предаютъ на съѣденіе тому же вражескому Ордену. Союзъ заключенъ между Литвою и Тевтонскимъ орденомъ! Только въ этотъ договоръ не включены земли Кейстута! Литва не поможетъ Жмуди, когда наступитъ брань съ находниками, обидчиками, завоевателями. Для виду, Ягайлѣ позволили выйти въ поле со своими дружинами; когда же рыцари нападутъ на дядю,—помогать ни, ни, не смѣть!!! Маститый вождь земли родной долженъ быть оставленъ на съѣденіе чужеземной силѣ! Прекрасно выполнили рыцари свою историческую задачу. Ловко, хитро, незамѣтно никому устранили своего самаго страшнаго, непобѣдимаго, неподкупнаго и непримиримаго врага,—«великаго литвина». Недальновидный Ягайло вѣрилъ на слово Войдылло, что, когда

рыцари разобьютъ Кейстута, ему безъ затрудненія достанется единодержавная власть надъ всей Литвой. Не смекнулъ онъ, что никогда рыцари не допустятъ, чтобы кто-нибудь другой воспользовался ихъ трудами. Малодушный юноша до смерти боялся стараго вождя; молодой же, но сильный духомъ Витовтъ, внушалъ ему такое отвращеніе, что онъ, закрывъ глаза, ринулся въ сдѣлку съ нѣмцами, лишь бы избавиться отъ страшныхъ родичей.

Въ слѣдующемъ же году, рыцари поспѣшили воспользоваться выгодами союза съ Ягайлой. Пять разъ нападали они на Жмудь и кончили тѣмъ, что обезсилили Кейстута. Бранное счастье измѣнило ему! Подозрѣніе закралось въ его честную душу. «Какъ это рыцари нападаютъ только на него, не трогая Ягайло?» Не хотѣлось все еще вѣрить очевидности. Горькія думы мучительно тревожили великаго старца. Сынъ любимаго брата, другъ его первенца—Витовта! Юноша, обязанный ему престоломъ, возстаетъ на него! За что? зачѣмъ? Онъ же крѣпко поддерживаетъ великаго князя?—Рѣшительно душа героя отказывалась вѣрить тому, что было. Онъ зоветъ сына, хочетъ съ его помощью разсѣять сомнѣніе. Вдвоемъ они рѣшаютъ напасть на нѣмецкую крѣпость Бауербургъ, потребовавъ помощи у родича. Тотъ самъ не пошелъ, послалъ брата Корибута съ малочисленнымъ отрядомъ. Крестоносцы явились на помощь своимъ, и Кейстутъ былъ разбитъ. Нельзя уже больше сомнѣваться. Къ тому же во вражьемъ станѣ нашелся пріятель, который, какъ впрочемъ и все рыцарство, преклонялся передъ литовскимъ героемъ. Онъ письменно предупредилъ его о союзѣ Ягайлы съ Орденомъ при посредствѣ Войдылло. Тутъ ужъ и дружба Витовта не по-

могла! Кейстутъ рinулся на Вильну, безъ сопротивленія овладѣлъ городомъ и захватилъ Ягаïло со всѣмъ его дворомъ. Въ бумагахъ измѣнника нашелся подлинный договоръ съ прирожденными врагами бѣдной Литвы. Витовтъ былъ пораженъ. Нельзя было оспаривать очевидности!

Вполнѣ наглядно убѣдившiйся въ виновности племянника, Кейстутъ, все же, поступилъ съ обычнымъ своимъ великодушiемъ. Онъ не сумѣлъ наказать виновнаго. Не коснулся его имѣнiй, его добра, не заключилъ въ темницу, не наложилъ оковъ, не лишилъ даже свободы; только отправилъ княжить въ прежнюю отчину Ольгерда—Витебекъ и Крево, да вмѣнилъ въ обязанность въ случаѣ войны приходить на помощь Литвѣ. Клялся, божился перепуганный Ягайло, что будетъ вѣренъ, послушенъ, что ему великаго княженiя совсѣмъ не нужно, что во всемъ повинны рыцари и злоï совѣтникъ Войдылло! Этого измѣнника родины, какъ искупительную жертву, повѣсилъ Кейстутъ, довольный, что можетъ снова вѣрить племяннику, другу любимаго сына Витовта.

Въ 1382 году новгородъ-сѣверскiй князь Дмитрiй Корибутъ, не желавшiй признавать верховнаго водительства стараго князя, поднялся на дядю Кейстута. По договору, Ягайло долженъ былъ привести свои войска подъ стягъ дяди, обуздать непокорнаго. Онъ и вооружился, и пошелъ, только не въ Новгородъ-Сѣверскiй, а въ Вильну,—не за дядю, а противъ него. Его друзья-рыцари съ многочисленными отрядами поспѣшили его поддержать. Пользуясь отсутствiемъ князя, соединенныя силы Ягайлы и рыцарей напали и полонили его столицу, ограбили всѣ имъ собранныя сокровища, чуть не плѣнили княгиню Беруту

и ея сына Витовта. Поздно было оплакивать свое ослѣпленіе. Бѣдный юноша едва успѣлъ спасти мать въ крѣпкихъ стѣнахъ Гродны. Но и тутъ враги могли ихъ настигнуть. Кейстутъ прилетѣлъ изъ-подъ Новгородъ-Сѣверска, перевелъ семью въ Берестье, подъ защиту зятя,—мазовецкаго князя Януша; самъ же отправился на Жмудь собирать воїска на новый боїи. Подъ Ковноїи онъ соединился съ сыномъ и вмѣстѣ пошли отнимать свои любимые Троки.

Ягаїло, несмотря на сильную помощь рыцарей, струсилъ и предпочелъ случаїностямъ откровеннаго боя свои излюбленные пріемы: хитрость, коварство, измѣну. Онъ обратился къ старой дружбѣ Витовта: сталъ умолять уладить дѣло, безъ пролитія крови любимыхъ подданныхъ. Посломъ-примирителемъ отправился княжичъ Скиргелло. Онъ звалъ Витовта въ лагерь, къ Ягаїлѣ, клялся, божился въ его полноїи безопасности. Встрѣча двоюродныхъ братьевъ была самая родственная, казалась самою искренноїи, горячеї. Ягаїло увѣрялъ въ своемъ раскаяніи, предлагалъ всѣ важные вопросы, клонившіеся ко благу дорогоїи родины, рѣшить по указаніямъ старѣйшаго князя, во всемъ подчиняться волѣ Кейстута, лишь бы тотъ простилъ, повѣрилъ, пріѣхалъ къ нему, въ его станъ. Витовтъ былъ въ страшномъ волненіи: по старой дружбѣ, ему хотѣлось вѣрить Ягаїлѣ, его искренности, его раскаянію, несмотря на недавнее вѣроломство. Но сыновняя любовь, страхъ за дорогого отца, но благоразуміе, осторожность—мѣшали соглашаться на льстивыя рѣчи. Молодость Витовта, великодушіе, прямота, честность Кейстута погубили великаго борца! Отецъ и сынъ согласились пріѣхать въ логовище коварнаго родича, лишь бы Скиргелло остался заложникомъ въ ихъ станѣ.

«Не мѣсто здѣсь, среди поля, вести рѣчь о важныхъ дѣлахъ», замѣтилъ внушительно Ягайло, при встрѣчѣ съ родичами, провожая ихъ къ своей ставкѣ. Ужъ этотъ привѣтъ былъ необыченъ. Ряды его полковъ разступались не то что враждебно, но какъ-то мрачно. Зловѣщая таинственность точно тяготѣла кругомъ. И не успѣлъ именитый вождь жмудиновъ переглянуться съ несчастнымъ сыномъ, какъ имъ надѣли кандалы. «Измѣной ли платишь ты за свободу, мною тебѣ дарованную въ Вильнѣ?»—укоризненно спросилъ старецъ и поднялъ на Ягайло свои честные глаза, полные скорѣе сожалѣнія, чѣмъ упрека. Злорадный хохотъ былъ наглымъ отвѣтомъ вѣроломнаго племянника.

Слишкомъ 80-ти лѣтній старецъ, посадившій и Ягайло и его отца на виленскій великокняжескій престолъ, былъ, какъ преступникъ, брошенъ въ темное, смрадное подземелье кревскаго замка. Четыре ночи держали его тамъ подъ стражею, а на пятую удавили каморники великаго князя Ягайлы.

Такъ покончилъ славную жизнь честнѣйшій, благороднѣйшій литвинъ! Хотя онъ былъ и язычникъ, но отличался рѣдкими качествами великодушія, незлобія, любви къ родинѣ, семьѣ, подданнымъ. Неустрашимый въ бояхъ, честный, правдивый въ совѣтѣ, онъ былъ послѣднимъ языческимъ княземъ Литвы и лучшимъ украшеніемъ ея древней исторіи.

ИСТОЧНИКИ:

1) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. Т. II.
2) *В. Г. Васильевскій.* Очеркъ исторіи г. Вильны.
3) *М. Смирновъ.* Ягелло-Яковъ-Владиславъ.
4) *П. Д. Брянцевъ.* Исторія Литовскаго государства.
5) *Соколовскій.* Исторія Польши.

Ягайло и Ядвига.

1378—1386 гг.

ВЪ ДНИ послѣднихъ звонкихъ пѣсенъ соловья, когда вся природа торжествуетъ въ полномъ блескѣ своей расцвѣтающей красы, весною 1378 года, на берегу величественнаго Дуная сіялъ яркими, праздничными огнями австрійскій городокъ, Гаймбургъ. И далеко разносила могучая рѣка веселый звонъ колоколовъ, радостныя пѣсни многочисленнаго народа и звуки музыки, оповѣщая весь крещеный міръ, что венгерскій и австрійскій царствующіе дома закрѣпляютъ свою старую дружбу обрученіемъ двухъ младшихъ отпрысковъ обоихъ славныхъ родовъ,—австрійскаго принца Вильгельма и венгерской королевны Ядвиги. Малютки стояли въ своихъ блестящихъ нарядахъ предъ разукрашеннымъ алтаремъ, произнося обѣтъ вѣрности другъ другу до гробовой доски! Царственнымъ дѣтямъ было только по семи лѣтъ, но честолюбивые родители жениха, нѣмцы, съ восторгомъ закрѣпляли

сдѣлку съ венгерскимъ королемъ, такъ какъ въ будущемъ рука Ядвиги могла принести имъ, кромѣ несмѣтныхъ богатствъ, еще и корону Пястовъ (польскихъ королей), красовавшуюся пока на челѣ ея родителя, венгерскаго короля Людовика, изъ Анжуйскаго дома *).

Самая расточительная роскошь сопровождала свадебныя торжества. Народъ благословлялъ прелестныхъ виновниковъ раздаваемыхъ милостей и сулилъ имъ всевозможныя земныя благополучія. На страницахъ исторіи остались самыя сказочныя описанія двухнедѣльныхъ гаймбургскихъ торжествъ, послѣдовавшихъ за церковнымъ обрядомъ. Прелестнымъ малюткамъ нравилось быть вмѣстѣ, и они горько расплакались, когда король Людовикъ взялъ съ собою въ Буды **) малолѣтняго принца Вильгельма, маленькую же Ядвигу увезли въ Вѣну, центръ тогдашняго образованнаго міра.

Такъ, вдали отъ Кракова, слагалось, по человѣческому разуму, прочное будущее счастье Польскаго государства и его правителей. Совершенно равнодушный къ благу Польши, король Людовикъ обыкновенно предпочиталъ привольную, покойную жизнь въ красивыхъ Будахъ—вѣчнымъ распрямъ кичливыхъ ляховъ; онъ рѣдко заглядывалъ въ Краковъ,—столицу Пястовъ, предковъ своей супруги, королевы Елизаветы Владиславовны ***).

Какъ хмурая ночь, стояла насупившись около своего супруга королева Елизавета: не нравился кичливой полькѣ предстоящій бракъ дочери съ нѣмецкимъ принцемъ! Но, хитрая и ловкая, она мол-

*) Былъ королемъ польскимъ 1370—1382.
**) Венгерскій городъ.
***) Дочь Владислава 1, сестра Казиміра III—королей польскихъ.

чала передъ мужемъ и властолюбивой свекровью. Пять лѣтъ терпѣливо выносила она разлуку съ любимой дѣвочкой, страдая при мысли, что ее воспитываютъ въ ненавистной ей нѣмецкой средѣ. Пять лѣтъ венгерская королева, съ удивительною осторожностью, втайнѣ отъ мужа и свекрови, сносилась съ своими личными друзьями изъ малопольскихъ магнатовъ, которые, какъ и она, ненавидѣли предполагаемый нѣмецкій бракъ. Въ 1382 году умеръ Людовикъ. Не имѣя сыновей, онъ назначилъ наслѣдникомъ по себѣ въ Польшѣ и Галиціи мужа старшей своей дочери Маріи, Сигизмунда, маркграфа бранденбургскаго. Но такъ какъ Марія не хотѣла оставить Венгрію, то (1383 г.) вельможи изъ Великопольши постановили присягнуть второй, пятнадцатилѣтней дочери короля Людовика, Ядвигѣ, и выбрать князя ей въ мужья, на всей своей волѣ. Нашелся и женихъ: то былъ князь отъ крови Пяста, Семовитъ Мазовецкій, котораго и выбрали по согласію большинства. Послѣ этого началась война между Семовитомъ и Сигизмундомъ. Въ Польшѣ наступило междуцарствіе, сопровождавшееся ожесточенною борьбою враждовавшихъ между собою партій. На ступеняхъ опустѣлаго трона дерзновенно завязали борьбу кичливые представители разныхъ политическихъ партій.—«Наленчъ!»—«Гржимайло!» восклицали шайки, собравшіяся подъ знамена каждаго изъ этихъ знатныхъ родовъ. Наступила ужасная анархія,—безначаліе и неповиновеніе,—кровь лилась, горѣли села, города; бѣдный людъ стоналъ отъ произвола, насилія, поборовъ!

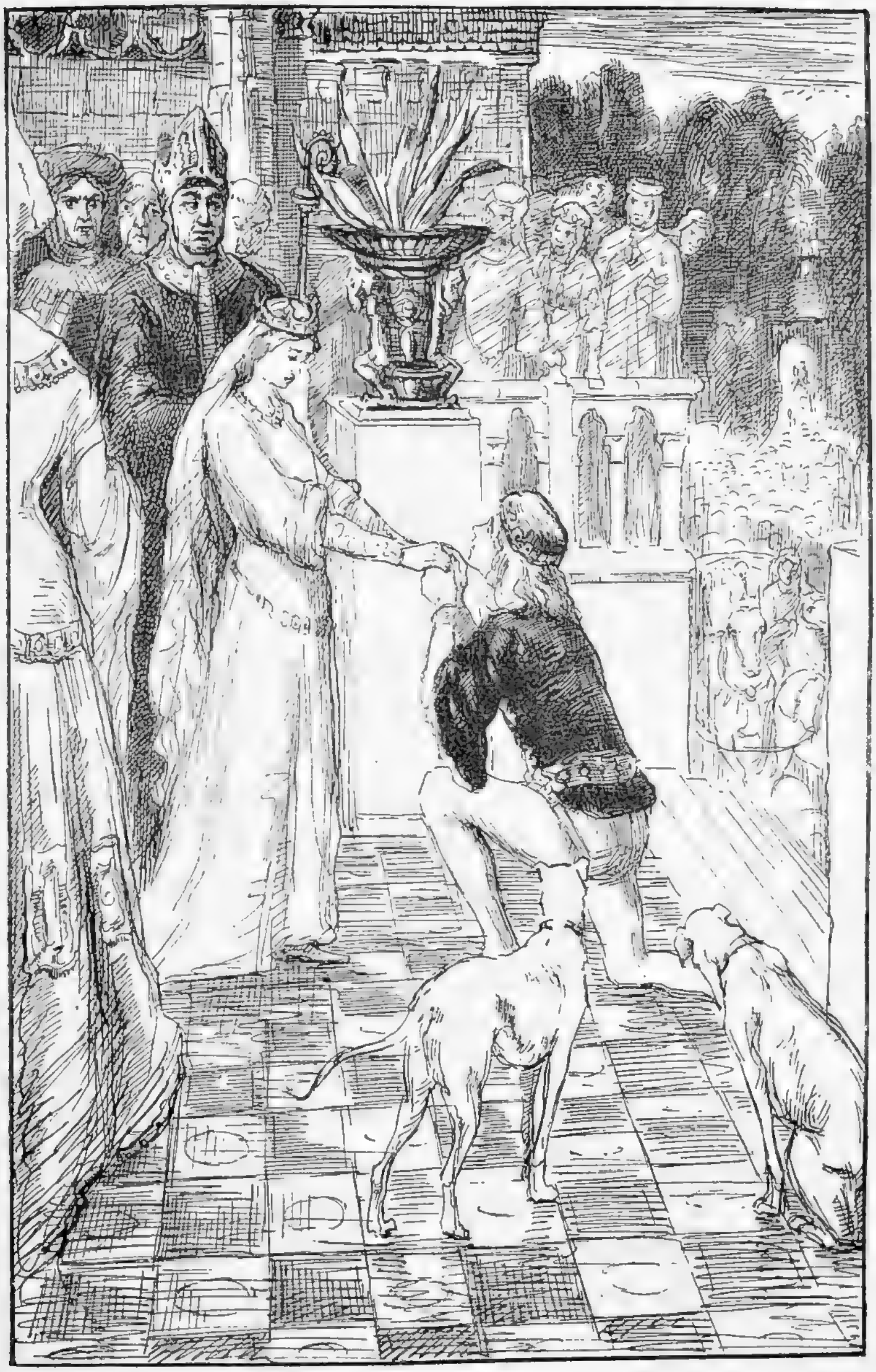
Къ довершенію бѣдствія, нагрянулъ Ягайло съ литвою. Онъ предалъ опустошенію всю восточную часть королевства. Наконецъ, депутаты изъ

Малопольши, безъ вѣдома Великопольши, признали Ядвигу королевой, по договору съ Венгріей (1383 г.), предоставивъ себѣ выборъ ея супруга. Они не желали видѣть въ Краковѣ, на престолѣ Пястовъ, рядомъ съ королевой Ядвигой, незначительнаго нѣмецкаго принца Вильгельма, потому что отъ него нельзя было ожидать скорой помощи государству.—«Ужъ лучше позвать литвина Ягайло!» кричали малопольскіе паны.—«Мы этимъ самымъ спасемъ отечество отъ вѣчныхъ грабежей и набѣговъ полуязыческой Литвы».—«Благородные братья», слышались голоса благоразумныхъ польскихъ пановъ: «Ягайло—язычникъ, дикарь! убійца дяди, великаго Кейстута! Не торопитесь рѣшаться на такой ужасный шагъ! Должны же мы быть вѣрными присягѣ? Передъ лицомъ всего міра, не можемъ же мы сразу измѣнить дочери короля Людовика? Потерпимъ, пошлемъ къ ней и къ ея матери, королевѣ Елизаветѣ, именитыхъ пословъ, спросимъ, желаютъ ли онѣ сдержать обѣщаніе? Пріѣдетъ ли королева Ядвига въ свое государство,—ну, хотя бы къ празднику Св. Троицы? Подождемъ, съ достоинствомъ, отвѣта ихъ величествъ, нашихъ пресвѣтлѣйшихъ королевъ!»—Этимъ настроеніемъ воспользовалась ловкая мать. Пренебрегая любовью дочери, данными клятвами, государственными актами покойнаго мужа, она сошлась съ малопольской партіей—въ стараніяхъ избавить и ихъ—и себя отъ ненавистнаго нѣмца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она сумѣла сохранить и престолъ для дочери, согласившись на ея бракъ съ литовскимъ княземъ—Ягайломъ.

И пошли изъ Кракова кичливые ляхи, за лѣса и болота, въ дикую, мрачную полуязыческую Литву поклониться древнимъ вѣнцомъ своихъ славныхъ

королей, рукою принцессы, красивѣйшей, по тогдашнимъ сказаніямъ, во всей Европѣ, полудикому баловню судьбы—язычнику, Ягайлѣ Ольгердовичу. Они просили его соединить свою родовую землю съ христіанской Польшей въ одной мощной рукѣ, подъ хоругвью одной католической вѣры. Креститься просили его и крестить всю Литву безразлично, со всѣми православными и языческими подвластными ей землями, въ единую—спасительную по ихъ понятіямъ,—и выгодную для нихъ, польскую вѣру, состоящую подъ защитою Рима и его повелителя—папы.

Въ своемъ сѣромъ мѣховомъ кафтанѣ, подпоясанный золотымъ кушакомъ, лысый, грубый Ягайло лѣниво принялъ польскихъ пословъ. Но онъ хорошо понималъ, что послы польскіе своимъ прибытіемъ спасали его отъ невыносимаго давленія рыцарей, несли ему силу справиться съ этимъ исконнымъ, ненавистнымъ врагомъ, выполняли его завѣтную мечту! Уже не разъ завистливымъ окомъ посматривалъ онъ на сосѣднюю Польшу! Но признаться посламъ въ этомъ—онъ не находилъ возможнымъ, тѣмъ болѣе, что личныя его симпатіи склонялись къ православному вѣроученію, пустившему корни въ Литвѣ и исповѣдуемому всѣми его подданными въ обширныхъ русскихъ земляхъ, составлявшихъ не менѣе двухъ третей подвластныхъ ему областей. Однако, блескъ короны Пястовъ затмилъ всѣ душевныя движенія Ягайло. Повидимому, равнодушно, не признаваясь во внутреннемъ удовлетвореніи, онъ обѣщалъ явиться въ Краковъ, вернуть Польшѣ 20.000 плѣнныхъ, уведенныхъ имъ въ послѣднюю войну, и креститься самому, а также крестить всю Литву въ католичество.



Прощанье Ядвиги съ Вильгельмомъ, принцемъ австрійскимъ.

(Къ стр. 167.)

Между тѣмъ, Ядвига, горько оплакавъ смерть любимаго отца, собиралась покинуть блестящую Вѣну, чтобы вмѣстѣ съ любимымъ женихомъ ѣхать въ Краковъ и поселиться тамъ, во славу Божію, на счастье подданныхъ! Только осторожный австрійскій дворъ медлилъ отпускать на далекую чужбину своего блестящаго Вильгельма: очень ужъ хмурился политическій горизонтъ восточныхъ сосѣдей! Кромѣ того, родителямъ юной четы не нравился грозный нравъ королевы-матери, ненавистницы нѣмцевъ, а также условія, предлагаемыя поляками и смутно доходившія до Вѣны. Всего же страннѣе,—въ неразъяснимомъ еще туманѣ, виталъ призракъ какого-то дикаго, грознаго соперника. Осторожный нѣмецъ, отецъ жениха, разсчиталъ, что блескъ польской короны не выкупаетъ тяжести заботъ, которыя она съ собою приноситъ. Поэтому онъ принялъ сдержанно польскаго пана Сендзивоя изъ Шубина, пріѣхавшаго отъ имени королевы-матери и краковскаго сейма, звать свою юную королеву, пока одну, на ея прародительскій престолъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, было рѣшено принца Вильгельма оставить пока на родинѣ, въ семьѣ, а 15-ти лѣтнюю его невѣсту съ почетомъ и блестящей свитой отпустить въ свое королевство (въ октябрѣ 1384 года).

На высокомъ крыльцѣ вѣнскаго дворца, въ глазахъ всего рыцарства, двора, народа, Вильгельмъ, преклонивъ колѣно передъ своей невѣстой, поклялся пріѣхать вслѣдъ за нею въ Краковъ: «Не зацвѣтутъ еще разъ розы, не успѣютъ распуститься листья, не запоютъ соловьи, какъ я уже буду съ тобою, моя Ядвига, моя королева!»—«Клянусь моей любовью, клянусь будущимъ безсмертіемъ души, что буду

ждать тебя, мой женихъ, ждать до гробовой доски!» Горькія слезы всей блестящей толпы вызвало это теплое, сердечное прощаніе.

Вся Вѣна, чуждая политическихъ расчетовъ своихъ правителей, герцоговъ и ксендзовъ, съ рыданіями провожала прелестную, добрую, милую иностранку. А польскій народъ, живой и вѣтреный, толпами бросился на старинную дорогу черезъ Татры, дорогу своей древней, святой королевы—Книги, чтобы скорѣе взглянуть и восторженно встрѣтить красавицу Ядвигу. Непроглядный рядъ подводъ и фуръ тянулся по пути, перевозя сокровища, полученныя въ приданое юною королевой. Для вящаго почета, ее сопровождали самъ папскій легатъ въ Польшѣ и чанадскій епископъ Янъ.

Подъ опекою этихъ духовныхъ сановниковъ, окруженная блестящей свитой благородныхъ дамъ и дѣвицъ, ѣхала Ядвига то верхомъ, на богато убранномъ «бахматѣ» *), то въ большой, вызолоченной колыбели, поддерживаемой (лучше, — несомой) съ обѣихъ сторонъ «наюками», т. е. прислужниками.

Ядвига, прекрасно воспитанная въ Вѣнѣ, была на высотѣ своего положенія: милостиво глядѣла на раболѣпную толпу, привѣтливо отвѣчала на ея восторженные крики. Любопытнымъ, внимательнымъ взглядомъ обозрѣвала она раскинувшуюся у подножія Карпатъ живописную долину ея новой родины и любовалась красавицей Вислой, извивавшейся блестящею лентой до самаго Кракова,—будущей ея столицы. По сторонамъ дороги, издалека, виднѣлись ей

---

*) Широкоплечая лошадь, на короткихъ ногахъ, съ татарскимъ шагомъ.

столбы на границахъ сосѣднихъ государствъ: Силезіи, Моравіи, Венгріи, Руси, а тамъ, въ концѣ пути, возвышался Краковъ съ своимъ царственнымъ за́мкомъ, точно орелъ, раскинувъ могучія крылья, по берегу Вислы, среди рвовъ и валовъ своихъ укрѣпленій.

У воротъ этого величественнаго города, на Лысой горѣ, Ядвигу встрѣтила торжественная процессія духовенства, гражданъ и жителей. За хоругвями капитула и монастырей тянулись, подъ своимъ собственнымъ знаменемъ, ратманы въ шелковыхъ богатыхъ кафтанахъ съ серебряными поясами и бархатныхъ колпакахъ. За ними шли консерсы и знамена всѣхъ цѣховъ *). На хоругвяхъ были вышиты золотые городскіе ключи. До земли склонились знамена и хоругви передъ королевой. На колѣни встали граждане, поднося дорогіе подарки. Музыка гремѣла со всѣхъ сторонъ. Клики радости и восторга росли по мѣрѣ приближенія царственной красавицы. Фокусники, шуты и музыканты, нанятые городомъ, тѣшили толпу и величали королеву. За духовенствомъ и знаменами стоялъ сонмъ красивѣйшихъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ съ цвѣтами на головѣ и съ зажженными свѣчами въ рукахъ, въ знакъ радости и ликованія. За ними стояли городскія школы; ихъ стройное пѣніе придавало встрѣчѣ много торжественности; вся толпа держала въ рукахъ зажженныя свѣчи. Дома были убраны разноцвѣтными фонарями, и повсюду пылали торжественные костры; картина была восхитительная! Отъ городскихъ воротъ королева отправилась прямо въ храмъ покло-

*) Шли разныя товарищества ремесленниковъ съ соотвѣтствующими значками.

ниться мѣстнымъ святынямъ и принесла, по мѣстному обычаю, богатыя жертвы на алтарь. Наконецъ, распахнулись ворота древняго замка передъ юной повелительницей! Какую жизнь сулятъ ей эти мрачныя стѣны? Счастье или горе дадутъ онѣ прелестной дочери короля Людовика? Народъ былъ въ опьяненіи отъ красоты ея и привѣта! Казалось, не будетъ конца его радости, его веселію! Долго не прекращалась музыка, пѣніе, пляски кругомъ за́мка, скрывавшаго въ своихъ стѣнахъ юное, дорогое сокровище. Едва дали ей время отдохнуть отъ далекаго пути, какъ приступили уже къ церемоніи коронованія польскаго короля: такъ короновали и сестру ея Марію, въ Венгріи,—таковъ былъ обычай.

Въ 1384 г., въ назначенный день, въ краковскій замокъ собрались коронные сановники, вельможи, духовенство во главѣ съ кардиналомъ Димитріемъ, епископами чанадскимъ Яномъ и краковскимъ Радлица. Прочитали вступительныя молитвы, окропили Ядвигу святой водою, и шествіе двинулось въ храмъ. Красавица королева шла подъ балдахиномъ изъ золотой парчи, который несли важнѣйшіе вельможи. Она, съ распущенными по плечамъ волосами, была одѣта въ бѣлыя коронаціонныя одежды—тунику, далматикъ, золотистыя сандаліи и королевскую мантію; ее окружала блестящая свита знаменитѣйшихъ дамъ и дѣвицъ. Шествіе замыкалось толпою шляхты, придворныхъ съ зажженными свѣчами, многочисленнымъ хоромъ трубачей и флейтистовъ. Взойдя въ храмъ, Ядвига остановилась на ступеняхъ трона, и когда, во время богослуженія, прелатъ спросилъ ее, желаетъ ли она сохранить всѣ права свободы и привилегіи народа, она торжественно отвѣтила: «Же-

лаю, и да поможетъ мнѣ такъ Богъ!» Потомъ встала на колѣни; епископъ же, намочивъ палецъ въ елеѣ, начерталъ знаменіе креста на ея плечахъ. Въ предвидѣніи этого обряда, платье королевы было такъ сшито, чтобы окружавшія ее сановницы легко могли снять покрывало съ плечъ.

Окончивъ эту церемонію, епископъ взялъ съ престола корону и надѣлъ ее на голову королевы. Крики радости потрясли своды храма и повторились во всей несмѣтной толпѣ, тѣснившейся вокругъ, наполнявшей всѣ прилегающія улицы Кракова и неистово, единодушно привѣтствовавшей свою повелительницу. Чтобы тяжелая корона, украшенная блестящими лиліями и длинными лентами, не давила юнаго чела, два придворные чиновника высоко держали ее надъ головою королевы. Она возсѣла на тронъ, имѣя въ правой рукѣ скипетръ, тоже увѣнчанный лиліями. Послѣ причащенія, королева снова возложила богатые дары на престолъ и вернулась тѣмъ же торжественнымъ шествіемъ въ замокъ, гдѣ, возсѣвъ на блестящій тронъ, присутствовала при роскошномъ пирѣ придворныхъ, сановниковъ и духовенства. Въ слѣдующіе дни, по обычаю, она объѣзжала улицы города, гдѣ подъ звуки музыки, пѣнія и всеобщаго веселія, кормили, въ честь ея коронованія, весь честной народъ. Счастливое время настало для магнатовъ съ воцареніемъ красавицы-королевы изъ Анжуйскаго *) дома. Милости сыпались безмѣрно и безконечно во всѣ стороны, такъ что вельможи стали даже подумывать, нельзя ли и остаться въ этомъ положеніи, забыть мысль о необходимости супружества Ядвиги, обойтись навсегда безъ короля.

*) По отцу.

Только сами королевы никогда не забывали этого вопрса. Старшая торопила развязку переговоровъ съ литовскимъ княземъ, а младшая ни днемъ, ни ночью не забывала о миломъ далекомъ женихѣ. Ненависть и любовь боролись около польской короны. Но пока медлительный Ягелло лѣниво соображалъ всѣ обстоятельства предстоящаго политическаго, религіознаго и личнаго дѣла, всесторонне взвѣшивая значеніе каждаго слова, разсчитывая каждое движеніе, гордый соколъ съ береговъ Дуная, взмахнувъ своими красивыми крыльями, стремительно прилетѣлъ въ Краковъ свидѣться съ дорогой невѣстой. Восторгъ и радость наполнили души юной четы! Притихли сторонники литовскаго сліянія, замолкли приверженцы королевы-матери и дали волю расходиться приверженцамъ нѣмцевъ, любимцамъ Вильгельма и Ядвиги!

До женитьбы принцъ, конечно, не могъ жить въ замкѣ, ему это было запрещено польскими вельможами. Ядвига устроила свиданіе съ нимъ въ стѣнахъ францисканскаго монастыря, гдѣ оба вспоминали мирныя радости дѣтскихъ лѣтъ; они поклялись снова въ вѣрности другъ другу, такъ что Ядвига, какъ говорятъ, и слышать не хотѣла о Ягайлѣ, и даже, будто бы, обвѣнчалась съ Вильгельмомъ, но когда онъ хотѣлъ вступить въ самый краковскій замокъ, какъ супругъ королевы, то былъ съ безчестіемъ изгнанъ оттуда *).

Краткое, мимолетное счастіе разрушилось очень неожиданно, быстро. Хитрые, зоркіе вельможи, во главѣ съ королевой матерью, устроили дѣло очень ловко.

---

*) Исторія Польши, Длугоша. Сравни исторію Россіи, Соловьева, т. III.

Тихо было въ Краковѣ. Успокоились веселившіяся толпы. Уснули пировавшіе ляхи! Тихо и въ замкѣ. Его стража—вездѣ по мѣстамъ; только свѣтъ, мелькающій то здѣсь, то тамъ въ многочисленныхъ окнахъ каменной твердыни, обращаетъ на себя вниманіе осторожнаго пѣстуна королевы. Не спитъ кардиналъ Димитрій: мучитъ его этотъ загадочный свѣтъ. Зоветъ онъ тихонько довѣреннаго прислужника, брата-францисканца, шепчетъ ему едва внятныя слова.—Крадучись, чтобы не надѣлать тревоги, пробирается ловкій монахъ и будитъ другихъ, коронныхъ совѣтниковъ.—Встаютъ маститые стражи польскихъ судебъ; какъ тѣни, бродятъ кругомъ замка, точно заговорщики, прокрадываются мимо стражи и шепчутся между собою въ темнѣйшихъ закоулкахъ. Ужасна для бѣдныхъ, старыхъ совѣтниковъ эта долгая зимняя ночь: они знаютъ, что Ягайло, съ ихъ же послами и уполномоченными королевы-матери, надвигается съ сѣвера, прямо въ Краковъ, сердце Польши, чтобъ, послѣ вступленія въ лоно католичества, съ рукою прелестной Ядвиги получить и корону польскую.—А между тѣмъ что же здѣсь-то дѣлается? Какъ бьется сердце Ядвиги? Что готовитъ оно и гостямъ и имъ, опекунамъ?—Всю ночь и слѣдующій день волновались старцы, не смѣя ни съ кѣмъ подѣлиться своими опасеніями. Замокъ былъ тихъ, не выѣзжала юная королева на обычную свою прогулку, въ францисканскій монастырь,—мѣсто свиданія ея съ милымъ супругомъ. Никто изъ ея приближенныхъ не попадался на глаза короннымъ совѣтникамъ. Но они сами были на-сторожѣ: и не успѣли вторично спуститься ночныя тѣни надъ краковскимъ замкомъ, какъ въ покои Ядвиги постучалъ отеческой

рукой римскій стражъ ея величества. Точно стая спугнутыхъ звѣрковъ, разбѣжались струсившіе придворные. Кардиналъ звалъ властно свою духовную дочь; во имя долга, требовалъ выдѣть королеву! Государственное дѣло не терпитъ.

До смерти боявшіяся кардинала, придворныя дамы увлекли бывшаго въ за́мкѣ Вильгельма въ самый отдаленный покой, уговорили спрятаться въ корзину и на веревкахъ, съ помощью вѣрныхъ слугъ, спустили за окна бойницы. Стража въ темнотѣ ничего не замѣтила.

Отворились двери королевскихъ покоевъ передъ замѣстителемъ папы. Грозно встрѣтила его юная повелительница Польши. Она за время жизни въ Краковѣ привыкла къ власти, угодничеству,—поняла свое право повелѣвать.—А тутъ, старикъ-пѣстунъ мѣшаетъ ей въ ея правѣ на радости жизни! Поэтому-то она сурово требуетъ отчета у владыки-опекуна. Онъ отвѣчаетъ ласково, говоритъ что-то о долгѣ, о Польшѣ, о томъ, что христіанскій міръ ждетъ отъ нея подвига.—Но Ядвига въ это время рѣшительно не способна была спокойно разсуждать ни о Польшѣ, ни о долгѣ. Въ особенности, подвига-то она и понять не можетъ! Въ отчаяніи убѣгаетъ она въ свою молельню и тамъ передъ кроткими ликами святыхъ угодниковъ изливаетъ свое горе въ горячихъ слезахъ!

Удаляются мудрые пѣстуны польскихъ судебъ, предусмотрительно удвоивши надзоръ за своей королевой, а сами, не теряя золотого времени, усердно принимаются за совѣщаніе о пріемѣ и крещеніи избранника королевы-матери,—своего любимца, того дикаря, которому изъ-за римскихъ интересовъ отдаютъ они пре-

Ядвига пробуетъ бѣжать изъ своего замка въ Краковѣ. *(Къ стр. 175.)*

лестнѣйшій цвѣтокъ европейской цивилизаціи! Сидѣли, рядили клевреты Запада до свѣта, не смыкая глазъ.

Ночныя тѣни еще висѣли надъ землею. Молящаяся Ядвига еще не кончила своихъ горькихъ изліяній передъ божницею: чу! въ двери къ ней постучали легкой, осторожной рукой! Какъ серна, вскочила королева. Не посылаетъ ли небо утѣшеніе ей, бѣдной страдалицѣ?—Торопливо отпираетъ она замо́къ и видитъ передъ собою любимую свою кормилицу, старую, преданную наперсницу. «Бѣжимъ, голубка моя ясная, бѣжимъ, родная моя, изъ этого адскаго за́мка, гдѣ такъ безсердечно обижаютъ свою королеву!» шептала вѣрная мамка. Бѣжать?... О, да, бѣжать къ супругу, къ полюбившемуся на всю жизнь Вильгельму! Бѣжать на волю, какъ можно дальше отъ этой мрачной тюрьмы, отъ этихъ жестокихъ охранителей. И, осторожно пробираясь, онѣ миновали королевскіе покои; никого не встрѣтивъ, спустились во дворъ и хотѣли пройти потайной калиткой, продѣланной въ стѣнѣ и никогда не оберегаемой, даже, обыкновенно, не запиравшейся.

Но теперь—калитка оказалась заперта большимъ замкомъ, и передъ нею стража, вооруженная топорами.—«Отпереть!» повелительно сказала королева.—«Не велѣно», былъ короткій отвѣтъ.—«Кто же запретилъ?»—«Вельможи!»—«И мнѣ запрещено? мнѣ? королевѣ? Подать топоръ!» На этотъ счетъ приказа не было.—«Бери, повелительница наша милостивая», съ плачемъ сказали стражники, падая со страху на колѣни передъ своей вѣнчанной узницей, боясь ослушаться и ея и вельможъ. Быстро схватила Ядвига топоръ своими почти дѣтскими руками и уже взмахнула имъ, чтобы разсѣчь роковой запоръ. Одинъ

ударъ,—и сокровище за́мка надъ Вислою было бы навсегда потеряно для Польши и для Рима! Но его сохранилъ краковскій подскарбій, старый слуга дѣда и отца королевы. Онъ выступилъ изъ мрака, покойно всталъ передъ дверью и заговорилъ почтительно: «Въ меня пусти топоръ, королева! Меня убей прежде: а потомъ покидай замокъ отцовъ; черезъ мой окровавленный трупъ переступи, дочь Людовика!» Съ воплемъ ужаса отшатнулась Ядвига, топоръ выпалъ изъ безчувственныхъ рукъ. Замертво внесли обратно въ за́мокъ несчастную жертву придворныхъ интригъ. Около нея собрали извѣстнѣйшихъ лѣкарей изъ всѣхъ монастырей. Долго боролись съ неутѣшнымъ горемъ и болѣзнію молодыя силы. Кардиналъ съ большимъ тактомъ воспользовался этимъ временемъ. Въ теченіе болѣзни онъ вмѣстѣ съ докторами и надежными придворными дамами, рьяными католичками, заботливо ухаживалъ за Ядвигой. Ея несчастіе вызывало общее сочувствіе, и еще сильнѣе разгорѣлась непритворная любовь къ ней народа.

Постепенно, осторожно стали развивать въ ней и безъ того очень сильную набожность. На этой же почвѣ, шагъ за шагомъ, стали воздвигать основаніе новыхъ обязанностей доброй католички передъ римскимъ престоломъ, убѣждая въ необходимости распространенія просвѣщенія католическою вѣрою сѣвера и востока Европы. Малодушный побѣгъ Вильгельма и слухи, быть можетъ, преувеличенные, о томъ, какъ онъ, въ нищенскомъ платьѣ, достигъ Вѣны, вмѣсто того, чтобы не покидать юной супруги, значительно помогли сторонникамъ сліянія Польши съ Литвою, въ выполненіи ихъ политическаго замысла.

Силы королевы постепенно возвращались. Вмѣстѣ

съ этимъ росли и крѣпли сѣмена, тщательно, умѣло заброшенныя въ ея душу. Передъ ея умственнымъ взоромъ все яснѣе и величественнѣе выступала мысль о христіанскомъ подвигѣ, о ея святомъ призваніи—обратить ко Христу язычниковъ.

Между тѣмъ, литовскій князь Ягайло сдѣлалъ рѣшительный шагъ,—самъ предложилъ свою руку Ядвигѣ (1385 г.) и приближался къ Кракову. Съ нимъ шли его братья, родичи, частію православные, частію же, какъ и онъ, еще язычники.

Всѣ заискиванія, всѣ почести сыпались теперь на голову литовскаго князя. Съ свойственнымъ полякамъ легкомыслiемъ, народъ радостно стремился на встрѣчу своему недавнему врагу. Новыя зрѣлища, новыя щедроты сулилъ его торжественный пріѣздъ, и вѣтреное населеніе съ веселiемъ ждало поклониться тому, кого еще такъ недавно кляло за кровь и му́ки близкихъ, павшихъ жертвами литовской жестокости. Правда, литовскій князь несъ съ собою не мало радостей Польшѣ: Ягайло обѣщалъ безъ выкупа возвратить Польшѣ 20.000 плѣнныхъ, захваченныхъ литовцами въ предыдущихъ войнахъ, принять вѣру католическую со всѣмъ своимъ народомъ, соединить на-вѣки съ Польшею свои наслѣдственныя и пріобрѣтенныя владѣнія, обѣщалъ оказать Польшѣ помощь для возвращенія потерянныхъ ею земель, привезти въ Польшу нѣкоторыя изъ отцовскихъ и дѣдовскихъ сокровищъ,—заплатить, наконецъ, сумму, должную Вильгельму, австрійскому принцу, за несдержаніе обѣщанія относительно руки королевы Ядвиги. Щадя самолюбіе и не желая раздражать болѣзненное чувство несчастной, Ягайло дѣйствовалъ осмотрительно. Онъ давалъ ей время свыкнуться съ мыслью

о предстоящемъ бракѣ съ неизвѣстнымъ и немолодымъ княземъ. По дорогѣ останавливался онъ въ польскихъ городахъ—Люблинѣ, Сандомирѣ; приготовляясь же къ таинству св. крещенія, послалъ звать въ крестные отцы великаго магистра тевтонскаго ордена, Конрада Кельнера фонъ-Ротенштейна, къ своей же царственной суженой отправилъ съ драгоцѣнными дарами братьевъ, родного—Свидригайло и двоюроднаго—Витовта.

Въ это время союзники его при дворѣ Ядвиги продолжали усердно располагать ее въ его пользу. Юная королева, нѣсколько охлажденная отсутствіемъ Вильгельма, начала колебаться. Сильно безпокоила ее молва, будто Ягайло былъ варваръ нравомъ и уродъ тѣломъ. Чтобы увѣриться въ справедливости этихъ слуховъ, она отправила къ нему навстрѣчу самаго преданнаго себѣ человѣка съ порученіемъ разсмотрѣть хорошенько наружность жениха и извѣдать его нравъ. Ягайла предувѣдомили о цѣли посольства; онъ принялъ посланнаго съ необыкновенною ласкою, и тотъ, возвратившись къ Ядвигѣ, донесъ ей, что литовскій князь наружностію пріятенъ, красивъ, строенъ, роста средняго, въ обхожденіи важенъ и смотритъ государемъ. Ядвига успокоилась на этотъ счетъ и позволила убѣдить себя. Наконецъ, кардиналъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ. Торжественно, въ присутствіи самыхъ любимыхъ его придворныхъ, онъ сообщилъ церковное постановленіе о незаконности браковъ между малолѣтними, хотя бы клятвы въ вѣрности произносились передъ алтаремъ Господнимъ.—Пало послѣднее препятствіе къ браку Ягайло и Ядвиги: церковь не придавала значенія ея клятвѣ! Святой обрядъ, связывавшій ее съ ми-

лымъ, не существуетъ! У нея нѣтъ супруга!—подточенъ послѣдній оплотъ. Пришлось преклониться передъ суровою дѣйствительностью несчастной польской королевѣ и идти навстрѣчу будущему королю-супругу, будущему брату во Христѣ!

Съ тѣхъ поръ, какъ Краковъ сталъ столицей, не было еще въ его стѣнахъ такого торжества, какъ въѣздъ Ягайлы, литовскаго великаго князя, язычника, въ его будущую столицу. Толпы пановъ и народа съ музыкой и кликами радости вышли его встрѣчать за городскія ворота и проводили до за́мка, гдѣ коронные вельможи, раболѣпно встрѣтивъ своего избранника, проводили его въ королевскія палаты, къ подножію трона Пястовъ. Королева Ядвига, окруженная своимъ блестящимъ дворомъ, сонмомъ рыцарей и красавицъ, какъ мраморная статуя блѣдна и прекрасна, сидѣла въ своемъ великолѣпномъ нарядѣ, подъ тяжестью блестящаго вѣнца!

Жертва человѣческихъ происковъ, борьбы партій, тщеславія и низости близкихъ, она искала опоры лишь въ молитвѣ и страдальческою улыбкой мученицы встрѣтила того, чью душу, вѣчное спасеніе, купила цѣною своихъ сердечныхъ мученій!—Остолбенѣлъ Ягайло! Поражены дикіе литовцы! Столько прелести, кротости, величія въ лицѣ юной королевы польской они не ожидали, и долу склонили свои мощныя колѣни, свои гордыя головы передъ красавицей Ядвигой.—Единодушный восторгъ варваровъ произвелъ облегчающее впечатлѣніе на дворъ и на самое Ядвигу: она какъ будто вздохнула свободнѣе, понявъ свою будущую силу надъ грубымъ воиномъ.

Въ послѣдующіе дни польское духовенство горячо принялось объяснять Ягайлѣ латинскій катихизисъ.

Смѣтливый литвинъ, подстрекаемый желаніемъ ускорить срокъ свадьбы, ни въ чемъ не затруднялъ ихъ объясненій и легко усвоялъ ученіе, съ которымъ, впрочемъ, былъ уже знакомъ. Онъ не останавливался на различіяхъ между православнымъ ученіемъ и теоріями, излагаемыми передъ нимъ римскимъ духовенствомъ. Ядвига внимательно слѣдила за ходомъ занятій своего будущаго мужа. Горячо молила она Всевышняго, чтобы Онъ, Всемогущій, просвѣтилъ разумъ новообращаемаго христіанина пониманіемъ Евангельскихъ истинъ, смягчилъ его языческое сердце! Кардиналъ тоже торопилъ совершеніемъ таинства. По единодушному соглашенію всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, жители были оповѣщены колокольнымъ звономъ, что въ краковскомъ каѳедральномъ соборѣ четыре внука Гедимина (Ягайло, Вигдидъ, Свидригайло и Витовтъ) съ своими родичами-язычниками—кто въ первый, а кто, какъ Витовтъ, въ третій разъ—приняли христіанство по обряду западной римской церкви. При этомъ присутствовали православные литовскіе князья: Скиргайло, Ѳеодоръ Луцкій, Иванъ Бѣльскій, Михаилъ Заславскій и другіе.

За актомъ крещенія не замедлилъ наступить и торжественный актъ бракосочетанія польской королевы Ядвиги съ Владиславомъ, (христіанское имя князя Ягайло) великимъ княземъ русско-литовскимъ. Онъ сумѣлъ почувствовать счастье минуты, которая соединила его съ прелестнѣйшею супругой у подножія алтаря. Обручальное кольцо, которымъ тогда прелаты соединили прежняго врага Польши съ наслѣдницей короны Пястовъ, дочерью славнаго Людовика, не сошло съ его пальца до самой смерти... «Изъ всѣхъ преходящихъ сокровищъ этого міра», говари-

валъ Владиславъ, «это кольцо было драгоцѣннѣйшимъ для меня сокровищемъ». И дѣйствительно, счастливый король Польши и Литвы носилъ его почти полстолѣтія, до самой смерти.

Спустя двѣ недѣли послѣ свадьбы, наступило новое торжество,—коронованіе Ягайлы-Владислава. Духовенство, князья, вельможи, шляхта и народъ, торжественно провожали изъ замка въ соборъ—супруга польской королевы, литовскаго великаго князя-христіанина. Въ храмѣ, въ присутствіи горячо молящейся супруги, на него была возложена кардиналомъ древняя корона польскихъ королей. Торжественно клялся вѣнчанный Владиславъ передъ лицомъ Бога, Его служителей, польской королевы и магнатовъ, что онъ исполнитъ краковскій договоръ, окститъ свою Литву по римско-католическому обряду и присоединитъ всѣ земли, принадлежащія ему, къ новымъ своимъ владѣніямъ, къ Польскому королевству! (1386 г.).

И выполнилъ Ягайло свою клятву: литовскія и русскія земли, отъ Жмуди до Чернаго моря, были присоединены къ польской коронѣ. Послѣ коронаціи, Владиславъ и Ядвига отправились въ Вильну, болѣе чѣмъ наполовину уже православную. Окруженные огромною свитою епископовъ, князей, польскихъ и мазовецкихъ воеводъ, они вступили въ литовскую столицу, чтобы крестить по католическому обряду всѣхъ своихъ подданныхъ: не только литвиновъ-язычниковъ, но, благодаря безграничному рвенію ксендзовъ, и всѣхъ русскихъ, исповѣдавшихъ православную вѣру.

ИСТОЧНИКИ:

1) *М. Смирновъ.* Ягелло-Яковъ-Владиславъ.
2) *Карлъ Шейнохъ.* Ядвига и Ягайло.
3) *А. Соколовскій.* Исторія Польши.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧ. Б-КА
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Брутеня и Войдевутъ, легендарные герои Литвы 1
Войтѣхъ и Брунъ, католическіе миссіонеры 8
Городня 1125 года, теперешняя Гродна 15
Мейнгардъ и Бертольдъ, первые католическіе епископы Ливоніи 27
Основаніе датчанами Ревеля 46
Гибель Юрьева 55
Первое вторженіе шведовъ въ Россію 73
Миндовгъ, князь литовскій 84
Войшелкъ, князь-инокъ 94
Основаніе Вильны Гедиминомъ 101
Плѣнъ Кейстута 120
Православные мученики въ Вильнѣ 132
Смерть великихъ литвиновъ 146
Ягайло и Ядвига 162

Изданія Училищнаго при Святѣйшемъ Сунодѣ Совѣта.

I. Учебныя руководства и пособія.

1) Евангеліе на слав. яз., въ бум. 20 к.—**2**) Краткій молитвословъ на слав. яз., въ бум. 4 к.—**3**) Псалтирь учебная, въ бум. 25 к.—**4**) Часословъ учебный для начальныхъ сельскихъ училищъ, въ бум. 20 к.—**5**) Октоихъ, сирѣчь осмогласникъ учебный, обдержай воскресную службу осми гласовъ, въ бум. 20 к.—**6**) Церковно-славянская азбука. Руководство для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Сост. Н. И. Ильминскій: книжка первая, для учителей, въ бум. 12 к.; книжка вторая, для учениковъ, въ бум. 8 к.—Двѣ таблицы буквъ къ сей азбукѣ, 5 к.—**7**) Обученіе церковно-славянской грамотѣ въ церковно-приходскихъ школахъ и начальныхъ училищахъ съ примѣрами для чтенія изъ св. Писанія и изъ молитвъ и съ объясненіями для учителей. Сост. Н. И. Ильминскій: книжка первая, для учителей, въ бум. 15 к.; книжка вторая, для учениковъ, въ бум. 20 к.—**8**) Русскій букварь. Для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Изданіе значительно исправленное и дополненное, въ бум. 12 к.—**9**) Книга первая для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты. Годъ первый обученія. Сост. Н. Ѳ. Одинцовъ и В. С. Богоявленскій. Спб. 1904, въ бум. 15 к.—**10**) Книга вторая для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ. Годы 2-й и 3-й обученія. Спб. 1904, въ бум. 35 к.—**11**) Краткая исторія жизни Господа нашего Іисуса Христа въ вопросахъ и отвѣтахъ, въ бум. 5 к.—**12**) Начальные уроки по Закону Божію. П. С. Изданіе 8-е. Спб. 1899, въ бум. 5 к.—**13**) Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго Завѣта (на рус. яз.). Изданіе 4-е. Спб. 1897, въ бум. 15 к.—**14**) То же, на слав. яз., ц. 20 к.—**15**) Начатки христіанскаго ученія, 6 к.—**16**) Наставленіе въ Законѣ Божіемъ, П. А. Смирнова, 15 к.—**17**) Наставленіе въ Законѣ Божіемъ,—Епископа *Агаѳодора*, 15 к.—**18**) О Богослуженіи православной Церкви,—Епископа *Гермогена*. Изд. 3-е. Спб. 1903, въ бум. 20 к.—**19**) Обиходъ учебный нотнаго пѣнія употребительныхъ церковныхъ роспѣвовъ. Москва. 1902, въ бум. 60 к.—**20**) Краткое руководство къ первоначальному изученію церковнаго пѣнія по квадратной нотѣ. Сост. Д. Н. Соловьевъ, въ бум. 25 к.—**21**) Азбука хорового пѣнія, съ практическими упражненіями и краткою хрестоматіею. Сост. Д. Н. Соловьевъ, въ бум. 50 к.—**22**) Касторскій. Первыя ступени обученія пѣнію, ц. 20 к.—**23**) 1001 задача для умственнаго счета. Пособіе для учителей сельскихъ школъ. Сост. С. А. Рачинскій. Спб. 1899, въ бум. 15 к.—**24**) Программы: а) для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, въ бум. 15 к., б) для второклассныхъ школъ, ц. 20 к. и в) для церковно-учительскихъ, ц. 25 к.—**25**) Правила и программы испытаній по духовному вѣдомству на званіе учителя или учительницы одно-классной церковно-приходской школы, въ бум. 5 к.—**26**) П. Цвѣтковъ. Методическія замѣтки о рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ, составляющихъ курсъ начальной ариѳметики, и новая систематизація задачъ, ц. 15 к.—**27**) Его же. Методическій сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Первый годъ обученія, ц. 10 к. Второй годъ обученія, ц. 15 к. Третій годъ обученія, ц. 10 к.—**28**) Русскія прописи для церковно-приходскихъ школъ, ц. 10 к.

II. Книги для внѣ-класснаго чтенія.

29) Училище Благочестія или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житій святыхъ. Съ 18 рисунками, исполненными художникомъ А. В. Серебряковымъ. Стр. 1—550, въ бум. 90 к.—**30**) Изъ твореній св. Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійской. Правила богоугодной жизни, въ новомъ переводѣ съ греческаго. Съ приложеніемъ краткаго жизнеописанія св. Василія. Спб. 1900. Стр. 1—152, въ бум. 30 к.—**31**) Поученія и слово въ недѣлю Ѳомину. Протоіерея І. И. Сергіева. Спб. 1900. Стр. 1—20, въ бум. 5 к.—**32**) Слова и поученія въ недѣлю о слѣпомъ. Его же. Спб. 1900, стр. 1—15, въ бум. 5 к.—**33**) Слова и поученія въ недѣлю святыхъ женъ мѵроносицъ. Его же. Спб. 1900. Стр. 1—17, въ бум. 5 к.—**34**) Слова и поученія въ недѣлю о самарянынн. Его же. Спб. 1900. Стр. 1—24, въ бум. 5 к.—**35**) Слова въ недѣлю святыхъ отецъ. Его же. Спб. 1900. Стр. 1—26, въ бум. 5 к.—**36**) Слова въ недѣлю о разслабленномъ. Его же. Спб. 1900. Стр. 1—10, въ бум. 5 к.—**37**) Бесѣды

о блаженствахъ Евангельскихъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—79, въ бум. 15 к.—**38**) Бесѣды о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—149, въ бум. 20 к.—**39**) Св. Игнатій Богоносецъ. 6 к.—**40**) Св. Поликарпъ, епископъ Смирнскій. 6 к.—**41**) Св. Іустинъ Философъ. 6 к.—**42**) Св. Поѳинъ и Ліонскіе мученики. 4 к.—**43**) Св. Кипріанъ, епископъ Карѳагенскій. 8 к.—**44**) Святые епископы: Петръ Александрійскій и Меѳодій Тирскій. 8 к.—**45**) Святый Великомученикъ Георгій. 6 к.—**46**) Уроки и примѣры христіанской вѣры, надежды и любви. Прот. Григ. Дьяченко. Цѣна 5 р.—**47**) Краткое сказаніе о жизни и трудахъ св. славянскихъ учителей Кирилла и Меѳодія. Съ рис. и нотн. перелож. тропаря и кондака. Сост. Х. Поповъ. 5 к.—**48**) Насажденіе православной христіанской вѣры въ Россіи (980—1200 г.). Спб. 1898. Стр. 1—102. 25 к.—**49**) Бесѣды по русской исторіи. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Изданіе третье. Спб. 1899. Стр. 1—449. 60 к.—**50**) Бояринъ Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ (Филаретъ Милостивый на Святой Руси). Прот. М. И. Хитрова. 15 к.—**51**) Приключенія Оливера Твиста. Соч. Диккенса. Перев. съ англ. школьнаго изданія. 40 к.—**52**) Сельская школа. Сборникъ статей С. А. Рачинскаго. Изданіе 5-е. Спб. 1902. Стр. 1—371. 75 к.—**53**) Загоскина. Юрій Милославскій, 50 к.—**54**) Его же. Русскіе въ началѣ XVIII ст., 35 к.—**55**) Его же. Брынскій лѣсъ, 35 к.—**56**) Его же. Кузьма Петровичъ Мирошевъ, 50 к.—**57**) Его же. Кузьма Рощинъ, 15 к.—**58**) Его же. Рославлевъ или русскіе въ 1812-мъ году, 50 к.— **59**) Избранныя сочиненія В. А. Жуковскаго, ц. 45 к.—**60**) Фонвизинъ. Недоросль, 12 к.—**61**) Черепнинъ. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 12 к.—**62**) Гречулевичъ. Праздники Богородичные, 12 к.—**63**) Вадковскій. Бесѣды о пользѣ пчеловодства, 8 к.—**64**) Козловъ. Княгиня Н. Б. Долгорукая, 7 к.—**65**) Мысли о воспитаніи и ученіи. Спб. 1898 г. 5 к.—**66**) Школьная библіотека и ея порядки (со списками книгъ для библіотекъ церк.-приходск. школъ), 3 к.—**67**) А. Поповъ. Сборникъ духовныхъ стихотвореній, ц. 35 к.—**68**) Сборникъ методическихъ разъясненій, ц. 60 к.—**69—72**) С. Арсеньева. Разсказы изъ русской исторіи, вып. 1, 2, 3 и 4, ц. 2 р. 40 к.—**73**) Ея же. Разсказы изъ исторіи западныхъ окраинъ Россіи. Вып. 1, ц. 60 к.—**74**) Свящ. К. Ивановскій. Препод. Серафимъ, Саровскій чудотворецъ, ц. 45 к.—**75**) То же, сокращенное изданіе, ц. 10 к.—**76**) О христіанскомъ воспитаніи, ц. 20 к.—**77**) Полянскій Ив. Чтенія по естествознанію, ц. 1 р. 50 к.—**78**) Завьяловъ А. Римскія катакомбы, ц. 80 к.—**79**) Гоненіе на христіанъ при Діоклитіанѣ, ц. 1 р. 30 к.

---

80) Школьный календарь за 1897—1898 учебный годъ. 30 к.—**81**) Школьный календарь за 1898—1899 учебн. годъ, 30 к.—**82**) Школьный календарь за 1899—1900 учебный годъ, 30 к.—**83**) Церковно-пѣвческій сборникъ. Томъ I. Всенощное бдѣніе. 80 №№ пѣснопѣній Львова, Турчанинова, Соловьева, Старорусскаго, Архангельскаго и др. Стр. 1—394. Партитура 1 р. 50 к. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 50 к.) 2 р.—**84**) Церковно-пѣвческій сборникъ. Томъ II. Часть 1. Литургія (партитура) 1 р. 50 к. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 50 к.) 2 р.—**85**) Церковно-пѣвческій сборникъ. Томъ II. Часть 2 (партитура), 2 р. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 75 к.) 3 р.—**86**) Церковно-пѣвческій сборникъ. Томъ III. Часть 1 (партитура), 2 р. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 75 к.) 3 р.—**87**) Церковно-пѣвческій сборникъ. Т. III. Ч. 2. Партитура, ц. 4 р. Голоса 1, 2, 3 и 4 (по 1 р. 25 к.), 5 р.—**88**) Богогласникъ. Сборникъ благоговѣйныхъ пѣснопѣній праздникамъ Господнимъ, Богородичнымъ, нарочитыхъ святыхъ и чудотворнымъ иконамъ, а также и другихъ набожныхъ, молитвенныхъ, покаянныхъ и умилительныхъ пѣсней, 1 р.—**89**) Портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. 1 р.—**90**) Примѣрные чертежи деревянныхъ построекъ для второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ духовнаго вѣдомства со смѣтными исчисленіями. Состав. М. Преображенскій. 2 р. 50 к.—**91**) А. Померанцевъ и Н. Козловъ. Примѣрные проекты одноклассныхъ и двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и смѣты къ нимъ, ц. 3 р.—**92—110**) Проекты и смѣты на постройку каменнаго зданія одноклассной церковно-приходской школы. №№ 1—19, ц. по 1 р. за каждый.—**111**) Церковно-приходскія школы и школы грамоты Россійской Имперіи въ 1896 и 1897 годахъ (извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго отчета Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сѵнода). Спб. 1899, 20 к.—**112**) Высочайше утвержденныя положенія: а) о школахъ духовнаго вѣдомства и б) объ управленіи церковными школами, 10 к.